

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова»

Э.В. Фомин А.М. Иванова

**ЧУВАШСКИЙ АНТРОПОНИМИКОН
XVIII ВЕКА:
ИНАЯ КУЛЬТУРНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ**

Чебоксары
2020

УДК 811.512.111'373.23''17''

ББК Ш12=635.1*03{4}*316.2

Ф76

Рецензенты:

д-р филол. наук *Ю.Н. Исаев*

(Чувашский республиканский институт образования);

д-р филол. наук *Г.С. Хазиева-Демирбаи*

(Институт языка, литературы и искусства Академии наук
Республики Татарстан)

Научный редактор

д-р филол. наук, профессор *Г.Е. Корнилов*

(Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова)

Печатается по решению Ученого совета

Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова

Фомин Э.В.

Ф76 Чувашский антропонимикон XVIII века: иная культурная реальность / Э.В. Фомин, А.М. Иванова. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2020. 140 с.

ISBN 978-5-7677- 3090-2

Настоящая монография и «Словарь чувашских имен дохристианской эпохи» входят в «лингвистическую дилогию» и являются первым системным опытом изучения традиционного чувашского антропонимикона. Приводится описание языческих имен в фонетическом и словообразовательном аспектах, рассматриваются семантическая обусловленность имен и генетическая стратификация именованного слова.

Для специалистов, занимающихся проблемами чувашского языкознания, ономастики и контактологии.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
и Чувашской Республики в рамках научного проекта
№ 18-412-210002 p_a*

ISBN 978-5-7677- 3090-2

УДК 811.512.111'373.23''17''

ББК Ш12=635.1*03{4}*316.2

© Фомин Э.В., Иванова А.М., 2020

© Издательство Чувашского университета, 2020

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая монография является частью «лингвистической диалогии» – исследования чувашских имен дохристианской эпохи, результаты которого представлены в виде монографии и словаря.

Имена дохристианской эпохи – выразительнейший пласт чувашской лексики. Они до сих пор составляют привычный фон чувашской культуры, являются элементом, поддерживающим этническое сознание, вызывают неизменный интерес как со стороны ученых, так и обычных людей. Однако до сих пор чувашская лингвистика не создала монографического исследования, посвященного всестороннему описанию антропонимов. Каждый новый подход со стороны ученых прерывался в самом начале пути (см. труды Л. В. Даниловой, Н. И. Егорова, Л. П. Петрова). Лишь М. Р. Федотову удалось издать словарь чувашских имен, включающий более полутора тысяч единиц. Между тем чувашский дохристианский именослов, по наблюдениям исследователей, достигает многих десятков тысяч.

Материал, на основе которого написана данная книга, собирался в течение нескольких лет из источников – лингвистических словарей и исследований, фольклорных текстов, исторических документов. Поэтонимы, т. е. имена персонажей художественных произведений, включались в антропонимический словарь лишь в том случае, если они находили подтверждение в других источниках. Общий объем собранного материала составил около 15 тыс. личных имен.

Большинство традиционных чувашских имен относится к золотоордынскому, казанско-ханскому периодам, а также новобулгарской эпохе. И совершенно справедливо в чувашском антропонимическом словаре преобладают татаризмы, арабизмы и фарсизмы. Слой имен, который пока еще не поддается этимологизации, представлен именами более ранних эпох – дозолотоордынской, средне- и древнебулгарской.

Середина XVIII в. является чертой, которая определила судьбы чувашского антропонимикона: языческие имена буквально за одно поколение были замещены христианскими, но продолжали параллельно существовать в быту. Функционирование двух антропонимических традиций позволило сохранить память о дохристианских именах и создало условия освоить новые православные антропонимы согласно привычным лингвистическим лекалам.

Авторы благодарят Российский фонд фундаментальных исследований за поддержку проекта. Условия фонда дисциплинируют авторов, а предложения и замечания экспертов позволяют скорректировать программу исследований.

Авторы выражают благодарность рецензентам Ю. Н. Исаеву и Г. С. Хазиевой-Демирбаш за положительные отзывы, научному редактору Г. Е. Корнилову за ценные советы. Также глубоко признательны Ф. И. Тагировой и С. В. Баландину за консультативную помощь в работе над проектом.

Поскольку в книге имена не сопровождаются транскрипцией, авторы при чтении чувашских имен предлагают придерживаться следующих правил:

1. Специфичные чувашские звуки выражаются рядом качественных параметров:

ă – редуцированная гласная, обозначаемая в русской транскрипции знаком ъ, сверхкраткий вариант [а]: *гор[ъ]д*;

ě – редуцированная гласная, обозначаемая в русской транскрипции знаком ь, сверхкраткий вариант [э]: *вос[ь]ль*;

ý – огубленный гласный переднего подъема, мягкий вариант [у]: *[т'у]лень*;

ç – палатальный шепелявый согласный [ш:']: *я[ш':]ик*.

2. Согласные звуки в позиции между двумя гласными, а также между сонорными и гласными озвончаются, например: *Акат – А[г]ат*, *Васин – Ва[з']ин*, *Мучар – Му[ç]ар*, *Пакит – Па[г']ит*, *Сарпи – Сар[б']и*, *Куçак – Ку[ç]ак*.

3. Ударение падает на конечный полногласный звук; в случае, если в слове все гласные короткие, ударение следует ставить на первый слог, например: *Алмаслу́*, *Илкíлтĕ*, *А́рăс*.

ГЛАВА 1

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЧУВАШСКИХ ИМЕН

1.1. Чувашские имена как феномен культуры

Чувашские личные имена дохристианской эпохи – феномен культуры, выраженный специфичными языковыми признаками, результат значительного татарского и арабo-иранского влияния на чувашский язык. По сути, эта система противопоставлена современной – русско-православной.

В дохристианскую эпоху в чувашской среде существовала своя антропонимическая традиция. Ее, с подачи этнографа В. К. Магницкого, принято называть языческой [Магницкий 1905]. Однако данный термин в работах лингвистов Л. П. Петрова и М. Р. Федотова подвергается критике как неточно отражающий сущность рассматриваемого явления: древнечувашский антропонимикон предпочтительнее называть дохристианским [Петров 1987; Петров 1988] или нехристианским [Федотов 1998].

Система старочувашского имянаречения активно начала разрушаться в середине XVIII в., когда были предприняты решительные шаги по христианизации нерусских народов Поволжья [История 1983, с. 111–113; Никольский 1915]. В тот период чувашский антропонимикон значительно усложнился. С одной стороны, существовала собственная традиция имянаречения: имена, данные человеку при рождении, были табуированы, а в быту использовались другие, как правило, неблагозвучные (*Курак* ‘грач’, *Џупти* ‘сорный’); с другой – русская система имянаречения, привнесшая в чувашскую среду православные имена. Другими словами, у человека одновременно могло существовать три имени: первое – чувашское табуированное, второе – чувашское бытовое, третье – русское православное.

В целом эволюцию чувашского антропонимикона, согласно хронологической линейке, можно отобразить следующим образом:

– *Чурач Шахмурзин, Коняч Собаков, Актул Авдово, Толубай Толказин, Ищерек Имиш, Байдул Искеев, Тойдемир Емайдин* (1641, 1672);

– *Чултан Иштеряков, Елдашка Дюсметев, Иштуганка Янтуганов, Якушка Адеряков, Уразайка Акбулов, Максим Ишпулатов, Охадер Томеев, Ганка Ишкин, Изанбай Изиндиев* (1700–1753);

– *Казьма Григорьев, Михаил Яковлев, Иван Алдров, Тимофей Ильин, Агафон Иванов, Савелий Федоров, Степан Иванов* (1755);

– *Петр Иванов (Рахмул), Михаил Иванов (Негей)* (1774);

– *Иван Яковлевич Яковлев, Михаил Федорович Федоров, Игнатий Иванович Иванов, Григорий Тимофеевич Тимофеев, Гаврил Алексеевич Кореньков, Марфа Дмитриевна Трубина, Константин Васильевич Иванов, Михаил Кузьмич Кузьмин* (1848, 1878–1899).

Замещение дохристианских имен православными в среде чувашского народа шло неравномерно. К началу XIX в. практически вся чувашская метрополия уже перешла на новые антропонимы, заимствованные в субституированной форме:

Андрей → *Унтри, Энтёркке, Энтрей, Энтри*;

Николай → *Куля, Миккуль, Микул, Микула, Микулай, Микулка, Микуль, Микуш*;

Екатерина → *Катус, Катюк, Кётери, Кётерин, Кётерне, Кётерни, Кётерук*.

Иначе обстояли дела на периферии, более приверженной языческим традициям. В чувашских диаспорах Урало-Поволжья вплоть до XX в. и даже позже встречались традиционные имена, например, список информаторов этнолога Е. А. Ягафовой в книге «Самарские чувашки»: *Ульбике Савандеевна Сидубаева* (1908 г. р.), *Ольга Угандеевна*

Отрицаева (1918 г. р.), *Кельбике Семеновна Кашаева* (1919 г. р.), *Халиме Михайловна Серендеева* (1928 г. р.), *Петр Тухтаманович Альмендеев* (1930 г. р.) [Ягафова 1998, с. 334–339].

В настоящее время наблюдается новая тенденция – ревитализация чувашских дохристианских антропонимов, например, случаи использования архаичных имен в современном имяназвании: *Айдар Петрович Степанов*, *Атнер Андреевич Михайлов*, *Атнер Петрович Хузангай*, *Тимер (Тимёр) Александрович Савельев*, *Этнер Николаевич Егоров*, *Ильбина (Илемпи) Валериевна Тургай*, *Исси Васильевна Дворникова*, *Нарспи Петровна Денисова*, *Салампи Олеговна Прокопьева* (см.: Иванова 2019). Кроме того, в чувашской литературе востребованы псевдонимы (их носит каждый второй чувашский писатель [Фомин 2017, с. 223–224]), часть которых является отыменными образованиями: *Илле Тӓхти* – букв. Илья подождавший, т. е. родившийся позже сроков, *Рауса Сарпи*, *Валентина Элли* (*Сарпи*, *Элли* – дохристианские женские имена).

Изучение проблемы чувашских антропонимов требует обращения к широкому кругу экстралингвистических и лингвистических составляющих.

Экстралингвистический анализ необходимо применить в целях установления первопричин наречения человека конкретным именем. Особенно это актуально в случаях, когда ребенку давались имена собственно чувашского происхождения, ср.: *Нарспи* < *нарӑс* ‘февраль’ + *пи(ке)* ‘дева, госпожа’, т. е. букв. рожденная в Навруз; *Эрнепи* < *эрне* (*кун*) ‘пятница’ + *пи(ке)* ‘госпожа’, т. е. букв. рожденная в пятницу; *Тӓхтаман* < *тӓхта-* ‘ждать’ + *-ма* аффикс отрицания + *-н(ӓ)* аффикс давнопрошедшего времени, т. е. не подождавший, торопливый, т. е. родившийся раньше сроков. Отметим, что формант (*-ман*) находится в омонимичных отношениях с другим имяобразовательным аффиксом неизвестного происхождения

-ман (-мен), ср.: *Айтарман, Еремен, Ешмен, Илемен, Патман, Этремен, Ятман* [Федотов 1998, с. 22].

В свою очередь, лингвистический анализ предусматривает разработку материала в фонетическом, дериватологическом и этимологическом планах.

Фонетический подход необходим для установления фонотактических особенностей чувашских имен. Им присуще специфичное звучание, обусловленное значительными арабо-иранскими основами антропонимикона. К тому же исламские антропонимы чаще всего приходили в чувашский контекст через татарское преломление.

Важная составляющая проблемы – фонетическая реконструкция имен. Большая часть чувашского антропонимикона дохристианской эпохи зафиксирована в искаженной русской орфографии. Исключение составляют лишь антропонимы, нашедшие отражение в топонимии и фольклоре непосредственно на чувашском языке. При этом специфичные звуки чувашского языка в русском написании могли передаваться разными буквами [Магницкий 1905, с. 13]. В связи с этим возникает необходимость фонетической реконструкции имен с учетом разного рода факторов – диалектных, интерферентных, временных и пр.

Дериватологический аспект изучения чувашских антропонимов направлен на установление словообразовательной структуры имени. В чувашском языке имяобразующими формантами выступали, например, такие единицы, как *-слу* (*Пинеслу, Укаслу, Эрнеслу*), *-ук / -у́к* (*Северук, Эверук, Эппелюк*), *-тар / -тер* (*Ементер, Молентер, Пайтар*), *-тай / -тей* (*Авантей, Елентей, Сармантей, Силментей*) и некоторые др. (подробнее см.: Федотов 1998, с. 20–30).

Этимологический аспект обуславливается предыдущими и в итоге объясняет происхождение имен.

Изучение проблемы чувашских антропонимов предполагает выполнение ряда частных задач:

1) сбор материала путем просмотра научных исследований по истории чувашского этноса с одновременным лексикографированием антропонимов. Во многих исторических работах встречаются упоминания чувашских имен и отчеств. В последнем случае путем отсечения русских формантов можно вывести исходные формы имен, например: *Дюсметев* → *Тусмет, *Искеев* → *Искей, *Мульеров* → *Мульер;

2) анализ непривычных фамилий, встречающихся в чувашской среде в настоящее время, например: *Ирехметкин* → **Ирехмет(ке)*, *Ишмуратов* → *Ишмурат, *Кашкаров* → *Кашкяр 'волк', *Мулендеев* → *Мулентей, *Савачаев* → *Савач, *Янзытов* → *Янсйт;

3) повторное лексикографирование антропонимического материала, нашедшего отражение в специальных лингвистических работах (тезаурусе чувашского языка Н. И. Ашмарина, книге «Чувашские языческие имена» В. К. Магницкого), «Словаре чувашских нехристианских личных имен» М. Р. Федотова, статьях Н. И. Егорова, Л. П. Петрова, Л. В. Даниловой и др.);

4) изучение фольклорных текстов с целью выявления имен дохристианского происхождения. Согласно нашим наблюдениям, в устной народной словесности встречается значительное число некодифицированных архаичных антропонимов;

5) реконструкция антропонимов на основе топонимического материала. Прежде всего анализу подлежат ойконимы, в основе содержащие имена основателей селений, например *Иштерек(касси)* д. Иштереки Моргаушского района → *Иштерек; *Патюшкасси* д. Падюшкасы Мариинско-Посадского района → *Патюш; *Ярхуньушкянь* д. Яргунькино в Аликовском районе → *Ярхунь. Анализ микропонимического материала предполагается в пределах возможностей, в частности, путем изучения словаря Н. И. Ашмарина, в котором они нашли отражение (иных источников, содержащих свод микропонимов, в чувашском языкознании пока еще нет);

б) установление этимологий имен. Этимологизация архаичных чувашских имен сопряжена значительными трудностями, поскольку они к настоящему времени полностью асемантизировались, фонетически и структурно видоизменились, подстраиваясь под апеллятивную лексику.

Выполнение указанных задач должно позволить в значительной степени разработать проблематику традиционных чувашских имен. Более того, системные разыскания в этой области углубят научные представления об истории чувашского языка во взаимосвязи с языками Востока и Волго-Камского союза. Исследование архаичного пласта имен позволит объективно оценить сущностные параметры чувашского антропонимикона в лингвистическом и экстралингвистическом отношении, а словарный материал послужит ревитализации части имен и формированию этнического самосознания, а также лояльности к родной культуре.

1.2. Опыт научного изучения чувашских имен дохристианской эпохи

Изучение антропонимов вплоть до последнего времени не входило в приоритетную проблематику чувашелогии. За все время научного исследования чувашского языка, с середины XIX в., создан лишь ряд пробных словарей и написано несколько десятков статей. Между тем, как отмечает М. Р. Федотов, мощный пласт антропонимической лексики может стать надежным вспомогательным историко-лингвистическим источником для изучения этногенеза и истории дописьменного периода чувашского народа [Федотов 1998, с. 31–32]. Одна из главных причин игнорирования архаичной чувашской антропонимии связана с ее сложностью. По сравнению с апеллятивной лексикой антропонимы асемантичны, не обусловлены контекстом, и таким об-

разом не всегда возможно определить исходную основу для ведения этимологических разысканий.

Первые попытки собрать чувашские имена относятся к 1840 г., когда казанской писательницей А. А. Фукс был составлен список из 98 имен – 57 мужских и 41 женского: «Писарь принес мне ревизские сказки, в коих имена перековерканы до жалости. Я читала эти бумаги чувашам, и они мне поправляли искаженные там имена. ...но я все не думаю, чтоб через них можно узнать что-нибудь новое насчет этого еще неразгаданного народа. Имена более арабские, татарские и перековерканные русские» [Фукс 1840, с. 28, 31]. Следует отметить, что выводы А. А. Фукс несколько поспешны: пласт заимствованных имен можно квалифицировать в качестве важного элемента глотто- и культурогенеза чувашского народа.

Следующая работа, подвергнувшая лексикографированию значительный материал, – книга русского этнографа В. К. Магницкого «Чувашские языческие имена» [Магницкий 1905], в которой собраны 10587 имен. Настоящий словарь представляет собой простой алфавитный список мужских антропонимов, переписанных из ревизских сказок 1718–1722, 1782 и 1795 гг. Чебоксарского уезда Казанской губернии. Включенные в него имена даны в русском написании, игнорирующем фонетику чувашского языка. При этом книга В. К. Магницкого остается непревзойденным источником чувашских имен по настоящее время.

Составление данного списка позволило В. К. Магницкому прийти к интересным выводам. В частности, в предисловии автор приводит важное замечание: «Приступая к составлению предлагаемого “Алфавита мужских языческих имен чуваш”, я задался целью показать, что чуваша, говорящие своим особым наречием, носили и носят личные имена на своем собственном наречии и надеялся, что алфавит их имен будет служить при исследовании исторического их прошлого по актам, ввиду указанного выше именованья их в актах татарами, – пособием для отличия их от

татар, омагометанившихся вотяков и т. д. Предположение это, однако, не оправдалось. Сличив вошедшие в предполагаемый алфавит чувашские имена с записями имен татар, мордвы, вотяков и черемис, я убедился, что перечисленные инородцы носили личные имена в значительной мере тождественные с чувашскими и что ни одно из чувашских имен современным говором чуваш не объясняется...» [Магницкий 1905, с. 12].

Список В. К. Магницкого получил высокую оценку со стороны исследователей, составивших на его основе «Инверсионный алфавит чувашских мужских языческих имен»: «...ни данная публикация (инверсионный словарь. – Э. Ф.), ни ранее изданные книги И. А. Андреева (“Сын ячёмс”, Шупашкар, 1983), М. Р. Федотова (“Словарь чувашских нехристианских личных имен”, Чебоксары, 1998), ни “Словарь чувашского языка” Н. И. Ашмарина, ни отдельные статьи по чувашской антропонимике не делают ненужным новое репринтное издание самого нашего первоисточника, названный выше раритетной книги В. К. Магницкого» [Корнилов, Леонтьева 2002, с. 3].

Другим важным источником антропонимического материала, еще до конца недооцененным и, пожалуй, равным по значению алфавиту В. К. Магницкого, является словарь чувашского языка Н. И. Ашмарина [Ашмарин 1928–1949], в котором нашли отражение около четырех тысяч дохристианских имен. Следует отметить, что настоящий словарь – единственный объемный источник антропонимов, нашедших аутентичное собственно чувашское отражение. Ко всему прочему, словарь содержит весьма ценные сведения по этнографии чувашского народа в целом и о традициях чувашского имянаречения в частности. Недаром тезаурус в ученой среде оценивается как энциклопедия чувашской жизни.

На антропонимическом материале Н. И. Ашмарина подготовлен специальный словарь чувашских имен дох-

ристианской эпохи этимологического типа, предваряемый историческим очерком «Отголоски основ мусульманства у чуваш» [Федотов 1998]. В очерке подчеркивается значительный вклад восточных языков в архаичный чувашский антропонимикон. В словарь вошло около 1700 словарных единиц, для ср.: аналогичный словарь марийских личных имен С. Я. Черных [Черных 1995] содержит более 15 тысяч лемм (но многие этимологии марийского ученого вызывают сомнения).

В условиях нацеленности чувашской лексикографии на традиционные двуязычные словари весьма необычным изданием следует признать «Словарь чувашских поэтонимов» [Фомин, Иванова 2016]. Указанный словарь содержит более тысячи имен персонажей художественных произведений, созданных писателями, но более – фактически существовавших дохристианских и адаптированных под чувашское произношение русско-православных антропонимов.

Монографических исследований, посвященных антропонимам, в чувашском языке пока еще нет. Книга И. А. Андреева «Сын ячёмем» («Имена людей») [Андреев 1983] – научно-популярное издание, устанавливающее исходные позиции изучения чувашских имен дохристианской эпохи.

Особый вклад в исследование дохристианских чувашских антропонимов внесли такие языковеды, как Л. В. Данилова, в основном посвятившая свои труды арабо-иранскому наследию в чувашской антропонимии [Данилова 1976; Данилова, Енжаева 1976; Данилова 1977; Данилова 1979; Данилова 1980], Н. И. Егоров и Л. П. Петров, чьи работы написаны на материале полевых исследований, проведенных Чувашским научно-исследовательским институтом языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР в 1980 гг. в селах с языческим населением Ульяновской области и Татарии [Егоров 1986; Егоров 1987; Петров 1987; Петров 1988].

Именно об их разработках говорит М. Р. Федотов: «К сожалению, добытые полевые материалы по чувашской антропонимике остались разбросанными на страницах многих микропубликаций и не получили своего дальнейшего развития, в первую очередь хотя бы в смысле объединения словарей в один более полный этимологический словарь чувашских дохристианских антропонимов, тем более, что многие из них если не большинство, отсутствуют в словаре Н. И. Ашмарина» [Федотов 1998, с. 16].

В целом же к настоящему времени чувашскими учеными этимологизировано около 2500 дохристианских имен. В то же время их количество достигает многих десятков тысяч. Как отмечает историк В. Д. Дмитриев, «опубликована лишь незначительная часть мужских имен. Между тем в Российском государственном архиве древних актов (Москва), в фонде 350 – Ландратские книги, ревизские сказки, переписные книги... имеются... подворные поименные списки ясачных чувашей мужского и женского полов всех чувашских уездов 1716–1717 гг. Во время III ревизии населения 1762–1763 гг. в переписные книги по селениям и дворам включали всех ясачных чувашей Поволжья и Приуралья мужского и женского полов, с указанием языческих фамилий (отчества) и имени, возраста, семейного положения. Относительно жен в семьях указано, из какой деревни они взяты замуж. В ландратских и переписных книгах III ревизии имеются мужские и женские имена соседей чувашей – марийцев, татар, мордвы. Есть возможность исследовать особенности имен по уездам, волостям и селениям, в сравнении с татарскими, марийскими и мордовскими именами» [Дмитриев 1999].

Важной с точки зрения этимологических исследований представляется хронологическая стратификация чувашского антропонимикона, предложенная Н. И. Егоровым, включающая следующие эпохи:

1. Древнебулгарская (IV–VII вв.), отразившаяся в персидских, византийских, сирийских и других исторических источниках в виде имен булгарских ханов.

2. Среднебулгарская (VIII–XVI вв.), включающая ряд периодов:

2.1. дозолотоордынский (VIII–XII вв.), продолживший древнебулгарские традиции;

2.2. золотоордынский (XII–XIV вв.), известный именами общетюркского происхождения в кыпчакском фонетическом оформлении и мусульманскими антропонимами арабского и персидского происхождения;

2.3. казанско-ханский (XV–XVI вв.), представленный татарским антропонимиконом.

3. Новобулгарская (чувакская) (с XVI в. по настоящее время), исходно сохранившая татарский антропонимикон с постепенным его замещением христианскими конфессионимами [Егоров 1986, с. 95–97].

Параллельно научному изучению чувашских личных имен развивается краеведческое направление, см., например: Николаев Родословная вурманкасинцев 2010; Николаев Родословная типварцев 2010; Ушаков 2018. В этом случае нельзя говорить о научности публикаций, однако подобные труды можно признать важными в сборе антропонимического материала.

К настоящему времени практически все языки Волго-Камского языкового союза представлены добротными словарями личных имен: башкирского [Кусимова 1982], удмуртского [Атаманов 1990], марийского [Черных 1995], татарского [Сатар-Муллиле 1998; Саттаров 2019]. Наличие такого рода работ на материале других языков оставляет надежду, что проблема чувашских антропонимов дохристианской эпохи будет изучена на высоком уровне, поскольку ее разработчики смогут уже опираться на апробированный опыт. В итоге установленный антропонимический материал значительно пополнит корпус общей

лексики народов Урало-Поволжья и позволит таким образом вывести чувашский материал на новый уровень исследований этногенеза чувашей и других народов Волго-Камского языкового союза.

1.3. Этнография чувашского имянаречения

В эпоху язычества вся жизнь чувашского народа была ритуализирована. Особая роль отводилась обрядности, связанной с рождением ребенка, в частности, имянаречению. В восприятии чувашей дохристианской эпохи подбор имени – особо ответственное занятие, призванное определить будущее человека.

У чувашей сложилось ответственное отношение к имени, о чем косвенно свидетельствует фразеологический материал, ср.: *ят ил* ‘получить имя’, *ятна ан сёрт* ‘имя свое не посрами’, *ята кёр* ‘обесславить себя’, *ят тивтер* ‘получить выговор’, *ят кáлар* ‘потерять имя’; *Брă ят хăвăрт сарăлать* ‘Добрая слава (букв. имя) быстро распространяется’; *Брă сын вилсен ят юлать* ‘После смерти доброго человека остается имя’, т. е. у чувашского слова *ят* ‘имя’ отчетливо проявляется репутационная коннотация. Сказанное также подтверждается свойством имени становиться прецедентным, как правило, негативно окрашенным, например, в ряде чувашских селений именами *Маня* (< рус. *Мария*), *Муçса* (< рус. *Моисей*) называют глупого человека, *Ваçка* (< *Василий*) – нескромного.

Чуваши признавали, что социализация новорожденного начинается с имени, которое обычно давалось ребенку в течение двух-трех дней с момента рождения, в крайнем случае срок наречения именем мог достигать сорока дней. В этом случае ребенка могли наречь временным именем [Егорова 2010, с. 111, 113].

Имянаречение в чувашской среде регулировалось йомзями (знахарями), повитухами, старшими в семье, а также имя ребенку могли дать братья и сестры, в период христианизации – священники.

Нередко новорожденный получал имя первого вошедшего в дом или первого попавшего на глаза человека. Очень часто применялись заимствованные имена, как правило, татарского, арабского и иранского происхождения. В то же время немало производилось и новых имен с учетом таких параметров, как праздник, во время которого произошли роды, погода, время суток, место рождения, внешние особенности ребенка, желаемые качества и пр. [Егорова 2010, с. 111–116]. Следует отметить, что при всем ответственном отношении к выбору имени день рождения ребенка мог фиксироваться субъективно в связи природными явлениями без точной привязки к календарю.

Собственно чувашских личных имен сохранилось не так уж и много хотя бы потому, что их не успели зафиксировать в силу табуированности и неприятия церковью, а также поздним научным интересом к проблеме. Ученые прошлого в первую очередь фиксировали материальную составляющую чувашской культуры, фольклор, религиозные и ментальные представления (см.: Исследователи 2002), а антропонимы, как частная проблема этнографии, привлекали внимание специалистов крайне редко: можно назвать лишь несколько антропонимических исследований дооктябрьского периода [Фукс 1840, с. 28–31; Магницкий 1905].

Одним из важных источников, позволяющих установить корпус дохристианских чувашских имен, является словарь Н. И. Ашмарина [Ашмарин 1928–1949]. В тезаурусе среди прочих зафиксированы «подлинные языческие имена, не имеющие отношения к именам мусульманского или христианского происхождения: XIV, 133: **Тунюк**, имя ребенка, родившегося в **Тунти кун** (“Поне-

дельник”); XVII, 294–295: **Шăмак** или **Шăмат**, имя ребенка, родившегося в **Шăмат кун** (“Суббота”); III, 31: **Эрнук**, имя ребенка, родившегося в **Эрне кун** (“Пятница”) и др. Было бы, однако, неверно думать, что число чувашских языческих имен исчерпывается приведенными мною тремя примерами» [Федотов 1998, с. 17].

Указанная М. Р. Федотовым традиция – один из простых методов наречения именем, но она имеет естественные ограничения, в силу чего данный подход применялся шире описанного, допуская подбор личных имен на основе аллитерации и ассонанса с названиями дней недели: «Некрещенные чуваша, когда рождается ребенок, не ходят, чтобы наречь ему имя, ни к попу, ни к мулле. Чтобы наречь имя ребенку, они созывают старых стариков и старых старух, повитух, родственников и сродников, и нарекают имя ребенку, как умеют сами – или по имени того дня, когда ребенок родился, или именем, подобным имени этого дня; а если он рождается около праздника в честь какого-либо святого, то – по имени этого святого. Если рождается мальчик, то нарекают так: если ребенок родился в субботу, то Шăмак; если в воскресенье (вырăс эрни кун) – Вырăстай или Ванюк (из рус. *Ванек*. – Э. Ф.); если в понедельник, то Тутирек, Тутийер или Тăхтаман (по созвучию с *тунти кун* ‘понедельник’. – Э. Ф.). Если рождается девочка, то ее имя нарекают подобно имени мальчика. Если и меняют, то редко. Кроме того имени, они некоторых нарекают по имени родителей, родственников или рода... Имена детям своим они нарекают (хураççĕ) тогда, когда вздумают» [Ашмарин т. 4, с. 237–238].

По сути, наречение детей именами близких родственников обеспечивало устойчивость именослова, но в силу малой мобильности населения сложился не общечувашский антропонимикон, а микросоциальный, присущий конкретным общинам. Сказанное, однако, не исключает возможность восприятия чувашских личных имен дохри-

стианской эпохи в качестве общенационального явления. Началом, объединяющим все многообразие антропонимов в целостный феномен, выступает этнографический контекст, общие принципы имяназвания и языковые модели имяобразования.

Другая группа имен была сформирована на основе благопожеланий: «Когда у чуваш родится ребенок, то еще раньше, чем крестить его (шыва кўртичен), ему заодно с бабушками-повитухами (эпи карчак) нарекают имя. Если не наречь имени, то это считается нехорошим, так как иначе имя ему наречет черт (шуйтган). Как только наступит время родить, бабы приводят повитух, и тотчас по рождении дают ребенку имя. Если родится ребенок мужского пола, то иного нарекают Упа, иного Юманкка, иного Тяхти, а иного Сатай. Все эти имена даются с суевренным соображением. Упа называют затем, чтобы ребенок был здоров, как медведь и не болел; Юманкка – чтобы он был крепким и коренастым как дуб и не хворал; Тяхти – чтобы он был живуч и чтобы племя его множилось и не вымирало; Сатай – чтобы род его плодился и не исчезал. Что касается девочек, то некоторых из них называют Хёрпик, других Силпик, иных Эрнук и Тунюк (scr. Тунўк). Хёрпик – название не суевренное; родилась девочка, ну и говорят: давай назовем ее Хёрпик; имя Силпик – дается с суевренным соображением (ярмласа хуни): дескать, Силпик будет жить в почете (сил) и уважении (чис)» [Ашмарин т. 4, с. 237].

Значительная часть имен собственно чувашского происхождения была представлена апеллятивами, многие из которых выполняли функцию бытовых имен: *Паттър* ‘богатырь, герой’; *Пърчан* ‘трясогузка’; *Пошкарт (< *Пошкарт*) ‘башкир’; *Путене* ‘перепелка’; *Телей* ‘счастье’; *Тетте* ‘игрушка’; *Торхан* ‘тархан’; *Упа* ‘медведь’; *Хурчак* ‘ястреб’; *Чечен* ‘красивый’; *Чакак* ‘сорока’; *Чёкес* ‘ласточка’. Они простые, без специальных имяформи-

рующих формантов, и лишь выделительный аффикс *-и* может придать именам необычную смысловую нагрузку: *Аванни* ‘лучший’; *Савни* ‘тот, которого любят’; *Ѕеҫки* ‘тот цветок’.

Подобный подход к имянаречению обусловлен благи-ми пожеланиями: «Древние чувашки, когда их дети не выжидали, девочкам давали имена птиц, мальчикам – диких животных» (перевод наш. – Э. Ф.)» [Ашмарин т. 4, с. 238]. Особо выделялось имя *Ѕӹнни* (< *Ѕӹн* ‘сор’) – «имя, даваемое младенцам обоего пола, если в семье дети не живут, умирают» [Ашмарин т. 4, с. 298]. (Для ср.: тем же целям оберега служила развитая номенклатура обозначения родствен-ных отношений, ср.: «...чувашки избегают называть по имени своих близких, для которых существуют особые на-звания, определяющие их родственные отношения к гово-рящему. Аналогичный этикет соблюдается и в отношении посторонних лиц» [Ашмарин, т. 4, с. 245].)

Традиционное чувашское имянаречение со второй половины XVIII в. постепенно начало заменяться цер-ковным, которое, однако, не смогло из чувашского быта вытеснить собственно чувашские и охранные имена. «Носители таких имен имели и настоящие имена, но ими не пользовались, держали в тайне до совершеннолетия, полагая, что таким образом они обеспечивали жизнь ре-бенку, запутывали духа, приходящего за душой младен-ца» [Егорова 2010, с. 123]. И долгое время у чувашей существовала сложная система параллельного чувашско-го и русско-православного имянаречения. Христианская часть чувашского антропонимикона представляла собой двуединство имен, адаптированных под чувашскую фо-нетику, и их русских оригиналов (*Анук* – *Анна*, *Кёркури* – *Григорий*, *Мишша* – *Михаил*).

Интересный эпизод, наилучшим образом иллюстри-рующий описываемую систему, приводится в драме Н. Терентьева «Сёрпе хёр» («Земля и девушка»):

Урлав. ...Ребенок умирает. Только что родился. По велению русского бога, ему нужно дать имя, пока душа не покинула его... Пусть не будет мучиться на том свете без имени, бедняжка.

Астахви. Похвально. Понимаю. Русский бог велик. Где ребенок? Умирает? Надо сначала ему имя дать. Наречь именем.

Урлав. Ахмуром назвать, Ахмуром.

Астахви. Ахмур... Это что, по-православному Александр, что ли?

Урлав. Так, наверное, получается. Лександр (перевод наш. – Э. Ф.).

В драме у новорожденного ребенка три имени: чувашское *Ахмур*, созданное из ругательной фразы *ах, мур!* («ах, мор!»), поскольку вместо ожидаемого мальчика в семье в седьмой раз родилась девочка, официальное русское – *Александр* (!) и адаптированное чувашское – *Лексантр*.

Согласно выводам ученых, этнография чувашского имянаречения сводится к единому национальному комплексу [Петров 1986, с. 75], более того органично вписывается в общий урало-поволжский контекст [Егорова 2010].

Традиция чувашского наречения именем изначально служила целям фиксации положительных качеств, предопределения удачной судьбы. В именах находили отражение такие факторы, как время рождения, общественное или природное событие, физические параметры новорожденного, настрой родителей. Дети могли нарекаться именем первого встречного. Широкое включение в национальный антропонимикон иноязычных имен, семантика которых недоступна, было обусловлено взаимосвязями с мусульманскими народами, в результате чего магическая функция начинает замещаться номинативной, более всего отвечающей сути имянаречения.

1.4. Методика реконструкции чувашских имен

Чувашеведение в период до XX в. накопило значительное количество имен дохристианской эпохи, написанных в иноязычной транскрипции, как правило, русской. Системное изучение указанного пласта чувашских антропонимов еще не началось, хотя представляет явный интерес в аспекте ономастики, истории чувашского языка, контактологии и даже выходит за пределы собственно лингвистических исследований – в область этнологии.

Так сложилось, что в научной литературе чувашские имена, получившие первую фиксацию в иноязычной орфографии, даются лишь в той форме, в которой они опубликованы в первоисточниках, т. е. в русском написании, и такой подход пока еще удовлетворяет ожиданиям современной науки. Однако таких имен много десятков тысяч, и рано или поздно придется начать их осмысление в контексте чувашского языка.

В принципе фонетическая реконструкция антропонимов должна базироваться на практическом опыте прочтения образцов чувашских текстов XVIII – конца XIX в., осмысленном в рамках истории литературного языка (см., например: Петров 1978; Савельев 2013; Сергеев 1972; Сергеев 1970). Но существует разница: тексты, написанные средствами русского и иных языков, безошибочно распознаваемы, так как имеется контекст. Кроме того, такого рода тексты нередко сопровождаются параллельным переводом, способным помочь в правильном прочтении агнонимичных фрагментов. Антропонимы же выполняют исключительно условную номинативную функцию, и их звучание не обуславливается контекстом.

Скорее всего, большое разнообразие антропонимов связано со спецификой имянаречения, практиковавшегося в чувашской среде вплоть до середины XVIII в.: не существовало канонических списков имен; сложилась

система, предполагавшая наличие у одного и того же человека табуированного и бытового имени; основой имени мог послужить широкий спектр апеллятивов, обусловленных конкретными событиями или благожеланиями; при имянаречении активно использовались специальные форманты имяобразования; широко допускались заимствования из других языков; была развита система обычных и родовых прозвищ.

Наблюдения показывают, что имена в подавляющем большинстве случаев в разных общинах носили местный характер, объединяясь в общенациональную систему через перечисленные традиции наречения человека именем.

Многие источники, датируемые периодом до рубежа XIX–XX вв., в силу незнания специфики чувашской фонетики и отсутствия адекватной чувашской письменности, фиксировали имена исключительно средствами русской графики. Этнографы признавали чрезмерно субъективный характер записей.

В. К. Магницкий, автор списка «Чувашские языческие имена», также указывает на проблему вариативного орфографирования антропонимов: «В виду крайне неустойчивости письма старых “подьячих”, значительное число имен, вошедших в мой алфавит, видимо, составляет повторения одних и тех имен, но в разных формах (прямой и уничижительной) и в самой разнообразной транскрипции. Таковы, несомненно, имена Абак – Обак, Абекей – Обекей – Убекей, Гведей – Хведей, Зима – Сима, Естебень – Етебень – Истебень – Иштебень – Ястебень – Яштебень и т. д. В подтверждение неустойчивости письма “подьячих” укажу и на то, что и христианские имена “подьячие” писали, например, так: Ондрей и Андрей, Ортемий и Артемий, Волифантий, Лифантий, т. е. Вониватий, Костентин вместо Константин и т. д. Указываемая неустойчивость в фолиантах переписей особенно наглядная была для меня в тех случаях, когда глава семьи – отец

значился, например, с именем Естебень, а следующий за ним сын отчеству значился уже Яштебенеv, второй же сын – Иштебенеv и т. д.» [Магницкий 1905, с. 11–12].

В случае фонетической реконструкции чувашских антропонимов, зафиксированных в русской орфографии, мы имеем обратный процесс трансформации имен. Схематично весь цикл изменений можно представить следующим образом: $Ч^1 \rightarrow P \rightarrow Ч^2$, где $Ч^1$ – исходное чувашское имя дохристианской эпохи, которое подлежит восстановлению, P – форма фиксации имени в русских документах, $Ч^2$ – форма имени, реконструируемая на чувашском языке, например: *Селентей?* → *Селяндей* → *Селентей. В идеале $Ч^1 = Ч^2$.

Предпринятая методика реконструкции хоть в целом и называется фонетической, но по сути является комплексной, включая в себя морфемный и семантико-этимологический аспекты.

1. Фонетический анализ имени – главный и предполагает при реконструкции учет фонотактических особенностей антропонимов (1.1), регулярных звукосоответствий (1.2) и иных фонетических явлений в диалектах и родственных языках, а также звукопереходов в заимствованных именах.

1.1. Фонотактические особенности имени могут свидетельствовать о языке его происхождения. Чаще всего можно предположить собственно чувашскую, татарскую, арабскую, иранскую, русскую подоснову антропонимов, ср.: *Андара*, *Сатряшка*, *Сильдук* – чувашские имена; *Алдый*, *Уразбай* – татарские; *Попирала*, *Простомей* – русские; *Алгерим*, *Мемед*, *Михабар* – арабские; *Аснирон* – иранское. На основе первичных наблюдений далее можно установить пути возможных этимологических изысканий. Так, *Алгерим* восходит к тюрко-арабскому *ай герим* ‘луноликая красавица’, *Михабар* – араб. *мерхаба* ‘добродушный’, *Уразбай* – тат. *ураз бай* ‘счастливый господин’, *Сатряшка* – из чув. *сатрашка* ‘сухонький’.

1.2. Регулярные русско-чувашские звукосоответствия сводятся к оглушению звонких согласных звуков: б, г, д, ж, з → п, к, т, ш, с (*Байгача* > *Пайкаччӑ, *Буяндак* > *Пуянтак, *Индемер* > *Интимӑр, *Армяж* > *Армяш, *Алмурза* > *Алмӑрса, *Хозанка* > *Хосанкка); замене ф → хв / хӑв (*Федя* > *Хвети), ц → тс (*Молотца* > *Молотса), сь, зсь → с (Семузсь > *Семус, Обась → *Опас).

Состав гласных чувашского языка шире русских, поэтому русскими буквами в документах могли обозначаться разные звуки: а ~ ӑ (*Араман* – *Араман); ы ~ й (*Вырыстай* – *Вырӑстай); и ~ э ~ ё ~ ø (*Ситрук*, *Сетрук*, *Струк*, *Стрюк* – *Сӑтрӑк).

Вариативность букв а ~ о ~ у, а ~ э (и), означающих гласные в одних и тех же по сути именах, видимо, свидетельствует о процессах исторических звукоизменений, в конце XVIII в. все еще атавистично проявляемых в чувашском языке: *Араспулат* – *Орспулат* – *Ураспулат*, *Казма* – *Козма* – *Кузма*, *Атабай* – *Отабай*, *Варжекей* – *Вержекей*, *Ярослав* – *Ерослав*, *Самандеряк* – *Симендеряк* – *Симандеряк*, *Саптеряк* – *Сиптеряк*.

2. Морфемный анализ имен направлен на выявление их словообразовательной структуры и сводится к выделению корневых и аффиксальных морфем.

В структурном плане все разнообразие антропонимов дохристианской эпохи сводимо к таким образованиям, как корень, равный самостоятельному слову (*Авер*, *Агад*, *Опа*, *Тавут*, *Ята*); корнесложение (*Хоразин* < чув. *хора* ‘черный’ + *сын* ‘человек’; *Чинтуган* < тат. *чын* ‘настоящий’ + *туган* ‘родственник’); корень со словообразовательным аффиксом (*Чермонтай* < *чӑрман*- ‘быть занятым; мешать’ + *-тай*, т. е. ‘мешающий’; *Обась* < *опа* ‘медведь’ + *-с(ӑ)* имяобр. афф. со значением деятеля, т. е. ‘медвежатник’; *Орманча* < тат. *урман* ‘лес’ + *-чы* имяобр. афф. со значением деятеля, т. е. лесник).

При анализе старозаписных имен следует иметь в виду значительную вариативность корневых морфем, например:

*булат*¹ (*Акбулат*) – *пулат*² (*Испулат*) – *плат*³ (*Платин*);
*дуван*¹ (*Идуван*) – *дыван*² (*Ядыван*) – *туван*³ (*Ортуван*);
*мулла*¹ (*Ярмулла*) – *мула*² (*Ярахмула*), *мола*³ (*Рохмола*) – *молла*⁴ (*Ермолла*);

*тимер*¹ (*Ахтимер*) – *демер*² (*Идемер*) – *димер*³ (*Синдимер*) – *димир*⁴ (*Илмдимир*) – *темер*⁵ (*Пихтемер*) – *темир*⁶ (*Пихтемир*) – *тимир*⁷ (*Байтимир*) – *тямир*⁸ (*Биктямирка*);

*туган*¹ (*Урастуган*) – *дуган*² (*Яндуган*) – *тукан*³ (*Пиштукан*);

*чура*¹ (*Карачура*) – *чора*² (*Ялчора*) – *чаро*³ (*Чаромурза*).

Если апеллятивы не распознаются, их выделению может помочь отсечение деривационных формантов (о некоторых из них см. в: Федотов 1998, с 20–30):

-ай, -ей: *Салданай* – *Салдан*, *Озранай* – *Орзан*;

-бар, -бер: *Пихчабар* – *Пихча*, *Симбер* – *Сим*;

-ван: *Сетриван* – *Сетри*, *Эриван* – *Эри*;

-га, -ге: *Сименга* – *Симен*;

-дай, -дей: *Айдай* – *Ай*, *Шемердей* – *Шемер*;

-дар, -дер: *Савадер* – *Сава*, *Шайдар* – *Шай*;

-ка, -ке: *Изденейка* – *Изденей*, *Хозанка* – *Хозан*;

-кай, -кей: *Челбякай* – *Челбяк*, *Тевлекей* – *Тевлек*;

-лай, -лей: *Уразлай* – *Ураз*, *Тебешлей* – *Тебеш*;

-ман, -мен: *Шайман* – *Шай*, *Архмен* – *Арх*.

Изучение морфемного состава русских фамилий отыменного чувашского происхождения позволяет выявить ряд архаичных имен. Для этого необходимо отсечь словообразовательные форманты русских фамилий. В результате будут получены основы имен, ср.: *Алендеев* < *Алентей* = *Ален* + *-тей*; *Атлашкин* < *Атлаш(ка)* = *Атлаш* + *-ка*; *Ахвандеров* < *Ахвантер* (< рус. Афанасий) = *Ахван* + *-тер*; *Баймушкин* < *Паймуш(ка)* = *Паймуш* + *-ка*; *Ивантаев* < *Ивантай* = *Иван* + *-тай*; *Кашкаров* < *Кашкър* ‘волк’;

Мазяков < *Маҫак*; *Мулгачёв* < *Мулкач* ‘заяц’; *Ухтияров* < *Ухтияр*; *Яруков* < *Ярук*; *Ярухин* < *Ярухха*, *Акрамовский* < *Акрам*.

Другой важный источник чувашских имен дохристианской эпохи – ойконимы. Подход выделения имени тот же, что и в случае с фамилиями, например: *Пояндайкино* > *Пояндай > чув. *Поянтай < *поян* ‘богатый’ + *-тай*, *Эхветкасси* > *Эхвет (-*касси* – формант образования ойконимов), *Якунькасси* > *Якунь, *Ухверкеяль* (*ял* ‘село’) > **Ухверк(к)е*. Часть названий и вовсе представляет архаичный антропоним без каких-либо ойкоформантов: *Исментер* (< *Исмен* + *-тер*), *Утриван* (*Утри* + *-ван*), *Эскетен* (деревни в Ядринском и Шумерлинском районах Чувашской Республики).

Микротопонимы в чувашском языке обычно представляют словосочетания, включающие в себя имена в чистом виде, например: *Илчура арманё* букв. мельница Илчуры, *Савран кўлли* букв. озеро Саврана, *Сахит ҫырми* букв. овраг Сагита, *Элментер варё* букв. овраг Элмендера. Здесь даже не нужна реконструкция: микротопонимы фиксируются изначально на чувашском языке.

3. Семантико-этимологический анализ предполагает выявление апеллятивной лексики в составе антропонимов (3.1) и установление этимологии имен в целом (3.2).

3.1. Выявление апеллятивов в составе имен позволяет наилучшим образом реконструировать их фонетический облик: *Велдей* < *велтей* ‘дурачок’ > *Велтей, *Калмык* < *калмăк* ‘калмык’ > *Калмăк, *Кожак* < *кушак*, диал. *кошак* ‘кошка’ > *Кошак, *Пызык* < *пысăк* ‘большой’ > *Пысăк, *Тилейка* < *телей* ‘счастье’ > *Телейкке, *Чапли* < *чӑплӑ* ‘славный’ > *Чапли* ‘тот, который славный’.

3.2. Установление ближней этимологии имен иноязычного происхождения при учете межъязыковых регулярных звукопереходов должны привести к положительным результатам реконструкции, например:

Адрахман < араб. *أدرحمن* (Абдуррахман) ‘раб милостивого’ > *Антйрахман;

Баймулла < тат. *Баймулла* из *бай* ‘богатый’ + араб. *مُلا* (мулла) ‘обращающий в веру, служитель веры; ученый’ > *Паймулла;

Васлекей < др.-греч. *βασιλειος* ‘царский, царственный’ через рус. *Василий* + *-кей* > *Васлекей;

Вырыстай < чув. *вырӑс* ‘русский’ + *-тай* > *Вырӑстай;

Кызылбай, Казылбай < тат. *кызыл* ‘красный’ + *бай* ‘господин’ > *Кӑсӑлтай;

Коляка < др.-греч. *Νικόλαος* ‘победитель народов’ через рус. *Коля (Николай)* > *Колякка;

Мурали < араб. *مراد* (Мурад) ‘желанный’ + *علي* (Али) ‘высокий, возвышенный’ > *Мурали;

Тимехвей < др.-греч. *Τιμόθεος* ‘почитающий бога’ через рус. *Тимофей* > *Тимехвей*;

Уразгилда < тат. *Уразгилде* из *ураз* ‘счастье’ + *килде* ‘пришел’ > *Ураскилт;

Хюветдей < др.-греч. *Θαδδαῖος* ‘похвала бога’ через рус. *Фаддей (Фаддей)* > **Х(ё)ветей*;

Чурамурза, Черамурза, Чорамурза < тат. *Чурамурза* из *чура* ‘раб’ + перс. *پرزوا* (мурза) ‘князь’ > *Чурамӑрса.

Как показывает анализ алфавита мужских имен В. К. Магницкого, в чувашской среде бытовало немало антропонимов русско-православного происхождения, представленных в двух формах – с сохранением русской фонетики (1) и адаптированных под чувашское произношение (2), например:

1) *Антипка, Захарка, Олежек, Тверски*;

2) *Васенка, Карасим, Хведюнка*.

Первую группу имен вряд ли следует признать фонетически равными исходным русским, скорее всего, они в чувашской речи были подвергнуты субституции: *Антипкӑ /*

*Антипка; *Сахарккӑ / *Сахаркка, *Олешӑк / *Олешёк, *Тёверёски. Но в официальных бумагах писарями были отображены в привычном русском написании.

Имена второй группы уже представлены со следами чувашского влияния:

*Ваҫенкка / *Ваҫинкка < др.-греч. βασιλος ‘царский, царственный’ через рус. *Василий*;

*Караҫӑм / *Караҫём < др.-греч. Γεράσιμος ‘уважаемый, чтимый; старший’ через рус. *Герасим*;

*Хветюнкка < др.-греч. Θεόδωρος ‘дарованный богом’ через рус. *Феденька*.

Значительные русские допущения в чувашском языческом антропонимиконе – результат активной христианизации чувашей, предпринятой в середине XVIII в.

Реконструкция дохристианских чувашских антропонимов, записанных средствами русской орфографии, представляет сложную проблему, требующую учета фонетического, морфемного и семантического факторов. В целом алгоритм реконструкции включает в себя такие этапы, как фонотактическая характеристика имен, вычленение корневых морфем-апеллятивов и имяобразующих аффиксов, на основе которых определяются дальнейшие пути этимологических изысканий. При возможности одноментно происходит уточнение фонетического облика реконструируемого имени в соответствии с диалектной спецификой. Практически каждое имя, зафиксированное в русских источниках, можно осмыслить в соответствии с фонетикой чувашского языка. Однако даже в этом случае гарантировать объективную реконструкцию части имен невозможно, поскольку сам исходный материал может оказаться противоречивым и сильно искаженным.

ГЛАВА 2

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЧУВАШСКИХ ИМЕН

Лингвистическая характеристика чувашских имен дохристианской эпохи должна производиться с учетом их фонетических, деривационных и семантических особенностей. По причине того, что значительную часть чувашских антропонимов составляют заимствования, исследование выходит за пределы чувашского языка и, можно сказать, устанавливает черты чувашских имен уже на наднациональном уровне с учетом прежде всего татарского материала.

Основу главы составляют статистические исследования. Объем выборки – десять тысяч единиц. В ряде исследований она по объективным причинам может иметь меньший объем.

Первоначально вторая глава была написана на материале выборки в 5000 имен, но затем авторами книги было принято решение охватить весь корпус, включенных в словарь чувашских антропонимов XVIII в. Последующее двукратное увеличение объемов выборки в статистические параметры словаря, за редким исключением, не внесло каких-либо заметных изменений.

В изложении материала по мере возможностей включались сравнительные исследования. Наблюдения и количественные данные показывают обособленный характер чувашского исторического антропонимикона на фоне апеллятивной лексики.

2.1. Фонотактические особенности

В настоящем параграфе рассматриваются следующие исчисляемые параметры чувашских антропонимов: фонетическая типология имен, их объемные параметры, распределение по инициали, двучленные звукосочетания, сингармоническая типология.

Фонетическая типология имен. В ходе измерений было установлено 143 фонетических моделей чувашских антропонимов (см. таблицу 10 приложения). Из них более половины покрываемости выборки (51 %) обеспечивают первые семь:

- 1) CVCVC (*Ваиур, Калил, Сямен, Хораç*) – 1201 имя;
- 2) CVCCVC (*Йёстүк, Минтук, Нухрат*) – 1096 имен;
- 3) CVCCVCVC (*Савникер, Тяхтаман*) – 631 имя;
- 4) CVCVCVC (*Йявануш, Касакай, Меметей*) – 600 имен;
- 5) VCCVC (*Артяк, Илтюк, Опрам*) – 564 имени;
- 6) CVCVCV (*Весулла, Катюкка, Савнерпи*) – 535 имен;
- 7) VCCVCVC (*Авканей, Илмет, Орсунай*) – 469 имен.

Перечисленные популярные фонетические типы имен соответствуют фонотаксису чувашского языка: в них гармонично чередуются гласные с согласными и не допускается чрезмерное стечение консонантов – более двух подряд, нет зияния гласных.

Допущение трех согласных в первый раз встречается в 18 частотном типе CVCVCCCV, согласно которому произведено 163 имени (*Автинкка, Ванюркка, Ваçанкка, Екоркка, Йяванкка, Калймкка, Кётерккка, Матуркка, Патинкка*). Имена данного типа, как правило, созданы по одной и той же имяобразовательной модели на русский лад, предполагающей наращение основы с конечным сонорным звуком деминутивным аффиксом *-(к)ка*.

Обращает не себя внимание тот факт, что шесть из семи наиболее востребованных фонетических типов являются словами с финальным закрытым слогом, при этом количество типов с открытым и закрытым слогом в полном перечне фонетических типов равно.

Количество уникальных фонетических типов – 35 (см. позиции 110–143 табл. 10 приложения). Их выделяет явное нагромождение согласных, в принципе не свойствен-

ное чувашскому языку, ср.: CCCV (*Çпри*), CCCVC (*Струт*), VCCCVCV (*Урттеми*), CVCCCVCVCCCVC (*Тевкасолттан*).

Другим существенным свойством уникальных фонетических типов является значительная длина многих из них: в заключительной части корпуса преимущественно оказываются самые длинные имена.

Фонетическая типология слогов. В чувашских именах выделяются восемь типов слогов, характерных чувашскому языку в целом: 1) V; 2) VC; 3) VCC; 4) CV; 5) CVC; 6) CCV; 7) CCVC; 8) CVCC. Однако их количественные показатели в антропонимах и образцах чувашской речи имеют заметные расхождения, ср. табл. 2.1 и 2.2.

Таблица 2.1

Типы слогов личных имен

Тип слога	Абс.	Процент
CVC	553	41,2
CV	411	30,6
VC	174	13,0
V	97	7,2
CCV	63	4,7
CCVC	39	2,9
CVCC	4	0,3
VCC	1	0,1
Всего	1342	100,0

В обследованных выборках количественно совпадают следующие типы слогов: CVC (41,2 – 41,0), CCVC (0,7 – 0,7), VCC (0,1 – 0,2). В остальных пяти случаях наблюдаются заметные различия: CV (30,6 – 46,8), VC (13,0 – 4,1), V (7,2 – 4,0), CCV (4,7 – 2,4), CVCC (0,3 – 0,7). При этом представляется важным то, что в обоих случаях сохраняется реализованная очередность слоготипов.

Таблица 2.2

Типология слога в тексте («Нарспи» К. Иванова)

Тип слога	Абс.	Процент
CV	6864	46,8
CVC	6015	41,0
VC	604	4,1
V	586	4,0
CCV	358	2,4
CVCC	108	0,7
CCVC	100	0,7
VCC	27	0,2
Всего	14662	100,0

Наблюдаемые количественные различия в выборках могут быть обусловлены тем, что единицы в именослове оформлены в словарной форме, а слова в связном тексте (в поэме «Нарспи») представлены во всем грамматическом разнообразии, ко всему прочему облеченными в стихотворную форму.

Разница в объемах выборок вряд ли существенна для выводов, иначе мы бы имели другую очередность слоготипов.

Распределение имен по инициали. Более половины всех имен чувашского антропонимикона – 57,1 % – начинаются с букв *а, с, п, и, к* (см. табл. 2.3).

Таблица 2.3

Распределение имен по инициали

Буква	Абс.	Доля, %	Буква	Абс.	Доля, %
а	1385	13,8	ы	171	1,7
с	1254	12,5	э	171	1,7
п	1069	10,7	ç	126	1,3
и	1042	10,4	ч	107	1,0
к	972	9,7	р	102	1,0
м	878	8,8	н	96	0,9
т	660	6,6	л	90	0,9

Буква	Абс.	Доля, %	Буква	Абс.	Доля, %
я	376	3,8	й	50	0,5
е	372	3,7	ё	33	3,3
о	320	3,2	ю	31	0,3
х	248	2,5	я	26	0,3
у	198	2,0	ы	12	0,1
ш	184	1,8	ф	9	0,1
в	181	1,8	Итого	10000	100,0

По сравнению с данными словаря Н. И. Ашмарина [Ашмарин 1928–1949] наблюдаются значительные расхождения с распределением лемм по инициальным буквам: 55 % словаря чувашского языка покрывается леммами на такие буквы, как *к, т, п, х, с* [Иванова 2014]. Лишь буквы *к, п, с* встречаются в обоих коротких списках.

Выявленные расхождения связаны с наличием продуктивных словообразовательных элементов, обуславливающих высокую частотность тех или иных инициалей, например, тат. *ай* ‘луна’, *ак* ‘белый, светлый; красивый; благородный’, *сав* ‘здоровый’, *пай* ‘богатый; господин’, *парс* ‘бар’, *туй / той* ‘праздник’.

Частотность звуков. Более чем в половине случаев (в 54,3 %) в чувашских именах встречаются следующие звуки: [а], [к], [э], [т], [и], [р] (см. табл. 2.4).

Таблица 2.4

Частотность звуков в чувашских именах

Звук	Абс.	Доля, %	Звук	Абс.	Доля, %
а	9502	14,9	х	1447	2,3
к	6069	9,5	о	1347	2,1
э	5964	9,4	ш	1347	2,1
т	4854	7,6	в	1115	1,7
и	4659	7,3	ь (я)	1109	1,7
р	3567	5,6	ь (ё)	775	1,2
н	3489	5,5	с	775	1,2

Звук	Абс.	Доля, %	Звук	Абс.	Доля, %
л	2941	4,6	ч	566	0,9
м	2858	4,5	ү (ӱ)	83	0,1
с	2716	4,3	ы	63	0,1
п	2671	4,2	ф	54	0,1
ј	3343	5,2	Итого	63748	100,0
у	2434	3,8			

Иная частотность складывается в образцах чувашской речи, в которых 54,9 % дают такие фонемы, как [а], [т], [р], [н], [э], [ь], [ӱ] (табл. 2.5).

Таблица 2.5

**Частотность звуков в образцах чувашской речи
(«Нарспи» К. Иванова)**

Звук	Абс.	Доля, %	Звук	Абс.	Доля, %
а	4369	12,5	к	1297	3,7
т	2769	7,9	х	1266	3,6
р	2617	7,5	и	1245	3,5
н	2609	7,4	м	1193	3,4
э	2366	6,8	ч	857	2,4
ь (ё)	2271	6,5	в	759	2,1
ӱ (ӓ)	2203	6,3	ш	597	1,7
с	1574	4,5	й	496	1,4
у	1571	4,5	ы	362	1,0
л	1548	4,4	ү (ӱ)	182	0,5
ҫ	1420	4,1	Итого	34949	100,0
п	1378	3,9			

Общими высокочастотными звуками в выборках являются [а], [э], [т], [р].

И в этом случае наблюдаемые расхождения следует признать незначимыми. Во-первых, они вряд ли осознаются носителями языка. Во-вторых, разность в частотностях компенсируется адаптированным под чувашский язык фонотаксисом заимствованных имен.

Распределение имен по длине. Почти половину всех имен в чувашском именовании покрывают антропонимы в семь (24,8 %) и шесть (23,7) знаков. Учет имен в пять (22,6) и восемь знаков (17) уже дает 88 % объема антропонимикона.

Популярными также следует признать имена в четыре единицы (6,1), и, таким образом, суммарная доля имен от четырех до девяти фонем будет составлять 94,2 % от общего числа всех антропонимов (табл. 2.6).

Таблица 2.6

Распределение имен по длине

Всего фонем	Всего имен	Доля, %	Всего фонем	Всего имен	Доля, %
7	2464	24,8	10	109	1,1
6	2357	23,7	3	61	0,6
5	2241	22,6	11	28	0,3
8	1688	17	12	6	1,0
4	606	6,1	13	3	0,0
9	366	3,7	Итого	9929	100,0

Востребованные имена заданной длины, как правило, имеют простую деривационную структуру и представлены либо корнем, либо сочетанием корня со словообразовательным аффиксом: *Хосах* (< чув. *хусах* ‘казак’); *Вельмук* (< араб. ولى (Вали) ‘друг; святой’ через тат. *Валима* + -ук); *Кйтлӑ* (тат. *кот* ‘счастье’ + -лӑ).

Нередко к этой группе относятся заимствованные исламские имена, в течение многих веков использовавшиеся в исходных языках и посредниках и получивших наиболее удобную длину, присущую человеческой речи.

В изучаемой выборке не зафиксированы имена короче трех и длиннее 13 знаков. При этом максимально длинные имена в 12 (шесть имен) и 13 знаков (три имени) являются исключением: всего зафиксировано девять имен указанных длин. Чрезмерно объемными они становятся

потому, как сочетают в себе уже исходно длинные имяобразовательные единицы, ср.: *Ирккасӑлттан* < *ир* + *-кка* + *ӑлттан*, *Сёверсулттан* < *сёвер* + *султтан*, *Сёлет-ӑлттан* < *сёлет* + *ӑлттан*, *Тевкасолтан* < *тевка* + *солтан*, *Сёверӑлттана* < *сёвер* + *ӑлттана*, *Тивлет-ӑлттан* < *тивлет* + *ӑлттан*.

В целом средняя длина имен составляет 6,37 знаков, средняя длина слогов – 2,46 фонем. Для ср.: средняя длина слов в рассказе Е. Лисиной «*Ҫӑкӑр чӑлли*» («Кусок хлеба», 1970) – 5,53 знаков, средняя длина слогов – 2,36 знаков; в поэме «Нарспи» К. Иванова (1908) длина слов равняется 5,45 единицам, а слога – 2,4 звукам.

Большая длина чувашских имен объясняется исходной спецификой заимствуемых антропонимов, их сложной структурой, а также оформлением имен уже на чувашской основе специальными аффиксами и их сочетаниями (*-кка*, *-ккай*, *-тай*, *-ттай* и др.).

Двучленные сочетания звуков. В ходе исследования изучено 55768 двучленных звукосочетаний и установлено 424 разных типов сочетаемости фонем в именах (см. табл. 11 в приложении). Из них наиболее востребованы такие пары, как *хъ* (2162 раза), *ка* (1811), *ан* (1376), *эј* (1306), *са* (1101), *на* (1012). В целом же половину всех звукосочетаний обеспечивают первые 35 пар. Их частотность разбросана в диапазоне от 457 (*ва*) до 2162 (*хъ*).

В чувашских именах дохристианской эпохи доминируют сочетания CV и VC. На их долю приходится 84,8 % двучленных звукосочетаний. Сочетание CC выражено долей в 15,1 %, а пара VV встречается лишь в 0,2 % случаев.

В именах обнаруживаются геминаты *кк* (973), *тт* (235), *хх* (105), *лл* (93), *сс* (60), *чч* (43), *çç* (38), *пп* (30), *ишш* (30), *нн* (22), *мм* (13), *рр* (2), *вв* (1). Они обусловлены рядом причин:

1) фонетикой заимствуемого языка: *Йӑманикке* вместо ожидаемого *Йӑмани[ç'e]* < араб. *جمعة* 'день коллектив-

ного совершения молитвы, пятница; неделя' через тат. *йома, жомга, жома* + *бикэ* 'госпожа';

2) процессами, присущими самому чувашскому языку и обычно выявляемыми на стыке морфем: *Аюкка* < тат. *ай* 'луна' + *-ук* + *-ка*, *Аккилта* < тат. *ак* 'белый' + *килде* 'пришел'.

В чувашских именах не встречаются звонкие согласные, идентичные подобным звукам в других языках, чрезмерное скопление согласных, хиатус. Имена с указанными признаками подвергаются субституции: звонкие согласные заменяются глухими или полувзвонками (*Ахнарӑс* < тат. *Акбарс*, *Пикмет* < тат. *Бикмэт* (*Бикмөхэммэт*) из *бӑк* 'правитель, вождь' + араб. محمد (Мухаммет) 'хвалимый, прославляемый'; стечение согласных разбавляется гласными или подвергается элизии (*Сипат* < араб. صبغة (Сибгат) 'цвет' через тат. диал. *Сибат*), а зияние, как правило, разделяется инфиксами (*Савит* < араб. سعيد (Саид) 'счастливый' / زيد (Заид) 'растущий'; *Левонтей* < др.-греч. Λεωντιος 'львиный' через рус. *Леонтий*) или упрощается (*Сит* < араб. سعيد (Саид) 'счастливый').

Фонетическая вариативность в среде чувашских языческих имен – достаточно распространенное явление. Как правило, вариативная цепочка представлена двумя компонентами, ср.: *Аванай – Аваней, Аванско – Аванской, Ванюшке – Ванюшки, Весиле – Вессиле, Ислам – Ислан, Ристем – Эрӑстем*.

Также обычны цепочки из трех и более вариантов:

– трех: *Ирмола – Ирмолла – Ирмулла, Маттӑрна – Маттӑрне – Маттӑрни; Мильнӑпай – Минлӑпай – Минлипай; Михать – Михет – Михит;*

– четырех: *Яхут – Яхуть – Яхуте – Яхутти.*

– пяти: *Исанпай – Исенпай – Иссампай – Иссанпай – Иссенпай; Савкӑлти – Савкилтӑ – Савкилти – Сакӑльти – Сакӑлта.*

Однако более всего многовариантностью выделяются христианские конфессионимы, заимствованные чувашским языком через русское посредство и функционировавшие в чувашской среде в двух статусах – в качестве православных и языческих имен. Количество вариантов в среде таких имен может дойти до двадцати [Фомин 2020, с. 35].

Широкая вариативность по большому счету – результат стечения одних и тех же имен разной локации в одном источнике. В локальных чувашских общинах встречались имена в одной и той же фонетической оболочке или с минимальным варьированием звукового состава.

Фонетическая вариативность приводит к возникновению новых имен достаточно редко (чаще всего новые родственные имена возникают при оформлении их на основе одного и того же корня с помощью разных аффиксов, ср.: *Алаккай* – *Алакким*, *Сверук* – *Сверухха*, *Ухантей* – *Ухантюк*, *Ярмак* – *Ярми*).

Впрочем, в чувашском антропонимиконе XVIII в. не исключается такой неожиданный способ имяобразования, как фонетический. Он обусловлен процессами усечения, стяжения, вариативности, например:

Аранта ≠ *Арантай* < чув. *аран* ‘медлительный’ + *-тай*;

Араспа ≠ *Араспай* < тат. *ураз* ‘счастье’ + *бай* ‘господин’;

Илтук ≠ *Илтукан* < тат. *Илтуган* из *ил* ‘страна’ + *туган* ‘родившийся; родственник’;

Миник ≠ *Миникамал* < тат. *Миникамал* из *миң* ‘родинка’ + араб. *كامل* (Камал) ‘совершенство’;

Ирметет ≠ *Ирмет* < тат. *Ирмөхәмәт* из тат. *ир* ‘мужчина’ + араб. *محمد* (Мухаммет) ‘хвалимый, прославляемый’.

В целом в чувашском языке наблюдается стремление фонетические варианты осознать в качестве разных имен. Данный подход был заложен уже в XVIII в., когда началась фиксация чувашских антропонимов (см.: Магницкий 1905).

Сингармонизм выступает одним из основных явлений, основывающих фонетическую систему чувашского языка. Он подвержен постепенному разрушению, но пока еще достаточно устойчив. Сингармонизм предполагает существование лексики либо с заднеязычными гласными, либо с переднеязычными. Между указанными пластами возможна прослойка смешанных слов.

На рубеже XIX–XX вв. сингармонизм в чувашском языке выражался следующими показателями: слова с заднеязычными гласными – 51 %, с переднеязычными – 31, смешанных – 17 [Фомин 2007, с. 70]. Для ср.: приблизительно такие же данные были получены В. Г. Егоровым на материале художественной литературы в конце 1920-х гг.: слов с заднеязычными гласными – 47 %, с переднеязычными – 30, смешанных – 23 [Егоров 1928, с. 43]. В чувашском языке преобладают слова с заднеязычными гласными.

Сингармонические параметры антропонимов уже отличаются от средних чувашских (см. табл. 2.7).

Таблица 2.7

Распределение личных имен по типам сингармонизма

Тип сингармонизма	Абс.	Доля, %
Заднеязычный	3190	31,9
Переднеязычный	2050	20,5
Смешанный	4760	47,6
Итого	10000	100,0

Практически половина традиционных чувашских имен не подчиняется закону сингармонизма. По сути слова со смешанным составом гласных в антропонимах уже не являются как таковой промежуточной прослойкой между «правильными» словами, а доминируют и придают именам нетипичное звучание.

Причины, нарушающие сингармонизм в личных именах дохристианской эпохи:

1) фиксация большей части имен средствами русского языка, не позволяющими в полной мере отразить природный фонетический облик чувашских слов, проблемным является объективное отображение гласных [ъ] (ǎ), [ь] (ǝ), [ү] (ǖ), [ç], а также полувзвонких [ǰ] (ç), [γ] (x), [č] (ç) в интервокальной, интерсонорновокальной и интерсонорной позициях;

2) заимствование антропонимов из языков, в которых нет сингармонизма, например, из арабского, персидского и русского, влияние которых на чувашей было интенсивным, в этом случае имена уже исходно приходили с нетипичной для чувашского языка звуковой оболочке и в силу высокого обновления именованности не успевали обрести этнический фонетический облик;

3) стремление оформить имена независимо от их звукового состава с помощью имяобразующих формантов с заднеязычными гласными, данное замечание прежде всего касается аффиксов русского происхождения *-ка*, *-кка*, *-ха*, *-ук*: *Алишка*, *Алтинкка*, *Иссенкка*, *Тимёркка*, *Селиха*, *Иленьюк*, *Мерххук*;

4) производство сложных имен путем сочетания двух слов с разным составом гласных по месту образования: *Алманиших* < араб. *علي* (Али) ‘высший, могучий’ + *مائن* (Маннан) ‘милостивый’ + *الشيخ* (шейх) ‘старец, духовный глава’; *Астани* < чув. *аста* ‘умелый’ + *-ни*; *Исенкул* < тат. *исэн* ‘здоровый’ + *кол* ‘раб’; *Пайсёвер* < тат. *бай* ‘богатый’ + перс. *سوار* (зивар) ‘браслет, украшение’; *Тимёрхан* < тат. *тимер* ~ чув. *тимёр* ‘железо’ + монг. *хан* ‘предводитель’.

Таким образом, в фонетическом аспекте антропонимы XVIII в. составляют специфичный пласт чувашской лексики. Фонетические параметры чувашских антропонимов дохристианской эпохи практически по всем рассмотренным критериям имеют расхождения с природным звучанием чувашского языка. Они сохраняют

значительный след иноязычного влияния на фонетическом уровне, что вкупе с недоступностью этимологического значения наивному языковому сознанию выделяет их в отдельный слой нетипичной лексики. Следует полагать, что настоящая характеристика важна для личных имен, позволяя им оставаться нейтральными асемантическими единицами лексической системы.

2.2. Дериватологическая структура

2.2.1. Морфемное членение

С деривационной точки зрения, чувашские имена представлены следующими типами:

– корень + афф. (*Ййвантай* < др.-евр. יְהוָנָן (Йоханан) ‘Яхве пожалел’ через др.-греч. Ἰωάννης, рус. *Иван* + *-тай*; *Вйрмантей* < чув. *вйрман* ‘лес’ + *-тей*; *Савйс* из тат. *сау* ‘здоровый’ + *-йс*) – 42,6 %;

– корень + корень (*Акмула* < тат. *ак* ‘благородный’ + араб. مُلًّا (мулла) ‘обращающий в веру, служитель веры; ученый’; *Исенчура* < тат. *исэн* ‘здоровый’ + *чура* ‘мальчик; работник, хлебопашец; воин’; *Шевлепей* < чув. *шевле* ‘зарница’ + *-пи* + *-ей*) – 28 %;

– корень (*Арйс* < чув. *арйс* ‘счастье’; *Телей* < чув. *те-лей* ‘счастье’, *Хемит* < араб. حامد (Хамед, Хамид) ‘хвалящий, благодарный’ через тат. *Хэмит*) – 22,5 %;

– корень + корень + афф. / корень + афф. + корень (*Ермук* ~ тат. *Ермак*, *Ярмук* (*Ярмөхэммет*) < перс. یار (Яр) ‘друг, возлюбленный’ + араб. محمد (Мухаммет) ‘хвалимый, прославляемый’ + *-ук*; *Хучаш* ~ *Хужаш* (*Хужашаһ*) < перс. خواجه (Ходжа) ‘хозяин’ + перс. شاه (Шах) ‘правитель’; *Янкилтё* ~ тат. *Янкилде* ‘душа пришла’ < перс. جان (Джан) ‘душа’ + тат. *килде* ‘пришел’ + *-ей*; *Исеймйрса* < тат. *исэн* ‘здоровый’ + *-ей* + *морза* ‘мурза, князь’; *Йёслёнике* ~

тат. *Йӧзлебикэ* < *йӧзле* ‘прекрасноликий’ + *бикэ* ‘госпожа’) – 6,5 %;

– корень + корень + корень (*Пиктупай* из тат. *бак* ‘господин’ + *туу* ‘рождаться’ + *бай* ‘господин’) – 0,4 %.

Доля простых имен составляет 65,5 %, сложных – 34,5 %.

Синхронический подход к изучению морфемной структуры чувашских имен очень часто переходит в диахронический и ставит сложные вопросы перед исследователями относительно этимологизации выделяемых корней.

Морфемное членение одних и тех же имен в синхроническом и диахроническом аспектах выражается разными результатами, ср.:

Акхилӑс при современном подходе является неделимой корневой единицей (что сразу же вызывает подозрение, так как имя достаточно длинное, чтобы быть простым, кроме того, в его составе отчетливо выделяется татарское слово *ак* ‘белый’); между тем этимологические разыскания позволяют возвести имя к татарскому *Аккылыч* ‘белый клинок’;

Аптин в синхронии также воспринимается в качестве неделимого корня, по сути являясь сложным образованием: араб. أ ب د (Абд) ‘раб’ + د ن (дин) ‘вера’;

Аштукка имеет в своем составе осознаваемые форманты имяобразования *-ук* и *-ка*, а *ӑ* представляет протезу, и таким образом в имени можно выделить корень древнегреческого происхождения *шт-*, являющийся отгლოსком имени *Στέφανος* ‘венец, корона’, ср. с другими именами *Штукка* < *Шт* + *-ук* + *-ка*, *Штук* < *Шт* + *-ук*, *Штюка* < *Шт* + *-ук* + *-а*, *Штюха* < *Шт* + *-ух* + *-ха*;

Емантей в синхроническом плане состоит из агномичного корня *еман* и аффикса *-тей*. В данном примере морфемное членение в обоих аспектах совпадает, но диахрония позволяет установить значение корня: имя возводится к тат. *яман* ‘плохой’;

Нисамёттин, с точки зрения современного чувашского языка, – неанализируемая единица, но этимологически данное имя состоит из трех слов: араб. نظام (Низам) ‘дисциплина, порядок, система’ + *Мухаммет* ‘прославляемый, хвалимый’ + *дин* ‘религия’) через тат. *Низамутдин*, т. е. устройство веры, правила веры.

С переходом в православие в чувашский язык проникли русские деминутивные форманты, например: *-а*, *-ик*, *-ка*, *-кка*, *-ок*, *-ук*, *-уц*, *-уш*, *-ха*, *-шка*. При этом данные аффиксы, за редким исключением, развили сингармонические варианты, ср.:

Ал-ук-а (араб. عالي ‘высокий, возвышенный’) – *Вёриён-е* (чув. *вёриён* ‘стриж’);

Кац-ик (чув. *кац* ‘вечер’) – $\emptyset$;

Сару-ка (тюрк. *сары* ‘желтый’) – *Илец-ке* (др.-евр. אֱלֹהַי ‘мой бог’ через араб. إله يأس (Ильяс);

Ай-кка (тат. *ай* ‘луна’) – *Ёнчё-кккк* (кит. 珍珠 ‘жемчуг’ ~ чув. *ёнчё* ‘жемчуг’);

Мёрс-ок (перс. میرزا ‘князь’), *Майр-ук* (*майра* ‘городская женщина’ – *Ат-ўк* (араб. عطا ‘дар’);

Минюц (тат. *миң* ‘родинка’) – *Кён-ўц* (др.-тюрк. *kün* ‘солнце’);

Пай-му-уш (тат. *бай* ‘господин’ + араб. محمد (Мухаммет) ‘хвалимый, прославляемый’) – *Энтр-ўш* (араб. عبد الرحمن ‘раб милостивого’ через тюрк. *Абдур*);

Ситюх-ха (араб. *Сидик* ‘правдивый’) – $\emptyset$;

Кара-шка (тат. *кара* ‘черный’) – *Ирешке* (чув. *ир* ‘утро’).

В документальных записях XVIII в. доминируют форманты с заднеязычными гласными, даже если корневая часть слова полностью состоит из переднеязычных гласных звуков: *Ислўйкка* (вместо *Ислўйкккк*), *Минкка* (*Минкккк?*), *Питўркка* (*Питўркккк?*), *Тимўркка* (*Тимўркккк*), *Тимруц* (*Тимруцц?*), *Мевлуш* (*Мевлушш?*). Надо полагать, подобная унифицированная подача формантов, обязанных реализовываться сингармонически вариативно, продикто-

вана условиями фиксации имен, в частности, тем, что их записывали русские делопроизводители.

Аффиксы при именах факультативны. С их помощью оформлена половина чувашского именослова. Максимальное количество аффиксов в составе имен может достигать двух: *Аван-¹кка-²ин* (*Аванкин*), *Исен-¹тей-²ккӑ*, *Отван-¹уш-²-ка*, *Яман-¹тай-²кка*.

В большинстве случаев имяобразовательные форманты по происхождению являются русскими деминутивными суффиксами. Освоение русских имен в деминутивной форме происходило путем их заимствования в качестве основных. Имена заимствовались не в форме *Анна*, *Артем*, *Василий*, *Николай*, *Олег*, *Федор*, а в виде *Анютка*, *Артемка*, *Ваџук*, *Микуша*, *Улюшка*, *Хвету́нькка* и пр.

Таким образом, морфемное членение чувашских имен дохристианской эпохи предполагает двоякий подход к их изучению: с внутренних, синхронических позиций чувашского языка и с позиций наднациональных, контактологических, соответствующих диахроническому подходу. Учет последних позволяет этимологизировать антропонимы с достаточно высокой долей объективности.

В ходе освоения чувашским языком инокультурные имена наряду с фонетическими трансформациями подвергались также морфемным преобразованиям. В частности, к именам прибавлялись чувашские имяобразовательные форманты, нередко являющиеся русскими по происхождению. Подобный способ деривации антропонимов не используется в исходных арабском, персидском и татарском именослове. В итоге в чувашском антропонимиконе сформировался пласт восточных по происхождению и формально деминутивных имен, придающих чувашским именам неповторимый облик.

2.2.2. Аффиксальное образование имен

Аффиксальный способ образования имен в чувашском языке является основным. С его помощью производится половина именовслова (49,1 %).

Базовая схема аффиксальной деривации чувашских антропонимов – корневая основа + афф.:

Катӑрккей < араб. قادر (Кадир) ‘всемогущий’ через тат. *Кадр*, *Кӑдр* + -(к)кей;

Маметей < араб. محمد (Мухаммад) в стяженной форме + -ей;

Маттуркка < чув. *маттур* ‘молодец’ + -(к)ка;

Паянтай < чув. *паян* ‘сегодня’ + -тай;

Тӑхтаç < чув. *тӑхта-* ‘ждать’ + -ç(ӑ);

Сантрук < др.-греч. *Ἀλέξανδρος* ‘защитник мужчин’ через рус. *Александр* + -ук;

Сумӑркка < чув. *сумӑр* ‘дождь’ + -кка;

Шӑхалей < перс. شاد الخال (Шахигалим) ‘высокообразованный шах’ через тат. *Шӑехгали* + -ей;

Янкилтей < тат. *Янкилде* ‘душа пришла, человек родился’ из перс. جان (джан) ‘душа’ через тат. *ян* + *килде* ‘пришел’ + -ей.

В чувашском антропонимиконе представлены следующие аффиксальные типы личных имен:

– имена, образованные от существительных: *Мӑрсук* < перс. مرزا (мурза) ‘князь’ + -ук; *Ярак* < перс. يار ‘друг’ + -ак;

– имена, образованные от прилагательных: *Улашка* < чув. *ула* ‘пестрый’ + -шка; *Чиперей* < чув. *чипер* ‘хороший, красивый’ + -ей;

– имена, образованные от числительных: *Вонкка* < чув. *вон* ‘десять’ + -кка, *Пӑркке* < чув. *пӑр* ‘один’ + -ккe;

– имена, образованные от наречий: *Паянтай* < чув. *паян* ‘сегодня’ + -тай, *Паянтиш* < *паян* + -тиш;

– имена, образованные от глаголов: *Килтей* < тат. *килде* ‘пришел’ + -ей; *Пиртӑ* < тат. *бирде* ‘(бог) дал’.

Из всех частей речи, вовлеченных в аффиксальное имяобразование, явно доминируют имена существительные. Числительные и наречия выступают имяобразующими основами в исключительных случаях. На их фоне производительность глаголов и имен прилагательных несколько выше, но все же по сравнению с существительными несущественна.

Инвентарь чувашского имяобразования выделяется значительным разнообразием аффиксов: установлено 90 видов производящих антропоформантов. При этом их участие в формировании имен распределяется непропорционально. Наиболее частотные семь аффиксов покрывают 73,8 % чувашского именослова (табл. 2.8).

Таблица 2.8

Высокочастотные имяобразовательные аффиксы

Аффикс	Примеры	Абс.
-ка, -ке, -кка, -кке	<i>Айкка, Волкка, Ирехметке</i>	951
-ай, -ей	<i>Акманей, Мӓрсаней, Чурай</i>	819
-и	<i>Аӓсси, Мӓрси, Мерчи, Савни</i>	571
-ук, -ок, -ӓк	<i>Ваиук, Ирук, Патӓк, Сахук, Этук</i>	397
-ак, -ек	<i>Ваӓтак, Исек, Савак, Тӓпек</i>	380
-тай, -тей, -ттай, -ттей	<i>Илментей, Сӓвенттей, Ӓармӓстай</i>	363
-кай, -кей, -ккай, -ккей	<i>Кӓрӓмкай, Севреккей, Тивлеккей</i>	247

Аффикс *-ка* – маркер чувашского имяобразования с наивысшей частотностью. Он русского происхождения, ср.: *Василий – Васька, Михаил – Мишка, Ирина – Иринка, Марина – Маринка*. На чувашской основе данный аффикс потерял деминутивность и превратился в антропоформант с нейтральной семантикой. Имена *Автюш – Автюшка, Алиш – Алишка, Ишут – Ишутка, Матюш – Матюшка*,

Паймуш – *Паймушка* следует признать близкородственными, но разными единицами. Вполне допустимо соответствие *Алиш* = *Алишка*, где *-ка* – деминутивный показатель, но обратный переход маловероятен: *Алишка* ≠ *Алиш*.

Формант *-ай* по происхождению является вокативным аффиксом (*ана* ‘бабушка со стороны отца’ – *апай*, *кукам* ‘бабушка со стороны матери’ – *кукамай*, *кукаш* ‘дедушка со стороны матери’ – *кукасей*, *хуса* ‘хозяин’ – *хусай*), который в антропонимическом контексте развил имяобразовательное значение. По частотности аффикс *-ай* немного уступает форманту *-ка*. Согласно внутричувашским фонетическим процессам, настоящий формант в именах может замещаться аффиксом *-и*: *Иваней* – *Иванни*, *Иссай* – *Исси*, *Мърсанай* / *Мърсаней* – *Мърси*, для ср.: *каймарйм* ‘не смог уехать’ = *каймарйм*, *килеймен* ‘не смог прийти’ = *килиман*. Следует полагать, что процесс оттенения вокативного значения аффикса *-ай* сходен с отказом от деминутивного значения у форманта *-ка* и диктуется необходимостью сформировать специальные имяобразующие маркеры.

Аффикс *-и* – по сути словоизменятельный, означающий посессивность в третьем лице. В антропонимической системе данный аффикс выполняет имяформирующие функции. Его функционирование усложнено наличием востребованного омонимичного форманта *-и* со значением выделительности, которое также встречается в чувашском именослове, например: *Ачи* ‘тот ребенок’ из *ача* ‘ребенок’, *Савни* ‘тот, которого любят’ из *савнй* ‘любимый’, *Хури* ‘тот, который смуглый’ из *хура* ‘черный’. Аффикс *-и* функционирует в тесной взаимосвязи с антропоформантом *-ай*.

-Ук – русский деминутивный аффикс, освоенный чувашским языком вместе с христианскими конфессионами, ср. с рус. *Ванёк*, *Петёк*, *Санёк*. На чувашской основе данный формант активно начал присоединяться и к женским именам – как к языческим, так и православным:

Селетук, Херхерук, Шекерук, Верук (Вера), Кӓтӓюк (Екатерина), Лисук (Елизавета). Для ср.: тот же аффикс встречается и в удмуртском языке, входящем в Волго-Камский союз, как и чувашский, и также признается одним из эффективных способов освоения заимствованных имен (М. Г. Атаманов), см.: Федотов 1998, с. 30. М. Р. Федотов усматривает аффикс *-ук* в составе таких неопознанных формантов, как *-лук, -мук, -нук, -рук, -тук, -чук* [Федотов 1998, с. 30].

Антропоформант *-ак* в чувашском имяобразовании, так сложилось, абсолютно нейтральный и наименее выразительный. Он, как правило, отсутствует в описаниях востребованных аффиксов чувашского имяпроизводства. Возможно, игнорирование данного аффикса связано с тем, что он не ассоциируется со сходными элементами за пределами чувашской антропонимической системы и не обусловливается связями с материалом иных языков. Между тем аффикс *-ак*, скорее всего, является древнейшим чувашским имяобразовательным формантом.

-Тай – востребованный аффикс чувашского имяобразования, восходящий, согласно предположению М. Р. Федотова, к русскому *дядя* через чувашское низово-диалектное *тете* ‘старший брат’ в вокативной форме *тетей* [Федотов 1998, с. 27]. У Л. П. Петрова *-тай (-тей)* – уподобительный аффикс, см.: Петров 1987; Петров 1988. Видимо, предпочтение варианта *-тей* даже там, где фонетически предполагается использование варианта *-тай*, подтверждает справедливость этимологии М. Р. Федотова, ср.: *Аван тете* ‘дядя Аван’ → *Аван тетей* → *Авантей* при желательном *Авантай*, см. также *Ахмантей, Урхантей, Савантей* и др.

Аффикс *-кай* в чувашском языке используется при производстве мужских имен. Его татарское соответствие *-кай* обладает уменьшительно-ласкательным значением [Хазиева-Демирбаш 2017, с. 155]. У чувашского аффикса

значение деминутивности практически не ощущается, и он является типичным имяобразовательным формантом. Для ср.: «В структурно-словообразовательном отношении к активным суффиксам именного образования можно отнести суффиксы тюркского происхождения с уменьшительно-ласкательной семантикой *-кай* / *-кэй*: *Ишкэй, Нуркай*; *-ай* / *-ей*: *Карманай, Солтанай, Ибрай, Сабай, Иманай, Юанай, Балтай* и др.; *-юк*: *Абдюк, Нурюк* и др.» [Хазиева-Демирбаш 2017, с. 245].

Таким образом, основными деривационными маркерами чувашских имен являются частотные аффиксы *-ка, -ай, -и, -ук, -ак, -тай, -кай*, представленные множеством вариантов. На остальные 83 форманта, участвующих в чувашском имяобразовании, приходится лишь 26,2 % аффиксально оформленных антропонимов (см. табл. 12 приложения).

В чувашское имяобразование могут допускаться словоизменительные аффиксы, ср.: *Тăхтаман* < чув. *tăxta-* ‘ждать’ + *-ма* афф. отрицания + *-н(ă)* аффикс причастия прошедшего времени, т. е. не подождавший, поторопившийся родиться; *Тойман* < чув. *той-* ‘чувствовать’ + *-ма* + *-н(ă)*, т. е. зачатый случайно; *Ėрчмес* < тат. *үрчү* ~ чув. *ĕрче-* ‘буйно расти’ + *-мес* аффикс отрицания настоящего времени, именем нарекался последний желанный ребенок в семье; *Ûлмес* < тат. *ул-* ‘умереть’ + *-мэс*, т. е. не умрет; *Илтекен* < чув. *илт-* ‘услышь’ + *-екен*, т. е. слушающий.

Приведенные глагольные формы осмысливаются в качестве личных имен через конверсию. Способствует субстантивации глаголов наличие созвучных антропоформантов, ср.: *-ма* + *-н(ă)* (*Тăхтаман*) ≠ *-ман* из араб. المَنَّان (Маннан) ‘всепрощающий; милостивый; благодетель’ (*Айтарман, Каламан, Яшман*), а также переход глагольных форм в существительные уже в исходном языке – татарском (*Ûлмэс*).

Обычны в чувашских именах посессивные аффиксы, например: *Янӑм* < перс. جان (Джан) ‘душа’ + *-ӑм* аффикс посессива первого лица единственного числа, букв. душа моя; *Айнӑрем* из тат. *Айнура* ‘лунный свет’ + *-ем* аффикс посессива первого лица единственного числа, букв. мой лунный свет; *Илнашӑ* < тат. *ил* ‘страна’ + *баиш* ‘голова’ + *-ы* ~ чув. *-ӗ* аффикс посессива третьего лица, т. е. правитель страны.

В оформлении чувашских имен участвуют и инфиксы:

Илепай из тат. *ил* ‘страна’ + *(-е-)* + *бай* ‘господин’;

Кёнеслу из др.-тюрк. *kün* ‘солнце’ + *(-е-)* + тат. *сылу* ‘красавица’;

Илинке из др.-евр. לַיִלָּח (Элиаху) ‘мой бог’ через рус. *Илия* + *(-н-)* + *-ке*;

Илчӑней из тат. *илче* ‘посол’ + *(-н-)* + *бӑй* ‘князь’, ср. с *Илчӑней*;

Упанка из чув. *упа* ‘медведь’ + *(-н-)* + *-кка*.

Значительная роль в образовании чувашских имен принадлежит аффиксоидам:

-мат / *-мет* < араб. محمد (Мухаммет) ‘хвалимый, прославляемый’: *Алмат*, *Алмет*, *Ансамат*, *Асармет*, *Илмет*, *Ирмет*, *Исамат*, *Келмет*, *Кулмат*, *Паймат*, *Пахмат*, *Пахмет*, *Пихмет*, *Тусмат* – 449 фиксаций;

-ти < чув. *тике* ‘госпожа’: *Акчети*, *Атнапи*, *Ачати*, *Ешӑлти*, *Илемпи*, *Кӑтрапи*, *Марьяпи*, *Нарспи*, *Сарпи* – 174 фиксации;

-ман / *-мен* < араб. المَنَّان (Маннан) ‘щедрый, великодушный, всепрощающий; милостивый; благодетель’: *Айтарман*, *Акман*, *Алман*, *Альмен*, *Паймен*, *Яшман*), ср.: *Пикманан* из тат. *бӑк* ‘господин’ + араб. المَنَّان ‘милостивый’ – 103 фиксации;

-ша / *-аиш* < перс. شاه (шах) ‘правитель’: *Алемша*, *Хочаиш*, *Чураиш* – 84 фиксации;

-слу < тат. *сылу* ‘красивый’: *Айнаслу*, *Иреслу*, *Майраслу*, *Миряслу*, *Пакреслу* – 81 фиксация;

-шей / *-ших* < араб. الشيخ (шейх) ‘старец, духовный глава’: *Айшей*, *Алшей*, *Илших*, *Крымших* – 52 фиксации;

-улла < араб. الله (Аллах) ‘бог’: *Айтулла, Минулла, Хайһа́лла, Ярулла* – 28 фиксаций.

Аффиксоиды являются весьма примечательными маркерами чувашского антропонимикона. Они вступают в омонимичные отношения с другими антропоформантами и лексемами, например: *-ни* ‘госпожа’ ≠ *ни* ‘князь’. В речевом потоке некоторые аффиксоиды могут слиться с созвучными морфемами, к примеру: *мулла* ‘обращающий в веру, служитель веры; ученый’ ≠ *-улла* (*Аллах*).

Появление аффиксоидов стало результатом высокой частотности их лексических прообразов в имяобразовании, вследствие чего произошло упрощение производящих основ. Самые значительные фонетические изменения в этом ряду произошли с именем *Мухаммет*. Притом стяжение священного в исламе имени произошло уже в татарском языке: *Мухаммэт* → *Махмэт* → *-мэт*, ср.: *Илмэмэт* < *Илмөхэммэт*; *Калмэт* (*Калмөхэммэт*); *Нурмэт* (*Нурмөхэммэт*).

В самом чувашском языке, видимо, развился аффиксоид *-мук*, сочетающий отсеченное до первого слога имя *Мухаммет* (*Му-*) с деминутивным аффиксом *-ук*: *Илмук* < тат. *ил* ‘страна’ + араб. محمد (Мухаммет) ‘хвалимый, прославляемый’+ *-ук*; *Паймук* < тат. *бай* ‘богатый’ + араб. محمد (Мухаммет) ‘хвалимый, прославляемый’+ *-ук*. В татарском языке антропоформант *-мук* наблюдается достаточно редко.

Таким образом, аффиксальное имяпроизводство – наиболее востребованный способ образования имен и освоения иноязычных антропонимов. Половина чувашского именослова сформирована аффиксальными образованиями. Избранные аффиксы становятся своеобразными маркерами имен, на морфемном уровне выделяя их на фоне привычного лексического состава чувашского языка. Благодаря аффиксальному имяпроизводству происходит предельное очувашивание иноязычных имен.

2.2.3. Словосложение

Значительную часть чувашских языческих имен составляют сложные образования. В целом их доля достигает 35 %. Как правило, сложные имена двукорневые, но также встречаются трехкорневые единицы.

В чувашском языке выделяются следующие типы сложного образования имен:

– корень + корень: *Илмамет* < тат. *Илмөхәммет*, где *ил* тат. ‘страна’, араб. محمد (Мухаммад) ‘хвалимый, прославляемый’ в стяженной форме; *Кулишиша* < иран. ل گ (Гюль) ‘цветок’ + араб. عا شة (Аиша) ‘энергичная; женщина’ через тат. *Гөлгайшә*;

– корень + афф. + корень: *Исеймърса* < др.-евр. ישוע (Иешуа) ‘Господь есть спасение, бог в помощь’ через араб. ع يسى (Иса) имя пророка, ‘милость божья’ + *-ей* + перс. م برزا (мурза) ‘князь’, также возможно из перс. عزت. (Иззат) ‘честь, слава, почет’ через краткую форму *Иса* + *-ей* + перс. *Мурза*;

– корень + корень + афф.: *Алпәрәска* < тат. *Албарс* (*алып* ‘великий’ + *барс* + *-ка*); *Ерхоней* < иран. ڤ ار (Яр) ‘друг, возлюбленный’ + монг. *хан* ‘правитель’ + *-ей*.

– корень + корень + корень: *Алмиш* < араб. ال (аль) ‘тот самый’ + (Мухаммет) ‘хвалимый, прославляемый’ + тат. *миш* ‘друг, приятель, сподвижник’; *Актупай* < тат. ак ‘белый’ + *туу* ‘родиться’ + *бай* ‘господин’; *Пайтупай* < тат. *бай* ‘богатый’ + *туу* ‘родиться’ + *бай* ‘господин’;

– корень + корень + корень + афф.: *Ильмушка* < тат. *Ильмөхәмметшиәх* из тат. *ил* ‘страна, народ’ + араб. محمد (Мухаммет) ‘хвалимый, прославляемый’ + перс. شاه (Шах) ‘правитель’ + *-ка*.

На стыке корневых морфем при имяобразовании, как правило, никаких изменений не происходит – слова просто примыкают друг к другу, ср.:

Аймулла < тат. *ай* ‘луна’ + перс. مُلّا (мулла) ‘ученый, служитель веры’;

Акйшти < *акйш* ‘лебедь’ + *-ти*;

Караксахва < тат. *карак* ‘вор, грабитель’ + араб. صفاء (Сафа) ‘чистота, безоблачность, искренность, спокойствие, безмятежность’;

Савкарей < тат. *сау* ‘здоровый’ + перс. غ ير اي ي (Герей) ‘сильный, могущественный’;

Тоймърса < тат. *той* ‘праздник’ + перс. م يرزا (мирза) ‘мурза, правитель, господин’ через тат. *морза*;

Урасмамат < тат. *ураз* ‘счастье’ + араб. محمد (Мухаммад) ‘хвалимый, прославляемый’.

В образовании сложных антропонимов реализуются следующие схемы:

1) сущ. + сущ.: *Айнакёл* < араб. عين (Айна) ‘глаз’ + перс. گل (гюль) ‘цветок’, т. е. цветкоглазая через тат. *Айнэгөл*; *Ипънкирей* < араб. ابن (ибн) ‘сын’ + غاراي (Жерай) эпитет-титул ханов крымской и казанской династий; *Карак Сахва* < тат. *карак Сафа* ‘Сафа-вор’; *Тимёр-Пәлат* < *тимёр* ‘железо’ + *пәлат* ‘булат’; *Тимёрхан* < *тимёр* + *хан*; *Укапике* < *ука* ‘позумент’ + *пике* ‘госпожа’; *Урастелет* < тат. *ураз* ‘счастье’ + чув. *тевлет, тивлет* ‘благодать’;

2) прил. + сущ.: *Исенмърса* < тат. *Исәнморза* из *исән* ‘здоровый’ + перс. م يرزا (мирза) ‘мурза, правитель, господин’ через тат. *морза*; *Карачура* < тат. *кара* ‘черный’ + *чура* ‘дружинник, воин’; *Минлөпай* < тат. *минле* ‘имеющий родинку’ + *бай* ‘господин’; *Чәнтимёр* < *чән* ‘настоящий’ + *тимёр* ‘железо’; *Чипертилет* < *чипер* + *ти(в)лет* ‘благодать’; *Яшкилтей* < тат. *яшь* ‘молодой’ + *килде* ‘пришел’ + *-ей*;

3) сущ. + гл.: *Ишпултә* < тат. *иш* ‘пара, ровня’ + *булды* ‘стал’; *Килкилтё* < *кил* ‘родной дом’ + *килтё* ‘пришел’; *Тивлеткил* < *тивлет* ‘благодать’ + *кил-* ‘приди’; *Тимёркас* < *тимёр* ‘железо’ + *кас-* ‘резать’ (ср. с

аналогичным словом *тыркас* ‘суслик’, состоящий из *тыр(ă)* ‘зерно’ + *кас-* ‘резать’);

4) прил. + гл.: *Акпахтă* < тат. *ак* ‘благородный’ + *бакты* ‘взглянул’, т. е. родился; *Иссенкилтĕ* < тат. *исэн* ‘здоровый’ + *килде* ‘пришел’; *Яшпултă* < тат. *яшь* ‘молодой’ + *булды* ‘стал’;

5) числ. + сущ.: *Вунпу* < *вун(ă)* ‘десять’ + *пу* ист. ‘бек, князь, господин’; *Сёрпу* < *сёр* ‘сто’ + *пу*;

6) гл. + сущ.: *Килтĕнай* < тат. *килде* ‘пришел’ + *бай* ‘господин’; *Килчура* < тат. *Килчура* из *кил-* ‘приди’ + *чура* ‘воин, хлебопашец’.

В большинстве своем востребованы первая и вторая схемы сложного имяобразования, поскольку в них заложены возможности прямой номинации человека.

Третья схема представлена в двух разновидностях: в одном случае фиксируется рождение человека (*Ишпултă*, *Килкилтĕ*), в другом содержится глагольное императивное благопожелание (*Тивлеткил*, *Тимёркас*).

Имена, построенные согласно четвертой схеме, по сути соответствуют номинативно-глагольным антропонимам. Они называют новорожденного с помощью адъектива (тат. *ак* ‘белый’, перен. ‘благородный; счастливый’; тат. *исэн* ‘здоровый’; тат. *яшь* ‘молодой’ ~ чув. *яш*) и фиксируют его рождение формой глагола в прошедшем времени (тат. *бакты* ‘посмотрел’; тат. *килде* ‘пришел’; тат. *булды* ‘стал’).

Пятая схема обусловлена переосмыслением апеллятивов *вунпу* ‘десятский’ и *сёрпу* ‘сотник’ в качестве личного имени. В целом же использование числительных в чувашском имяпроизводстве ограничено и сводится к распространенным схемам *корень* + *афф.*, *корень* + *корень*, *корень* + *корень* + *афф.*, ср.: *Вонкка* из *вон* ‘десять’ + *-кка*; *Пёркке* из *пёр* ‘один’ + *-кке*; *Пёртукан* из тат. *бир* ~ чув. *пёр* + *туган* ‘родственник’; *Пишантей* из тат. *биш* ‘пять’ + араб. *عبد* (Абд) ‘раб, слуга’ + *-ей*.

Шестая схема напрямую связана с третьей и представляет инверсионное отображение номинативно-глагольных сочетаний, ср.: *Пайкилтё* из тат. *бай* ‘богат; господин’ + *килде* ‘пришел’ = *Килтёнай*. Выведение отглагольных сказуемых в инициальные позиции для языков с обычным словорасположением SOV – сильный эмоциональный показатель, например: в чувашском языке сказуемые в начале предложения перетягивают на себя логическое ударение.

Имена с глагольными основами (схемы 3, 4, 6) носят предикативный характер. Они переходят в состав существительных путем конверсии. Данный переход облегчается тем обстоятельством, что имена исходно являются иноязычными, и их предикативность не всегда осознается носителями языка.

Факультативное и редкое правило – оформлять сложные имена с помощью аффиксов (лишь 6,5 % сложных имен допускают наращивание специальными формантами):

Альмек < араб. *ال* (аль) ‘тот самый’ + *محمد* (Мухаммет) ‘хвалимый, прославляемый’ в стяженной форме + *-ек*;

Янкилтей < тат. *Янкилде* ‘душа пришла, человек родился’ из перс. *جان* (Джан) ‘душа’ через тат. *ян* + *килде* ‘пришел’ + *-ей*.

Высокочастотные антрополексемы, участвующие в имяпроизводстве, воспринимались чувашами как маркеры именной лексики (см. табл. 13 в приложении). Тем более сказанное справедливо тогда, когда происходит составление имен-композигов из тех самых частотных антропонимических элементов.

Более всех в чувашских именах встречаются такие антрополексемы, как *най* из тат. *бай* ‘богатый; господин’ (458 раз на десять тысяч единиц), *Мухаммет* из араб. *محمد* ‘хвалимый, прославляемый’ (449), *Али* из араб. *علي* ‘высокий, возвышенный’ (230), *ян* из перс. *جان* (Джан) ‘душа’

(227), *яр* из перс. *یار* ‘друг, возлюбленный’ (199), *килт(ё)* из тат. *килде* ‘пришел’ (179), *хан, кан* из монг. *хан* ‘правитель’ (168), *ак, ах, а-* из тат. *ак* ‘белый’ (134), *мърса* из перс. *میرزا* (мерза) ‘князь’ (130), *пек* из тат. *бәк* ‘господин’ (125).

Сложные имена уже имеют значительную, нередко избыточную длину, и данное свойство может быть осознано в качестве основного условия, препятствующего аффиксальному дооформлению имен.

Между тем простые имена в чувашском языке в гораздо большей степени прибегают к специальным имяобразующим аффиксам (как показали измерения, почти 43 % простых имен содержат те или иные форманты):

Ачашка < *ача* ‘ребенок’ + *-аи* + *-ка*;

Вырăстай < *вырăс* ‘русский’ / *вырсарни* (*кун*) ‘воскресенье’, букв. русский день недели + *-тай*;

Ехвинкке < др.-греч. *Εὐφρημος* ‘благочестивый’ через рус. *Ефим* + *-(к)ке*;

Илтей < тат. *ил* ‘страна’ + *-тей*;

Катюк < др.-греч. *Αικατερίνη* ‘вечно чистая’ через рус. *Катя* (*Екатерина*) + *-ук*;

Мърсук < *мърса* из перс. *میرزا* (мурза) ‘князь’ + *-ук*;

Тёкли < *тёклё* ‘с волосами’ + *-и*.

Словосложение являлось важным методом чувашского имяобразования. Скорее всего, оно было продиктовано восточными традициями производства благожелательных антропонимов.

Специфичными чертами чувашских сложных имен следует признать их адъективный (*Исенмърса*) и предикативный характер (*Ишпултă*).

Сочетания разнообразных корневых имяобразовательных компонентов между собой позволило создать развернутый словарь сложных имен чувашского языка.

2.3. Семантические процессы в функционировании чувашского именослова

Абсолютное большинство имен, называемых чувашскими, являются заимствованиями. По этой причине они в основном выполняют номинативную функцию, не отягощенную каким-либо конкретным лексическим значением. Лишь небольшая часть имен иноязычного происхождения испытала на себе попытки осмысления с помощью средств чувашского языка. Таким образом дает о себе знать системная разность контактирующих языков, препятствующая возникновению ассоциаций с чувашскими словами. Между тем ассоциативность с последующей контаминацией – важнейшее условие смыслового освоения заимствуемых имен, ср.:

араб. عادل (Адил) ‘справедливый’ через тат. *Адил, Га-дил, Гадел* → чув. *Атӑл* ‘Волга’ [Егоров 1987, с. 60]: *Атӑлка, Атӑлсултан*, но *Ател, Ателей, Атилша, Атилишей*;

др.-греч. Ἀνδρέας ‘мужественный, храбрый’ → чув. *анра* ‘глупец’: *Антӑра*;

араб. أصيل (Асыл) ‘благородный, знатного происхождения, породистый, чистокровный, подлинный, настоящий’ → чув. *аслӑ* ‘старший’ [Егоров 1987, с. 59]: *Аслӑпике*;

перс. نالغاب (Баглан) ‘большой, старший’ → чув. *пукан* ‘стул’: *Араспукан* [Петров 1988, с. 34];

лат. *Ignatius* ‘огненный, жгучий; раскаленный’ → чув. *йӗкӗлти* ‘издеватель’: *Йӗкӗлти*;

араб. قدرات (Кудр) ‘сила, мощь, могущество; возможности’, контаминированное с чув. *кӑтра* ‘кудрявый’: *Кӑтре, Кӑтрюк*;

араб. رسلان (Раслан) ‘лев’ → чув. *вырӑс* ‘русский’: *Вырӑслан*, где *вы-* – протеза;

тат. сау ‘здоровый’ → чув. *сав-* ‘любить’ (см.: Федотов 1998, с. 92): *Савмӑрса, Савмет, Савпатӑр*;

перс. ستاره (Сетаре) ‘звезда’ → чув. *серте* ‘снить’ [Андреев 1983, с. 55]: *Сертени*.

перс. هيو (Хива) ‘желание, страсть’ → чув. *хйва* ‘ива’: *Хйва*.

Позднее метод семантического освоения был широко использован при очувашивании христианских имен, ср.: *Герасим* → *Караç* (чув. *караç* ‘карась’); *Ксения* → *Уқси* (чув. *укса* ‘деньги’); *Максим* → *Максйма* (чув. *максйма* ‘слабое пиво без хмеля и дрожжей’).

Христианские имена могли быть фонетически переосмыслены под инерционным влиянием предыдущей антропонимической традиции и без подбора созвучных слов в самом чувашском языке: *Аггей* → *Элкей*, *Александр* → *Элекке* (тат. *ил* ‘страна’) [Леонтьева 2006, с. 16–20], что подтверждает системную функциональную мощь и устойчивость языческого именослова.

Следующей важной чертой чувашских имен следует признать расширение семантики слов, лежащих в их основе. Процесс исходно происходил в языках-источниках, и имена чувашским языком уже заимствовались с расширенным значением, правда, осознаваемом лишь в общих чертах, ср.:

ай тат. ‘луна, месяц’ [Татарча 2007, т. 1, с. 59] – ‘добрый, красивый, благородный; святой; белый, чистый, светлый; умный; дорогой; богатый; счастливый; полный’ [Саттаров 2019] – ‘красивая, красавица’ (в женских именах), ‘счастье, счастливый час’ (в мужских именах) (А. Гафуров) [Федотов 1998, с. 37];

ак тат. ‘белый, чистый; светлый’ [Татарча 2007, т. 1, с. 62–63] – символ чистоты, ясности, открытости, божественной мудрости, примирения [Саттаров 2019, с. 52] – ‘белый, чистый’, перен. ‘благородный по происхождению’ [Егоров 1986, с. 102–103; Федотов 1998, с. 38–39] – ‘счастье, счастливый’ [Петров 1987, с. 85];

бай тат. ‘богач, богатый; хозяин; *слово-приложение к имени известных богачей*’ [Татарча 2007, т. 1, с. 186] – ‘хозяин, богатый человек, господин’ [Саттаров 2019, с. 81];

бәк тат. ‘бей, бек, господин’ [Татарча 2007, т. 1, с. 219] – ‘князь; вельможа; дворянин, господин, чиновник’ [Саттаров 2019, с. 91, 93];

иш тат. ‘пара, ровня, чета; сверстник; подобие’ [Татарча 2007, т. 1, с. 470] – ‘пара; товарищ, спутник, друг; помощник; ровня; семья, сила, род’ [Саттаров 2019, с. 167].

чура тат. ист. ‘дружинник, воин в княжеской дружине; отрок, молодой воин – слуга у знатного лица; военачальник (*политический вассал ханов периода Золотой Орды*); пленный, которого сделали крепостным (*в XVII–XVIII вв.*)’ [Татарча 2007, т. 2, с. 587] – ‘мужчина; слуга, земледелец, храбрый воин, член дружины, друг’ [Саттаров 2019, с. 369].

Допустимо, что такого рода высокочастотные антрополексеми могли использоваться в качестве элементов собственно чувашского имяпроизводства, особенно в тех случаях, когда аналогичное имя подозрительно не обнаруживается в татарском антропонимическом словаре (возможно, всего лишь по причине неполного лексикографирования татарского материала, но не исключено потому, что оно было создано в самом чувашском языке).

Бережное и фактически сакральное отношение к личным именам обуславливалось верой в действенность слова и ставило целью определение счастливой судьбы их носителей: *Маттуркка* < *маттур* ‘молодец’, *Паттър* < *паттър* ‘герой’, *Пуянхан* < *пуян* ‘богатый’ + *хан* ‘предводитель’, *Тимёр* < *тимёр* ‘железо’, *Торхан* < *торхан* ‘тархан’, *Чечен* < *чечен* ‘красивый’, *Чипертилет* < *чипер* ‘хороший’ + *тилет* ‘благодать’.

Более того, имена, произведенные на основе слов с негативным значением, служили тем же охранительным целям, что и положительные, благопожелательные.

Существует две группы имен с негативной семантикой. Первую составляют подлинные имена с отрицательным значением, подлежавшие табуированию: *Алапаш*, *Алпаш* < тат. *ала* ‘пестрый, пегий’ + *баш* ‘голова’, т. е. голова с сединкой – имя, даваемое ребенку с тем, чтобы он дожил до седых волос [Петров 1988, с. 20]; *Ителмес* < тат. *эт* ‘собака’ + *илмес* ‘не берет’, букв. собака не берет, имя-оберег ребенка, на которого не будет покушаться даже собака [Андреев 1983, с. 45; Федотов 1998, с. 58]; *Яман* < тат. *яман* ‘дрянной, недобрый’ [Андреев 1983, с. 45; Федотов 1998, с. 146].

При этом имена с исходной отрицательной семантикой в преимущественно монолингвальной чувашской среде таковыми вряд ли воспринимались, поскольку были заимствованы из татарского языка в готовом виде. Через созвучия (тат. *Алабаш* – чув. *алапаш* ‘небрежный, неловкий и не умеющий бережно и осторожно обращаться с вещами’), ассоциации (тат. *яман* – чув. *яман* ‘удерживающий, не отпускающий’) и общие грамматические элементы (тат. *-мас* ~ чув. *-мес* афф. глагольного отрицания) в них мог ощущаться лишь некий негативный смысл. Имена данной группы имели свои исключительные основания быть использованными в имянаречении. Они давались новорожденным в тех семьях, в которых умирали дети.

Во вторую группу имен с отрицательным значением входят бытовые антропонимы: *Курак* < *курак* ‘грач’, *Куян* < *куян* ‘заяц’, *Патак* < *патак* ‘палка’, *Џуппи* < *Џупё* + *-и* ‘сорный’, *Усалук* < *усал* ‘злой; плохой’ + *-ук*. Их негативный, заместительный смысл уже отчетливо осознавался, и социумом предполагалось наличие у человека настоящего скрытого имени.

Более точные антропонимы, описывающие те или иные сущностные черты, человеком обретались в виде прозвищ в последующей жизни.

В чувашских именах сложилась система гендерных маркеров:

– мужских: *ар, ир* ‘мужчина’; *-килт, -килтĕ* ‘пришел’, т. е. родился; *корйч, корйс* ‘сталь’; *-мат, -мет* ‘Мухаммет’; *мърса* ‘князь’; *мулла, молла* ‘служитель веры’; *пай* ‘богач; господин’; *парӑс, парс* ‘барс’; *паттӑр* ‘богатырь’; *пахтӑ* ‘посмотрел’, т. е. родился; *паш* ‘голова’; *пӑлат, пулат* ‘булат, сталь’; *ней* ‘господин’; *пи* ‘господин’; *пултӑ* ‘стал, состоялся’; *тӑван* ‘родственник’; *тимӑр* ‘железо’; *тирек* ‘тополь, осокорь; дерево’; *-(т)тай, -(т)тей*; *туй, той* ‘праздник’; *тулӑ* ‘полный’; *тукан* ‘родившийся’; *хан, хен, кан* ‘повелитель’; *хуҫа* ‘хозяин’; *чура* ‘раб; воин’ и др.;

– женских: *кӗл* ‘цветок; роза’; *сӑлттан, солттан, солттана* ‘султан’; *сӑлу, -слу* ‘красивый’; *пану* ‘госпожа’; *пике, пикке, пик, пек, пеке, -пи* ‘госпожа’; *пустан* ‘цветник’; *север, сёвер, чевер, шевер* ‘украшение’ и т. п.

При этом существуют общие, гендерно нейтральные антропоформанты: *Айти* ж. – *Айсарай* м., где *ай* – ‘луна’; *Илтӑрс* м. – *Илсевер* ж., где *ил* – ‘страна’; *Миолла* м. – *Миңюҫ* ж., где *миң* – ‘родинка’.

По большому счету в имена заложена возможность гендерной дифференциации на основе значений. Мужские имена ассоциированы с государственным управлением, духовной сферой, военной деятельностью, подчеркнутой мужественностью, акциональностью, например: *Чӑнтимӑр* < тат. *чин* ‘настоящий’ + *тимер* ‘железо’, *Янпаттӑр* < перс. *جان* (Джан) ‘душа’ через тат. *ян* + *батыр* ~ чув. *паттӑр* ‘герой’; *Илпаш* < тат. *ил* ‘страна’ + *паш* ‘руководитель’; *Чорапӑлат* < тат. *чура* ‘раб; воин’ + *пӑлат* ‘сталь’; *Ермулла* < перс. *دڭ* (Яр) ‘друг’ через тат. *яр / ер*; *Яшпултӑ* < тат. *яшь* ‘молодой (человек)’ + *булды* ‘стал, появился’.

Женские же имена обусловлены красотой, изяществом, добротой, сладостями, например: *Айшат* < тат. *Айшат* из *ай* ‘луна’ + *шат* ‘счастье’; *Алтике* < тат. *ал* ‘румяный’ + *бикэ* ‘госпожа’; *Чиперслу* < тат. *чибэр* ‘красивый’ + *сылу* тж.; перс. شکر (Шикер) ‘сахар’ + -ук.

Гендерная принадлежность чувашских имен может быть распознана, видимо, и на фонетическом уровне. Об этом говорят предварительные результаты экспериментальных исследований. Имена, скорее всего, имеют гендерно дифференцированное звучание.

Лексическое значение исходно является ключевой составляющей имени. Обычно в нем концентрируются благопожелания (вероятно, что одной из главных причин доминирования сложносоставных имен над простыми, присущее восточным языкам, является желание их максимально насытить положительным посылом). Резкая десемантизация антропонима с замещением значения назывной функцией происходит при его заимствовании и углубляется фонетическими и деривационными изменениями, согласно требованиям принимающего языка. Заимствованные антропонимы удобны для имянаречения (они не поддаются внутреннему семантическому и морфемному анализу, не вызывают отрицательных ассоциаций, их не нужно мучительно продуцировать), и вполне закономерно, что чувашский именовослов более чем на 90 % состоит из заимствованных единиц. Интернационализация этнических антропонимических словарей – положительный элемент сближения разобщенных языков в ономастическом плане.

ГЛАВА 3

ГЕНЕТИЧЕСКАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ ИМЕН

3.1. Имена собственно чувашского происхождения

Все имена, носителями которых являлись чувашаи, следует квалифицировать в качестве чувашских. Другой вопрос – происхождение имен.

Казалось бы, в чувашском именовании личные имена собственно чувашского происхождения должны преобладать. И предварительные исследования подтверждали эти ожидания. Однако детальные подсчеты привели к неожиданным результатам: чувашский антропонимикон по сути является интернациональным, доля собственно чувашских образований в нем не так и велика (табл. 3.1).

Таблица 3.1

Генетическая стратификация чувашских имен дохристианской эпохи

Имена	Абс.	Доля, %
Татарские	3040	29,8
Арабские	2197	21,6
Древнегреческие	1493	14,7
Персидские	1123	11,0
Чувашские	678	6,6
Дневрееврейские	585	5,7
Тюркские	407	4,0
Латинские	257	2,5
Славянские	247	2,4
Другие	160	1,6
Количество учтенных этимологий	10187	100,0

Объем имен собственно чувашского происхождения незначителен, он составляет лишь 6,6 %. Однако именно ими формируется национальная специфика антропонимикона, и именно они являются ключом к чувашскому антропонимическому словарю в его более древнем выражении.

Интересным представляется замечание, сделанное М. Р. Федотовым и уже процитированное в данной книге (см. параграф 1.3): «...было бы, однако, неверно думать, что число чувашских языческих имен исчерпываются приведенными мною тремя примерами» [Федотов 1998, с. 17]. Ученый уже предполагал ограниченный репертуар дохристианского именослова собственно чувашского происхождения.

Исконные чувашские имена полностью вписываются в фонетические рамки чувашской лексики. Они последовательно сингармоничны, в них отражается привычный фонотаксис.

Аутентичные чувашские имена дохристианской эпохи могут быть разделены на следующие структурные типы:

1) имена, равные апеллятиву: *Анчӑк* ‘собака’; *Ача* ‘ребенок’; *Енчӑк* ‘кисет’; *Йолаш* ‘последний’; *Йоман* ‘дуб’; *Калай* ‘кровельное железо’; *Карсак* ‘заяц-русак’; *Хурчӑка* ‘ястреб’; *Чечен* ‘красивый’;

2) отапеллятивные имена с аффиксом *-и*: *Аванни* ‘лучший’ < *аван* ‘хороший’ + *-и*; *Куракки* ‘тот, который грач’ < *курак* ‘грач’ + *-и*; *Пиччи* ‘тот, который старший брат’ < *пичче* ‘старший брат’ + *-и*;

3) имена с деривационным аффиксом: *Авантей* < *аван* ‘хороший’ + *-тей*; *Вырӑстай* < *вырӑс* ‘русский’ / *вырсарни* (*кун*) ‘воскресенье’ + *-тай*; *Кӑтраҫ* < *кӑтра* ‘кудрявый’ + *-аҫ*; *Салтаккай* < *салтак* ‘солдат’ + *-кай*; *Тӑхтаҫ* < *тӑхта* ‘подождать’ + *-аҫ*; *Улашка* < *ула* ‘пест-

рый' + *-аш* + *-ка*; *Унаç* < *уна* 'медведь' + *-ç(ă)*; *Хураçка* < *хура* 'черный' + *-аç* + *-ка*;

4) двукорневые имена: *Сартике* < *сар(ă)* 'желтый' + *ти(ке)*; *Тутимёр* < *ту* 'гора' + *тимёр* 'железо'; *Çёнкаччă* < *çёнĕ* 'новый' + *каччă* 'молодой человек; жених'; *Хёртике* < *хёр* 'девочка; девушка' + *тике* 'госпожа'.

Первая и вторая группы представлены апеллятивами, многие из которых выполняли функцию бытовых имен. Они простые, без специальных имяформирующих формантов, и лишь аффикс *-и* придает именам второй группы необычную смысловую нагрузку: либо выделительную, либо звательную.

Имена третьей группы уже имеют сложную структуру, противопоставляющую их апеллятивной лексике. Антропонимический характер имен этой группы подчеркивается наращиванием специальными аффиксами, в результате чего происходит приглушение семантики производящих основ.

Двукомпонентные сложные имена, выведенные в четвертую группу, являются описательными. Они построены синтаксическим способом. При этом апеллятивы в составе сложных имен неразрывно связаны между собой. Их разделение разрушает имя.

Модели, на основе которых были созданы имена третьей группы, впоследствии активно использовались при освоении русских имен: *Аркадий* > *Арккай*; *Дмитрий* > *Мйтукка*; *Аграфена* > *Кракка*; *Емельян* > *Емелкке*; *Ефросиния* > *Ухрус*; *Ермолай* > *Ярмушка*.

Исконные чувашские имена представлены единицами всех стилистических уровней при доминирующих нейтральных (см. табл. 3.2).

Таблица 3.2

Распределение имен по стилистическим уровням

Коннотация	Имена		
Положительная	<i>Чечен</i>	<i>Паттӑр</i>	<i>Чӑкеç</i>
Нейтральная	<i>Тунюк</i>	<i>Хӗрник</i>	<i>Телей</i>
Негативная	<i>Çӳппи</i>	<i>Чӑрмантай</i>	<i>Тоймеç</i>

Негативное созначение имен не всегда означает наличие в них отрицательного посылла. По сути такого рода имена являются результатом игры, обмана, психологически присущего людям, – получить положительный итог, предвосхищая худший результат. Данный подход органично запечатлен в этнографии чувашского имянаречения в виде уничижительных имен с целью сохранения жизни детей в семьях, в которых часто умирали дети (см. параграф 1.3).

Антропонимия собственно чувашского происхождения представляет собой предельно творческую область языковой деятельности, заключающуюся в специфичной лингвистической системе имянаречения и функционировании имен в целом. В чувашском обществе в дохристианский период в соответствии с магическими представлениями существовала традиция давать человеку два имени, одно из которых истинное, табуированное, и второе – бытовое.

Собственно чувашские личные имена составляют незначительный пласт языческого антропонимикона, поскольку в народе чаще использовались имена, заимствованные из татарского языка, а также исламские и христианские конфессионимы. Основные требования к именам чувашского происхождения сводятся к сочетанию благозвучия с благозначностью. Ко всему прочему в целях обособления имен от апеллятивной лексики широко использовались имяобразующие форманты.

3.2. Имена иноязычного происхождения

3.2.1. Татаризмы

Татарский язык – тюркский язык кыпчакской группы, сформировавшийся в Волго-Камском междуречье в результате усиления кыпчакского компонента после завоевания Волжской Булгарии монголами, «особенно после распада Золотой Орды в первой половине XV в. и образования Казанского ханства в 1438 г. При новых условиях волжские булгары, носители диалекта «волжско-булгарский II» постепенно перешли на кыпчакский язык» [Адягаши 2005, с. 28]. Татарский и чувашский языки по настоящее время находятся в постоянной взаимосвязи.

Долгое время считалось, что в чувашском языке татарских заимствований немного: «...татарское влияние на чувашский язык оказалось весьма ограниченным. Как бы тщательно ни анализировали мы словарный состав чувашского языка, все же не найдем в нем более 120–150 татарских слов, включая сюда и арабские, и персидские слова...» [Егоров 1971, с. 18]. Между тем новые подходы позволили предварительно установить в чувашском языке 328 татаризмов [Егоров, Ефимов 1986, с. 74–84]. Признание антропонимов полноценной частью лексической системы во много раз увеличит количество татаризмов в чувашском языке.

Справедливо будет сказать, что чувашский антропонимикон XVIII в. – по преимуществу татарская страта. Имена-татаризмы количественно преобладают над всеми другими. Их доля приближается к 30 % от общего числа традиционных чувашских имен. Похоже, что собственно татарский антропонимикон в большей степени сохранился в чувашской среде, нежели в татарской. Согласно наблюдениям казанских ученых, в татарском антропонимиконе преобладали арабизмы и фарсизмы, достигая до 98 % име-

нослова [Хазиева-Демирбаш 2017, с. 246]. В пользу данного заключения говорит и тот факт, что некоторая часть чувашских имен с явными признаками татарского происхождения в самом татарском именнике не обнаруживается: они либо не зафиксированы, либо забыты; нельзя исключить их производство уже в самом чувашском языке.

В изучении татаризмов в чувашском антропонимиконе важен учет хронологической стратификации татарского именослова. Учеными выделяются такие периоды развития татарского антропонимического словаря, как:

1) древнетюркский (VI–X вв.), сформированный в соответствии с тенгрианскими представлениями о мироустройстве; период представлен именами с компонентами *арслан* ‘лев’, *барс* ‘тигр’, *бэк* ‘князь’, *ир* ~ *эр* ‘мужчина’, *исэн* ‘здоровый’, *иш* ‘друг, ровесник’, *хан* ‘правитель’, *kün* ‘солнце’, *таш* ‘камень’, *тимер* ‘железо’ и др.;

2) среднетюркский (X–XV вв.), который «...отразил лексические, фонетические, грамматические элементы булгарского, кыпчакского, огузского языков. Особенностью средневекового периода является прозрачная семантика, корни и производные основы слов, которые мало подвергнуты изменениям...» [Хазиева-Демирбаш 2017, с. 216];

3) мусульманский (с XV в.), когда «...татары получили возможность соприкоснуться с арабо-мусульманским миром, который впоследствии затронул все слои жизни народа. В том числе оказал сильное воздействие на распространение в антропонимической системе арабо-персидского пласта личных имен и формул именовании по арабским традициям» [Хазиева-Демирбаш 2017, с. 235].

В чувашском антропонимическом словаре в той или иной степени нашли отражение тюрко-татарские имена всех хронологических пластов.

«XVIII век – переломный для татарской антропонимической системы, обусловленный заменой тюркских традиций на мусульманские традиции имяназвания».

Единственный стержень культуры – ислам – способствовал вытеснению имен тюркского происхождения именами арабо-персидского происхождения» [Хазиева-Демирбаш 2017, с. 271].

Большое количество татарских имен в чувашской среде обусловлено вхождением Чувашского края в состав Золотой Орды, а затем в Казанское ханство. Влияние ислама на чувашей было значительным [Ягафова 2009, с. 10–60]. В частности, оно изменило ономастическую систему, которая перестроилась на татарский лад – немало чувашских селений заимело татарские названия, ср.:

чув. *Куснар* (Козловский район) – рус. *Байгулово* < тат. *Байгул аулы*, т. е. селение Байгула;

чув. *Муркар* (Козловский район) – рус. *Уразметево* < тат. *ураз* ‘счастье’ + араб. *محمد* (Мухаммет) ‘хвалимый, прославляемый’;

чув. *Шанкас* (Чебоксарский район) – рус. *Клычево* < тат. *Кылыч* ‘сабля’.

Тогда же в чувашскую среду хлынули татарские имена. Имена татарского происхождения имели общечувашское распространение.

Фонетика имен-татаризмов, преимущественно мишарских заимствований, как правило, предполагает сохранение исходного звучания, лишь незначительно подвергаясь субституции, ср.: тат. *Актирэк*, *Туйбикэ*, *Урасбай*, *Чулпан*, *Яьмурза* – чув. *Актерек* / *Ахтирек*, *Туйтике*, *Ураспай*, *Чулпан*, *Ямърса*. С одной стороны, это происходило потому, что рассматриваемые языки являются родственными, с другой – видимо, по причине продолжительных контактов и распространенностью чувашско-татарского двуязычия.

Субституция допускает варьирование имен в пределах сохранения открытой этимологической связи, ср.: *Илтаръс*, *Илтарс*, *Илпоръс* < тат. *Илбарс*; *Къспике*, *Къстикке* < *Кызбикэ*; *Кулахмет*, *Кулахмат* < тат.

Колэхмэт; Пайнарӑс, Пайнарӑш, Пайнарис, Пайнарс < тат. *Байбарс*.

Некоторые имена сильно видоизменились: *Паймук, Паймош, Паймуӑс, Паймуха, Паймухха, Паймуш* < тат. *Баймөхәммәт; Туймит* < тат. *Туймөхәммәт; Уреҫей* < тат. *Уразай; Ухтимёр* < тат. *Актимер; Ёрмекке* < тат. *Уразмөхәммәт*.

В аспекте деривации татаризмам присуща сложно-структурность. По данным ревизских сказок Казанской губернии во второй половине XIX в. большинство татарских имен (73 %) являлись двусоставными. На долю простых приходилось лишь 27 % антропонимов [Хазиева-Демирбаш 2017, с. 250]. Их двусоставный характер связан с творческим подходом к имяобразованию – желанием вложить в антропонимы больший полезный потенциал, что в итоге привело к увеличению количества неповторимых сложных имен.

С точки зрения деривационной типологии, все многообразие имен татарского происхождения в чувашском языке представлено такими схемами, как:

– корневой основой, переосмысленной в антропоним: *Иссен* < тат. *исән* ‘здоровый’; *Кёмёш* < *көмеш* ‘серебро’; *Тенис* < тат. *диңгез* ‘море’;

– корневой основой с имяобразующим формантом: *Илтей* < *ил* ‘страна’ + *-тей*; *Терек* < *тере* ‘живой’ + *-ек*; *Яшкей* < *яшь* ‘молодой’ + *-кей*.

В татаризмах реализованы следующие модели сложного имяобразования:

1) сущ. + сущ.: *Айшат* < *ай* ‘луна’ + *шат* ‘счастье’; *Мемеш* < *Мөхәммәт* + *иш* ‘друг’;

2) сущ. + прил.: *Илтула* < *ил* ‘страна’ + *тулы* ‘полный’; *Янтул* < *жан* ‘душа’ + *тулы* ‘полный’;

3) сущ. + гл.: *Алапёртӑ* < *алла* ‘бог’ + *бирде* ‘дал’; *Ешкилт* < *яшь* ‘молодой человек’ + *килде* ‘пришел’; *Тинпахтӑ* < *тиң* ‘равный’ *бакты* ‘родился’;

4) прил. + сущ.: *Пайнике* < *бай* ‘богатый’ + *бикә* ‘госпожа’; *Савмърса* < *сау* ‘здоровый’ + *морза* ‘князь’; *Салмат* < *сал* ‘здоровый’ + *Мөхәммәт*;

5) гл. + сущ.: *Килчура* < *кил-* ‘идти’ + *чура* ‘раб божий’.

6) прил. + сущ. + сущ.: *Паймеш* < *бай* ‘богатый’ + *Мөхәммәт* + *иш* ‘друг, приятель, сподвижник’;

7) прил. + гл. + сущ.: *Яштупай* < *яшь* ‘молодой’ + *туу* ‘родиться’ + *бай* ‘господин’.

Первая и четвертая модели глубоко номинативны. Вторая, третья и пятая модели по происхождению являются предикативными сущностями. В них представлено удивительное свойство тюркских имен – акциональность.

Шестая и седьмая модели предельного сложного имяобразования в татарской среде являлись допустимыми. Например, началом XIX столетия паспортизируются такие имена, как:

Мөхәммәтзакирваһап из араб. محمد (Мухаммет) ‘хвалимый, прославляемый’ + ذاکر (Закир) ‘восхваляющий Аллаха’ + الوهاب (Ваххаб) ‘все дарящий’, одно из имен Аллаха;

Нурмөхәммәтгали из перс. نور (Нур) ‘луч, свет’ + араб. Мөхәммәт + عَلِي (Али) ‘возвышенный’ через тюрк. *Гали* (примеры по: Хазиева-Демирбаш 2017, с. 223).

В случае, если имя *Паймеш* согласовывается с татарскими трехкомпонентными антропонимами, то единицы типа *Яштупай* с серединным глагольным компонентом *ту-* ‘рождаться’ в татарской среде не фиксируются, но обнаруживаются в удмуртском именовании, см., например: *Биктубай* < *бик* + *туу* ‘рождаться’ + *бай* ‘богатый; богач’ [Атаманов 1990, с. 96].

Собственно татарские имяобразующие компоненты очень часто вступали в неразрывную связь с арабскими и персидскими элементами, ср.: *Айкине* < тат. *Айгайнә* из *ай* ‘луна’ + араб. عين (Айна) ‘глаз’; *Ишмей* < тат. *Ишмөммәт* из *иш* ‘пара, ровесник’ + араб. محمد

(Мөхәммәт); *Пимърса* < тат. *би* ‘господин, князь, царевич’ + перс. *میرزا* (мурза) тж., ср. с тат. *Бикморза*. Данное свойство свидетельствует, во-первых, об освоении арабских и персидских антропонимов татарским языком; во-вторых, об их осмыслении в качестве имяобразующих формантов.

Небольшой слой сложных имен в русских источниках орфографирована отдельно или через дефис: *Карак Сахва*, *Пихмет-Керим*, *Тимёр-Пәлат*. Так проявляется аналитический подход к пониманию сложноструктурности записываемых имен.

Интересным моментом в функционировании чувашских имен татарского происхождения является развитая сочетаемость компонентов между собой, что в итоге создает антропонимическую систему с потенциально безграничными возможностями формировать разнообразный именовослов (см. табл. 3.3).

Таблица 3.3

**Парадигма сочетаемости
имяобразовательных компонентов**

Пулат ‘сталь’	Парс ‘барс’	Тирек ‘осокорь’	Тимёр ‘железо’
<i>Айпулат</i>		<i>Айтирек</i>	
<i>Ахпәлат</i>	<i>Акпарәс</i>	<i>Актирек</i>	<i>Актимёр</i>
	<i>Илпарс</i>		<i>Илтимёр</i>
<i>Ирпәлат</i>			
<i>Исампулат</i>		<i>Исентирек</i>	<i>Исентимёр</i>
	<i>Иипарс</i>	<i>Иитирек</i>	<i>Иитимёр</i>
<i>Корәспәлат</i>			
<i>Пайпәлат</i>	<i>Пайпарс</i>	<i>Пайтирек</i>	<i>Пайтимёр</i>
<i>Пикпулат</i>	<i>Пикпарс</i>	<i>Пиктирек</i>	<i>Пиктимёр</i>
<i>Питпулат</i>		<i>Питтирек</i>	<i>Питтимёр</i>
<i>Пихпулат</i>			<i>Пихтимёр</i>
		<i>Салтирек</i>	
<i>Тайпәлат</i>			

Пулат 'сталь'	Парс 'барс'	Тирек 'осокорь'	Тимёр 'железо'
	<i>Тӓнпарс</i>		
<i>Тинпӓлат</i>			
<i>Токпӓлат</i>			
<i>Торпӓлат</i>			
<i>Туйпӓлат</i>	<i>Туйпарс</i>	<i>Туйтирек</i>	<i>Тойтимёр</i>
<i>Ураспулат</i>			
<i>Хорпӓлат</i>			
<i>Чӓнпӓлат</i>		<i>Чӓнтирек</i>	<i>Чӓнтимёр</i>
<i>Чорапӓлат</i>			
<i>Шихпулат</i>			
		<i>Ямантирек</i>	
<i>Янпӓлат</i>	<i>Янпарс</i>		
<i>Яшпулат</i>	<i>Яшпарс</i>	<i>Яштирек</i>	<i>Яшитимёр</i>

Пропуски в приведенной парадигме обусловлены фрагментарностью именовслова, а более тем, что в образовании имен все-таки имеются некие правила сочетаемости компонентов, которые еще предстоит выявить.

Таким образом, татарское влияние на чувашский язык значительно шире, чем было принято думать до сих пор, в частности, важной составляющей чувашской лексики являются антропонимы татарского происхождения. Они имеют распространение на всей территории Чувашии. Широкое допущение татаризмов в чувашский антропонимикон во многом обусловлено родственными связями чувашского и татарского языков. При этом имена татарского происхождения не могут быть подвергнуты анализу средствами чувашского языка и в этом их преимущество перед именами собственно чувашского происхождения.

Антрополексемы татарского происхождения обладают важными качествами, позволяющими продуцировать значительное число сложносоставных нейтральных имен с помощью ограниченных языковых средств.

3.2.2. Арабизмы

Арабский язык – представитель семито-хамитской семьи, через исламскую религию оказавший значительное влияние на тюркские языки, в том числе и на чувашский. Заимствование арабизмов обычно происходило через татарское посредство.

В чувашской лингвистике, как правило, арабизмы рассматриваются параллельно с фарсизмами. Это обусловлено тем, что обе культуры основаны на исламской религии, пользуются арабицей и имеют значительные внутренние взаимосвязи; ко всему прочему, часть арабизмов и иранизмов оказалась привнесенной в чувашский язык через татарское посредство. В итоге в чувашском восприятии арабо-персидское наследие сливается в единое целое. По справедливому замечанию М. Р. Федотова, «...установить генетическую принадлежность того или иного слова к одному из этих двух языков часто нет возможности, так как очень многие из арабских и персидских слов являются общими для них обоих» [Федотов 1963, с. 89].

В целом арабские и иранские заимствования – одна из загадочных и привлекательных тем в чувашской лингвистике. По приблизительным подсчетам, в современном чувашском языке их насчитывается не менее трехсот, причем две трети заимствований составляют арабские слова [Скворцов 1968, с. 139–140].

Антропонимы арабского происхождения составляют самую многочисленную лексико-семантическую группу арабизмов чувашской лексики: их более двух тысяч. Остальные группы арабских заимствований представлены считаным количеством апплятивов (см.: Федотов 1963). Это более чем серьезный вклад в лексическую систему чувашского языка. В словаре чувашских имен дохристианской эпохи доля арабизмов приближается к 22 процентам.

Время проникновения в чувашскую антропонию имен арабо-иранского происхождения можно датировать эпохой Золотой Орды и Казанского ханства [Данилова 1979, с. 4]. В результате мощного влияния мусульман языческие представления чувашей в некоторой степени претерпели исламизацию [Федотов 1998, с. 3–31], в силу чего имена арабского происхождения имели распространение на всей территории Чувашии. Об этом можно судить по данным многочисленных списков чувашских языческих имен, см., например: Магницкий 1905; Ушаков 2018; Фомин, Иванова 2019. Арабские и персидские имена, по сравнению с заимствованиями времен Волжской Булгарии, являются относительно новыми, что отразилось в их фонетическом облике, сохраняющем близость с исходными формами.

Закономерно среди арабских антропонимов немало единиц, связанных с исламской религией и пророком Мухаммедом, например:

Ахит < араб. وَحِيد (Вахид) ‘единственный; один’, одно из имен Аллаха;

Иманай < араб. إِيمَان (Иман) ‘вера, искренняя вера в Аллаха’;

Ислам, Ислан < араб. إِسْلَام (Ислам) ‘покорность, предание себя Аллаху; принятие ислама’;

Карман < араб. الْقَاهِر (Каххаар) ‘покоритель, завоеватель; абсолютный’, одно из имен Аллаха + -ман через тат. *Карман (Каһарман)*;

Окким < араб. الْحَكِيم (Хаким) ‘мыслитель, мудрец, мудрый, философ’, одно из имен Аллаха;

Сами < араб. السَّمِيْع (Сами) ‘высокий, главный, высокоуважаемый, слушающий, слышащий’, одно из имен Аллаха.

Главным способом освоения арабских имен является их фонетическая трансформация, которая обычно осуществлялась в два этапа: вначале они подвергались изменениям на татарской основе, затем – на чувашской, ср.:

араб. الرحمن ع بد (Абдуррахман) ‘раб милостивого’ → тат. Абдарахман → чув. *Трехмен*;

араб. سنح (Хусейн, уменьшительная форма имени Хасан) ‘хороший; красивый’ → тат. *Хөсәен* → чув. *Асайан*;

араб. مُحَمَّد (Мухаммад) ‘прославляемый, хвалимый’ → тат. *Мөхәммәт* → чув. *Мәхамат / Мәххит*.

Как исключение, обнаруживается ряд имен древнегреческого и еврейского происхождения, пришедших в чувашский язык через арабо-татарское посредство, т. е. данные имена прошли фонетическую адаптацию в три этапа:

др.-греч. Ἀλέξανδρος (Александр) ‘защитник мужчин’ → араб. إسكندر (Искандар) → тат. *Искәндәр* → чув. *Искентер*;

др.-евр. יוסף (Йосеф) ‘да приумножит бог!’ → араб. يوسف (Юсуф) → тат. *Йосыф* → чув. *Йысән*;

др.-евр. אַבְרָהָם (Авраам) ‘отец народов’ → араб. إبراهيم (Ибрахим) → тат. *Ибраһим* → чув. *Блрай*.

Чувашским именам, восходящим к арабским этимонам, присущи следующие фонетические преобразования:

– субституция: *Келея* < غالية (Галия); *Пархат* < فرحات (Фархат); *Сарихва* < ظريفة (Зарифа); *Сәлемен* < سلايمان (Сулейман) имя пророка, ‘мирный, защищенный’ через тат. *Суләймән*; *Саман* < زمان (Заман) ‘эпоха’ через тат. *Заман*;

– сингармонизация: *Васан* < وسيم (Васим) ‘красивый, привлекательный, миловидный’; *Весиле* < وسيلة (Василя); *Имине* < أمينة (Амина) ‘верная, надежная, честная, достоверная, безопасная, благополучная, доверенная’ через тат. Әминә *Керим* < الكريم (Карим); *Мерсие* < العربية (Марзия) ‘приятная, миловидная, обаятельная’ через тат. *Мәрзия*;

– вставка протезы: *Арахилле* < رأيل (Рафил); *Ерехметтей* < араб. رحمت (Рахмат) ‘милость, сострадание’ через тат. *Рәхмәт*; *Ерхиме* < رحمة (Рахима); *Ирәслан* < رسلان (Раслан) ‘лев’;

– афереза: *Асайн* < حسن (Хусейн) ‘хороший; красивый’ через тат. *Хусаин*; *Трехмен* < الرحمن ع بد (Абдуррахман) ‘раб милостивого’; *Экиме* < حكمة (Хакима);

– эпентеза: *Айёшиша* < *Айманисса* из *Аман* (Аман) + نساء (нисса); *Кёлёсэм* < ك ل ثوم (Кульсум); *Рэсиван* < رضوان (Ризван) ‘довольство, удовлетворение, удовольствие’;

– метатеза: *Саихве* < صا حبة (Сахиба) ‘подруга, спутница, товарищ’;

– синкопа: *Аптика* < ال ع با دي (Абади) ‘вечный, постоянный, бесконечный’; *Мамет*, *Мамет*, *Мюхет* < محمد (Мухаммад); *Пёрханттин* < الدين ب رهان (Бурхануддин) ‘истинная вера’ через тат. *Борханетдин*;

– апокопа: *Имет* < إمام ية (Имамат) ‘духовное руководство; духовное лицо’; *Мэхип* < محبة (Мухибба).

В деривационном плане имена арабского происхождения можно разделить на простые и сложные.

Простые имена исходно обладают нечувашским звучанием и, кроме естественных фонетических преобразований, другим трансформациям, например, наращению аффиксами, обычно не подвергаются: *Итрис* < араб. إدريس (Идрис) ‘старательный’; *Калли* < араб. غالية (Гали) ‘дорогой, драгоценный, любимый’; *Карым* < араб. كريم (Карим) ‘великодушный’; *Махмуть* < араб. محمود Махмуд ‘хвалимый, похвальный’; *Рси* < араб. رضا (Реза) ‘удовольствие; согласие; благосклонность’. И лишь в редких случаях арабизмы могли присоединять чувашские аффиксы: *Вельмук* < араб. ولي (Вали) ‘друг; близкий [Аллаху], святой’ через тат. *Валимэ* + -ук; *Имантей* < араб. إيمان (Иман) ‘вера’ + -тей; *Катрине* < араб. قادية (Кадрия) ‘сильная, богатая; энергичная, уважаемая’ + -не; *Усментей* < араб. عثمان (Усман) ‘птенец птицы, схожей с кукушкой’ + -тей.

Сложные имена представляют сочетания арабских слов между собой, а также арабизмов с персидскими основами:

1) арабизм + арабизм: *Миркали* < араб. أمير (Амир) ‘царь, правитель, принц’ + علي (Али) ‘высокий, возвышенный’; *Эпхерин* < араб. أب و (Абу) ‘отец’ + كريم (Карим) ‘щедрый, великодушный, благородный, благосклонный, радушный’;

2) арабизм + фарсизм: *Айнакӑл* < араб. عين (Айна) ‘глаз’ + иран. گل (гюль) ‘цветок’, букв. ‘цветкоглазая’; *Элимша* < араб. عالم (Алим) ‘ученый’ + иран. شاه (шах) ‘царь; монарх; государь, повелитель’; *Эхметьян* < араб. أحمد (Ахмет) ‘тот, кто постоянно благодарит бога’ + перс. جان (джан) ‘душа’;

3) фарсизм + арабизм: *Акасал* < иран. آغاز (Агаз) ‘начало’ + араб. علي (Али) ‘высокий, возвышенный’; *Тусмат* < иран. دُست (дуст) ‘друг’ + араб. محمد (Мухаммад); *Хайӑпӑла* < иран. غيب (Хайб) ‘невидимый, сокрытый’ + араб. الله (Аллах) букв. ‘сокровенное [знает] Аллах’.

Более того, арабские форманты, становясь востребованными, нередко начинают выступать в самостоятельной имяобразующей функции во взаимосвязи с татарскими основами, например:

Айӑмнисса < тат. айӑм ‘моя луна’ + араб. نساء (Нисса) ‘женщины’, букв. ‘моя луноподобная женщина’;

Айпӑлат < тат. Айбулат из ай ‘луна’ + перс. پ و لاد (Булат) ‘сталь’;

Илмет < тат. Илмөхәммәт из ил ‘страна’ + араб. محمد (Мухаммет) ‘восхваляемый, достойный хвалы’;

Минулла < тат. миң ‘родимое пятно’ + араб. -улла (*Аллах*) ‘Господь’.

Очень часто приведенные имена уже нельзя назвать арабскими в полном смысле слова, поскольку в исходных языках их нет, а произошли они либо в татарском языке, либо в чувашском.

Наречение ребенка именем арабского происхождения в чувашской среде не соотносилось с их этимологическим значением. Дело в том, что чуваша пользовались уже ус-

тоявшимися арабизмами, заимствованными у мусульманских народов, или производили свои новые имена с помощью антрополоксем-арабизмов без учета их семантики.

Имена дохристианской эпохи арабского происхождения, безусловно, являются существенной частью чувашского антропонимикона. Их освоение шло через татарское посредство, и они претерпели определенные фонетически и деривационные изменения, между исходными именами и их освоенными вариантами, как правило, сохраняется отчетливая этимологическая связь. Статус этих имен в условиях чувашской религии языческий. Они являются важным звеном, обеспечивающим связь современного чувашского языка с историческим прошлым и восточными культурами в настоящее время.

3.2.3. Иранизмы

Персидский язык (фарси) – язык иранской группы индоевропейской семьи. В период исламизации Ирана с VII в. испытал значительное арабское влияние: до 50 % лексики иранского языка составляют арабские заимствования. В эпоху Средневековья являлся языком общения восточных народов. В тюркские языки проникло значительное число фарсизмов.

Персидских заимствований в чувашском языке – более сотни. Их заимствование происходило в несколько этапов. Наибольшее влияние на древнечувашский язык персидский оказал во времена Волжской Булгарии, когда предки чувашей имели прямые контакты с Персией. «В период после распада Булгарского царства, с образованием Казанского ханства многие арабские и персидские слова могли проникнуть в чувашский язык через казанско-татарский язык» [Федотов 1963, с. 90].

Поскольку фарсизмы были заимствованы в исторические времена, они успели стать подлинно чувашскими, на-

пример: *ансат* ‘легко, просто’, *аймарт* (*каййак*) ‘орел’, *ёмёт* ‘мечта’, *кахал* ‘ленивый’, *начар* ‘плохой’, *эткер* ‘наследие’.

Иной расклад наблюдается с именами-фарсизмами. Они в чувашском языке существуют в качестве рядовых назывных единиц и лишь с установлением этимологии могут быть признаны персидскими по происхождению.

Доля фарсизмов в чувашском именовании составляет 14,6 % от всех имен. «По-видимому, проникновение в чувашскую антропонию арабско-иранских элементов можно датировать XIII веком... в конце XII в. в мусульманских государствах стали распространяться почетные прозвища с окончанием *-дин*: *Салахутдин* и т. п., следовательно, и чуваш[ское] *-тин*: *Пярханттин*, *Сехвёттин* резонным было бы отнести к тому же или более позднему периоду. Аналогична, видимо, и судьба антропонимов на *-султан*, компонент, вошедший в мусульманский именовник только с XIV в. Многие же из приведенных у В. К. Магницкого и Н. И. Ашмарина имен восходят к периоду Золотой Орды, сохранившись с тех пор в речи некрещеных чувашей и частично перейдя в разряд языческих. В то же время фонетическая структура многих имен указывает на значительную древность заимствования, в частности, весьма характерным для ранних заимствований было появление протезы перед начальным [р]...» [Данилова 1979, с. 4].

Основной состав имен персидского происхождения прошел два этапа фонетического освоения: вначале они претерпевали трансформацию на татарской основе, затем – на чувашской, ср.:

перс. *انار* (Анар) + *جول* (Гюль) ‘цветок’ → тат. *Анаргөл*, *Наргөл* → чув. *Анаркӗл*;

перс. *زلف* (Зульф) ‘кудри’ → тат. *Зәлифә* → чув. *Селихе*;

перс. *رستم* (Рустам) ‘могучий, сильный, богатырь’ → тат. *Рөстәм* → чув. *Ерӗстем*.

Чувашским именам, восходящим к иранским этимонам, присущи те же преобразования, которые отмечены в случае освоения арабских имен (см. параграф 3.2.2).

Простые имена персидского происхождения обычно носят описательный характер: *Икуня* < перс. یگانده (Йеганэ) ‘единственный’; *Катей* < перс. *катта* ‘большой’ + *-ей*; *Ристем* < перс. رستم (Рустам) ‘могучий, сильный’.

Сложные имена-фарсизмы представлены как собственно персидскими, так и смешанными образованиями. При этом собственно персидские сложные имена в том виде, в каком они существуют в чувашской и шире – в тюркской среде в исходном языке часто не обнаруживают прямых параллелей:

Ерйлат < перс. یار (Яр) ‘друг’ + بولات (Булат) ‘сталь’;

Кёлчевер < перс. گل (Гюль) ‘цветок’ + перс. سوار (Зивар) ‘браслет, украшение’;

Хочаши < перс. خواجه (Ходжа) ‘хозяин’ + перс. شاه (Шах) ‘правитель’;

Шервустан < перс. شهر (Шехер) ‘город’ + перс. بوستان (бустан) ‘цветник’.

Фарсизмы также вступают в сложное имяобразование с арабскими, татарскими и чувашскими основами, ср.:

Акасал < перс. آغاز (Агаз) ‘начало’ + араб. علي (Али) ‘высокий, возвышенный’;

Тусмат < перс. یار (Дуст) ‘друг’ + араб. محمد (Мухаммад);

Хаййпала перс. غیب (Хайб) ‘невидимый, сокрытый’ + араб. الله (Аллах) букв. ‘сокровенное [знает] Аллах’;

Айнакъл < араб. عين (Айна) ‘глаз’ + перс. گل (Гюль) ‘цветок’;

Элимша < араб. عالم (Алим) ‘ученый’ + перс. شاه (Шах) ‘повелитель’;

Эхметьян < араб. أحمد (Ахмет) ‘тот, кто постоянно благодарит бога’ + перс. جان (Джан) ‘душа’;

Айпәлат < тат. *Айбулат* из тат. *ай* ‘луна, месяц’ + перс. *بولات* (Булат) ‘сталь’;

Илсевер < тат. *ил* ‘страна’ + перс. *سوار* (Зивар) ‘украшение’;

Савреслу < перс. *سوار* (Зивар) ‘украшение’ + тат. *сылу* ‘красавица’;

Хёрпүстан < чув. *хёр* ‘дочь; девушка’ + перс. *بوسدان* (Бустан) ‘цветник’;

Хёртилет < чув. *хёр* + перс. *دولة* (Даулат) ‘государство, империя; богатство; благо, счастье, удача’;

Нарсти < перс. *ذروز* (Науруз) ‘праздник нового года’) ~ чув. *нарәс* ‘февраль’ + чув. *-ни*;

Шертике < перс. *شیر* (Шер) ‘лев’ + чув. *тике* ‘госпожа’.

В ходе освоения простые персидские образования допускали дооформление с помощью чувашских аффиксов: *Атнаккей* < перс. *آدینه* (Адине) ‘пятница’ + *-ккей*; *Ерантей* < перс. *برادران* (Яран) ‘братство’ через тат. *Яран* + *-тей*; *Кёлишарине* < перс. *گل* (Гюль) ‘цветок’ + *شرف* (Шараф) ‘честь, почет’ + *-и* + *-не*; *Севрук* < перс. *سوار* (Зивар) ‘украшение’ + *-ук*.

Аффиксальное оформление сложных имен обычно не производилось.

Иранизмы в чувашском антропонимиконе представлены также таджикизмами, обусловленными узбекским и татарским посредством: *Каләк* < *хол* ~ *хал* ‘родинка’ + *-әк*; *Каләкчан* < *хол* + *-әк* + перс. *جان* (Джан) ‘душа’; *Келмет* < *Холмухаммад* из *хол* + араб. *محمد* (Мухаммет) ‘хвалимый, прославляемый’ через тат. *Калмәт*; *Кинчар* < *Кенча* ‘последний ребенок в семье, меньшей’ через тат. *Кинжә* + перс. *یار* (Яр) ‘друг, возлюбленный’; *Хәйтакәл* < *Худайкул* из *худо* ‘бог’ + тюрк. *кол* ‘раб’ через тат. *Ходайкол*, *Ходайгол*.

В свое время в корпусе чувашских языческих имен ошибочно были выделены осетинизмы, возводимые к слову *уд* ‘душа’: *Утак*, *Ути*, *Утиван*, *Утиш*, *Утти*, *Утук*,

Утьяк, Утюк, Утяк [Андреев 1983, с. 55]. Однако данные имена имеют прообразы гораздо ближе – в татарском языке: тат. *Утәк, Утәши* ‘выпрошенный у бога’ либо глагол *утә-* ‘выполнять’ [Саттаров 2019, с. 330].

В целом имена арабского и иранского происхождения привнесли в чувашский антропонимический словарь восточное звучание. Видимо, под их влиянием в татарском языке сложился высокочастотный способ синтаксического образования антропонимов путем сложения двух основ, который затем в готовом виде был перенесен в чувашскую культуру.

3.2.4. Маризмы

Марийский язык относится к волжско-финским языкам и является наиболее тюркизированным в финно-угорской группе. Контакты предков чувашей и марийцев начались еще во времена Волжской Булгарии. Непосредственно чувашско-марийские взаимосвязи поддерживаются по настоящее время. Согласно подсчетам М. Р. Федотова, в марийском языке насчитываются более 1300 чувашизмов, а в чувашском – около 250 мариизмов [Федотов 1990, с. 164–322]. Чувашский и марийский языки составляют центральную зону Волжско-Камского языкового союза.

При всем этом марийские имена в чувашском антропонимическом словаре представлены считанным количеством единиц – не более десяти.

Прежде всего обращают на себя внимание имена, связанные с марийским словом *маска* ‘медведь’: *Маска (Моска), Маскей, Маскней (Москаней, Мусканей), Москай, Москов*. Приведенные антропонимы зарегистрированы либо на территории бывшего Чебоксарского уезда (В. К. Магницким), входившей в чувашско-марийскую контактную зону, либо в Янтиковском районе Чувашии

(Э. С. Ушаковым). Янтиковский район не имеет связей с марийцами, в то же время находится в постоянной связи с татарским народом. Само обнаружение марийских имен в этой зоне позволяет полагать, что имена с корнем *маска*, *моска* имели общечувашское распространение.

Медведь наряду с лосем (оленем) и водоплавающими птицами (уткой, лебедем) выступает тотемным животным марийцев. «В марийской мифологии *маска* ‘медведь’ является покровителем, хозяином леса. Среди марийцев бытовало табуизированное название медведя *чодыра оза* ‘хозяин леса’. Кроме этого использовалось и другое слово-табу – *мӧмӧ*. Высказывается предположение о том, что в древности слово *мӧмӧ* обозначало медведя, а из-за наложения табу оно было заменено на слово-эвфемизм *маска*. Со временем *мӧмӧ* претерпело изменение в своем значении. В современном марийском языке оно указывает на ‘страшилище; нечто страшное’» [Соколова 2015, с. 166], см. также: Мокшина 2012.

Для ср.: имена с обозначениями других тотемных животных марийцев *шордо*, *пӱчӧ* ‘лось; олень’, *йӱксӧ* ‘лебедь’, *лудаиш* ‘утка’ не обнаруживаются. Имеется лишь одно имя, зафиксированное в архаичных фольклорных текстах, – *Йӱксӧдыр* букв. ‘дочь лебеда’ [Черных 1995, с. 186].

В то же время чувашское *упа*, диал. *опа* ‘медведь’ не является тотемным животным чувашей. Однако его образ был весьма почитаемым и популярным в чувашском мужском антропонимиконе, ср.: *Упа*, *Упак* (< *упа* + *-ак*, *Упакка* < *упа* + *-ак* + *-ка*, *Упаккай* < *упа* + *-ак* + *кай*), *Упан* < *упа* + *-ан*, *Упанкка* < *упа* + *-ан* + *-кка*, *Упанне* < *упа* + *-ан* + *-не*, *Упанняя* < *упа* + *-ан* + *-ня*, *Упеккей* (< *упа* + *-ек* + *-кей*, *Упи* < *упа* + *-и*), *Упук* < *упа* + *-ук*, *Опач* < *опа* + *-ач*, *Опаттӑр* < *опа* + *паттӑр* ‘батыр’.

Вместе с тем чувашские фамилии нередко образуются на основе производных *упачӑ*, диал. *опач* ‘медвежатник’ и имени *Упачка* ~ *Опачка*: *Убаев*, *Убасев*,

Убаськин, Обаскин, Обаськин (см.: Фомин, Иванова 2019). Более того, в чувашском языке встречаются имена тюркского происхождения с корнем *аю* ‘медведь’: *Айукка, Аюх, Аюхха*.

Тотемные животные чувашей *кашкӑр* ‘волк’ и *вӑкӑр* ‘бык’ тоже редко вовлечены в имяобразование. Обнаруживается лишь несколько антропонимов на их основе: *Кашкӑр, Тукмак* диал. перен. ‘волк’ и ряд имен русского происхождения *Волкка, Вулкка, Волкки, Волккӑм* из рус. Волков (?), см. также фамилии *Кашкаров, Кашкиров, Кашкров, Тукмаков, Токмаков* [Фомин, Иванова 2019].

Интересная деталь: как правило, от названий тотемных животных образуются только мужские имена, исключение составляет марийское имя *Йӱксӱдыр*, встречающееся в фольклорных текстах.

В чувашском фольклоре зафиксирован мифоантропоним марийского происхождения – *Кушламар* [Ашмарин т. 7, с. 63]: мар. *кожла* ‘лес, лесной’ + *мари* ‘человек’. В самом марийском антропонимиконе подобное имя не встречается, но имеется этноним марГ. *кожла мары*, марЛ. *кожла марий* ‘лесные марийцы’, используемый для обозначения горных марийцев, живущих на левобережье Волги.

Марийские имена в чувашском антропонимическом словаре также представлены полукальками тюркских антропонимов, основанных на переводе татарского антропоформанта *ак* ‘белый’ на марийский язык – диал. *аш* (лит. *ош*), ср.:

чув. *Аштарс* ← мар. *Аштарс* ← тат. *Акбарс* ‘белый барс’;

чув. *Ашпей* ← мар. *Ашпай* ← тюрк. *Акбай* ‘белый господин’;

чув. *Аштимёр* ← тат. *Актимер* ‘белое железо’;

чув. *Аштукан* ← мар. *Аштуан* ← тат. *Актуган* ‘белый родственник’.

Таким образом, в чувашском языке оказались близкородственными пары татарских имен *Акпарс – Ашпарс*, *Акнай – Ашней*, *Актимёр – Аштимёр*, *Актукан – Аштукан*.

Следует полагать, что в прошлые эпохи пласт мари́йских имен в чувашском языке был представлен шире. Об этом можно догадываться хотя бы потому, что в современной чувашской ономастике названий мари́йского происхождения (прежде всего топонимов) очень много. Антропонимы, по сравнению с топонимами, более подвижны, время их существования может быть ограничено годами жизни человека. Смена антропонимических систем, которых в развитии чувашского антропонимикона произошло несколько раз, скорее всего, вытеснила имена-мариизмы из чувашского обихода.

3.2.5. Русизмы и христианские конфессионимы, заимствованные через русское посредство

Языковые взаимосвязи предков чувашей и русских начались еще в эпоху Волжской Булгарии (X–XII вв.) и Киевской Руси. Контакты особо усилились после вхождения Чувашского края в состав Московского государства в 1551 г. (подробнее см.: Адягаши 2005). Русские имена начали проникать в среду чувашей еще до начала их активной христианизации в середине XVIII столетия.

По сути, в чувашской среде под русскими понимаются имена православно-христианские (равно как и сама вера признается русской – *вырӑс тӗнӗ*). Русскими личными именами условно называются и эллинизмы, и латинизмы, и габраизмы, а не только имена славянского – древнерусского и собственно русского происхождения. Данный подход обусловлен тем, что православный пласт имен в чувашский язык был привнесён через русскую культуру в русском звучании и прочно ассоциируется с ней. Скорее

всего, в данном случае под русизмами следует понимать христианские конфессионимы, т. е. имена, сложившиеся в условиях христианства.

Важное свойство русских имен заключается в том, что они в чувашском контексте могут выступать не только в качестве христианских, но и языческих. Материалы словаря чувашского языка Н. И. Ашмарина свидетельствуют о том, что квалификация имени обуславливалась религиозным сознанием его носителя, ср.:

Ваççук 1. Василий. 2. языческое имя [Ашмарин т. 5, с. 182];

Кӓтюк 1. женское языческое имя. 2. Екатерина [Ашмарин т. 7, с. 204];

Якрав 1. христианское имя Евграф. 2. языческое имя [Ашмарин т. 4, с. 172].

Согласно признанию коллег лексикографа, «как и во многих примерах, корреспонденты Н. И. Ашмарина сами затрудняются определить разницу между языческими и христианскими личными именами» [Федотов 1998, с. 41–42].

Христианские конфессионимы в чувашском антропонимиконе XVIII в. включают в себя широкий круг древнееврейских, древнегреческих, латинских и славянских имен.

Эллинизмы (14,6 % именованых XVIII в.) и латинизмы (2,5 %) представлены именами языческого происхождения, признанными церковью в результате канонизации их носителей, например:

чув. *Выссар* < др.-греч. *Βησσαρίων* ‘лесной’ через рус. *Виссарион*;

чув. *Еккер* < др.-греч. *Γεώργιος* ‘земледелец’ через рус. *Егор*;

чув. *Антухха* < лат. *Antonius* ‘предвидящий’ через рус. *Антоха (Антон)*;

чув. *Максама* < лат. *Maximus* ‘самый большой’ через рус. *Максим*.

Гebraизмы (5,7 %) отсылают к историям Священного Писания и нередко являются цитатами, переосмысленными в качестве имен, например:

чув. *Сахар* <др.-евр. סַחָרָה ‘помнящий господа’ через рус. *Захария*;

чув. *Эхветтер* <др.-евр. אֶחָד ‘да распространит бог’ через рус. *Иафет*;

чув. *Михай* <др.-евр. מִיכָאֵל ‘кто как бог?’ через рус. *Михай* (*Михаил*).

Собственно славянские (2,4 %), в том числе древнерусские и русские имена в чувашском именовании образуют пласт, включающий несколько сотен антропонимов. В основном они являются именами, восходящими либо к языческим временам, либо к именам святых, а также иных известных людей. Вместе с тем встречаются русизмы в узком понимании – отапельтативные антропонимы, ср.: *Корлан* < слав. *Горлан*; *Осмук* < слав. *Осмак* ‘восьмой ребенок’; *Волотимёр* < др.-рус. *Владимир*; *Верух(х)а* < др.-греч. Πίστις (Пистис) через рус. *Вера*; *Натюк* < др.-греч. Ἐλλίς (Эллис) через рус. *Надежда*; *Люпук* < др.-греч. Ἀγάπη (Агапе) через рус. *Любовь*; *Пякача* < рус. *Пугачёв*; *Лиска* < лиса + -ка; *Молотой* < рус. *молодой*; *Охатнёк* < рус. *охотник*.

Основной метод освоения русских имен и обусловленных им христианских конфессионимов – фонетическая адаптация под возможности чувашского языка. При этом глубина фонетических изменений в христианских конфессионимах значительно превосходит звуковые преобразования в именах восточного происхождения.

Главные субституционные процессы в русских именах направлены на замещение звонких согласных русского языка, а также [ф] и [с] артикуляционно наиболее близкими соответствиями, ср.: *Артемий* → *Урттюм*; *Гаврила* → *Кавёрле*; *Дарья* → *Тарье*; *Федор* → *Хёветёр*; *Христина* → *Хришти*.

При освоении русских имен, кроме того, наблюдаются такие фонетические процессы, как вставка протезы (*Родион* → *Артиван*, *Спиридон* → *Ёспритун*); инфиксация (*Иуда* → *Иютă*, *Илларион* → *Лариван*); афереза (*Елизар* → *Лисар*, *Иулита* → *Улитта*); метатеза (*Артемий* → *Утремен*, *Евгений* → *Эхвени*); синкопа (*Доримедонт* → *Търмитун*); *Филипп* → *Хлип*); диереза (*Гаврила* → *Карила*); апокопа (*Анастасия* → *Настаç*, *Вячеслав* → *Виччасла*).

Указанные явления по-разному сочетаются между собой, в целом усложняя структуру очувашенных русских имен, ср.: *Константин* → *Кёçтук*, где наблюдается переход *о* ~ *ă* и диереза *н*; *Ксенофонт* → *Сынахвун*, где имеет место афереза *к*, звукопереходы *е* > *ы*, *о* > *у*, субституция *ф* > *хв*, апокопа *т*.

Значительная роль в освоении русских антропонимов чувашским языком принадлежит ударению. Оно в чувашских соответствиях обычно переносится на конечный слог, ср.: *Григорий* → *Кёркури*, *Даніла* → *Танилэ*, *Афанасий* → *Ухванёç*, *Вася* (*Васілій*) → *Ваççá*, *Дарья* → *Тари*, *Клэвдия* → *Клавьэ*, *Натáлья* → *Наттá*, *Феодóсия* → *Хветуççá*.

Сохранение ударения на исходном слоге встречается редко: *Герáсим* → *Карáчăм*, *Óсип* → *У́çăп / Óçăп*, *Прóхор* → *Прұ́ххăр*.

Перенос ударения на первый слог наблюдается в исключительных случаях: *Максі́м* → *Мáкçăм*.

Заметной особенностью русских имен, перешедших в чувашский язык, является многовариантность, ср.:

Михаил → ¹*Милак*, ²*Миçук*, ³*Михала*, ⁴*Михали*, ⁵*Михалкка*, ⁶*Михаля*, ⁷*Михали*, ⁸*Михалюк*, ⁹*Михалькка*, ¹⁰*Михеле*, ¹¹*Михелю*, ¹²*Михи*, ¹³*Михук*, ¹⁴*Михха*, ¹⁵*Миххай*, ¹⁶*Миххайла*, ¹⁷*Миххаль*, ¹⁸*Миххи*, ¹⁹*Миххук*, ²⁰*Мишиша*;

Мария → ¹*Майкка*, ²*Малюç*, ³*Манёк*, ⁴*Мани*, ⁵*Маре*, ⁶*Мари*, ⁷*Марик*, ⁸*Марини*, ⁹*Мариç*, ¹⁰*Марук*, ¹¹*Марок*, ¹²*Маруç*, ¹³*Марче*, ¹⁴*Машюк*, ¹⁵*Машук*, ¹⁶*Машшук*.

Наблюдаемая вариативность личных имен в чувашском языке в первую очередь объясняется их разнообразной реализацией в самой русской среде (*Миша, Мишенька, Мишка, Мишуля, Мишуня, Миха, Михай, Миханя, Махася*) и в следующую очередь – специфическими чертами принимающих чувашских диалектов.

Широкие пределы вариативности имен создают условия, при которых они начинают вступать в омонимичные отношения между собой, например:

Мишук¹ – Михаил, Мишук² – Николай;

Эликка¹ – Алексей, Эликка² – Александр;

Малюс¹ – Мелания, Малюс² – Мария;

Натюк¹ – Надежда, Натюк² – Наталия.

Активное словообразовательное освоение русских имен чувашским языком производилось через аффиксацию. Наиболее востребованными оказались следующие форманты:

-ка: *Антипка* ‘Антип’, *Елинка* ‘Елена’, *Емелкке* ‘Емельян’, *Каракка* ‘Герасим’, *Симкка* ‘Семен’;

-ук: *Ващук* ‘Василий’, *Люпук* ‘Любовь’, *Марук* ‘Мария’, *Отёк* ‘Евдокия’, *Петюк* ‘Петр’;

-ус: *Кӓттюс* ‘Екатерина’, *Лаврус* ‘Лаврентий’, *Марус* ‘Мария’, *Ухрус* ‘Ефросиния’;

-уш: *Ануш* ‘Анна’, *Лявуш* ‘Лев’, *Павлуш* ‘Павел’, *Петруш* ‘Петр’; *Тимуш* ‘Тимофей’.

В дериватологическом освоении имен наблюдается необычная ситуация: очувашивание русских антропонимов происходит через использование русских же суффиксов, на чувашской почве лишенных деминутивной семантики, ср.: *Емелька* (*Емельян*) → *Емелкке*, *Катюша* (*Екатерина*) → *Кӓттюс*, *Ермошка* (*Ермолай*) → *Ярмушка*.

Семантическое освоение русских имен связано с обращением к народной этимологии и сводится к подбору ассоциативных чувашских аналогов дохристианской эпохи, а в некоторых случаях – сопоставлению с апеллятив-

ной лексикой и приспособлением под них заимствуемых имен в фонетическом и деривационном планах, ср.: *Кăсьян* ‘Касьян’ – *кăсăя* ‘синица’, *Мăккăль* ‘Николай’ – *мăкăль* ‘шишка’, *Кулькка* ‘Акулина’ – *кулькка* ‘голубь’.

В ряде случаев в заимствовании русских антропонимов чувашским языком наблюдается необычный подбор параллельных имен, ср.: *Отюк* = *Антон*, *Тяккăм* = *Максим*, *Юлпике* = *Христина* (примеры по: Ашмарин 1928–1949). Вероятно, в приведенных примерах отразилась традиция сочетать неофициальное дохристианское имя с официальным православным, данных одному и тому же человеку при рождении и крещении.

Русские личные имена и обусловленные им христианские конфессионимы прошли значительный путь адаптации под требования чувашского языка. В результате исходные антропонимы могли преобразиться до неузнаваемости. Глубинные трансформации позволили сложиться неповторимой системе чувашских языческих антропонимов православного происхождения.

Конфессиональные имена, пришедшие в чувашский язык под русским обликом, ограничили восточное исламское влияние в имянаречении и разнообразили его новым звучанием и новыми смыслами.

3.3. Общий антропонимический фонд языков Урало-Поволжья

Урало-Поволжье в этническом плане является уникальным регионом, в котором сошлись языки разных семей – алтайской и уральской, в результате чего сложился языковой союз, названный Волго-Камским [Серебреников 1972].

В лексике народов указанного региона значителен общий словарь, например, в неродственных чувашском и марийском языках общий фонд приближается к полутора

тысячам единицам [Федотов 1990], чувашском и удмуртском – к 400 [Федотов 1968]. Однако даже на фоне значительных совпадений апеллятивной лексики ярко выделяется общая страта дохристианских антропонимов, достигающая невероятных объемов в несколько тысяч единиц.

Целостный антропонимический словарь языков Урало-Поволжья представляет результат татарско-исламского влияния. Главным образом это касается татарских имен, создающих общий фонд урало-поволжского антропонимикона, преломляясь через фонетику конкретного языка.

Наблюдения показывают, что имена татарского и арабо-иранского происхождения являются поздними заимствованиями, поскольку не успели претерпеть значительных изменений (иную точку зрения см. в: Данилова 1979). С другой стороны, не исключается подстройка языковых систем под мощное татарское влияние.

По подсчетам, в общем фонде антропонимического словаря Волго-Камья собственно татаризмы составляют более 25 %, ср.:

чув. *Иллахта* = мар. *Илбахта* = удм. *Илбакта* < тат. *Илбакты* из *ил* ‘страна’ + *бакты* ‘родился’;

чув. *Карапаш* = мар., удм. *Карабаши* < тат. *Карабаши* < тат. *кара* ‘черный’, *баш* ‘голова’;

чув., удм. *Кунак* = мар. *Кунакай* < тат. *Кунак* ‘гость’;

мар. *Темыр*, *Тимер*, *Тимир* = удм. *Темир*, *Темер*, *Демер* < чув. *Тимёр* ~ тат. *Тимер* ‘железо’;

чув. *Улмес* = мар. *Улмас*, *Улмес*, *Ульмес* = удм. *Ульмяс*, *Ульмас*, *Ульяс* < тат. *Ульмас* из *улү* ‘умереть’ + *-мес* афф. отрицания, т. е. бессмертный;

чув., мар., удм. *Яман* < тат. *Яман* ‘дрянной, недобрый’.

Смешанные татаро-арабо-персидские образования достигают 36 % общего антропонимического словаря:

чув. *Айпулат*, *Айпәлат* = мар. *Айбулат*, *Айблат*, *Ай-вылат*, *Айплат* = удм. *Айбулат* < тат. *Айбулат* из *ай* ‘луна’ + перс. *بولات* (булат) ‘сталь’;

чув. *Акмәйрса* = мар. *Акмурза*, *Акмырза* = удм. *Акмурза* < тат. *Акморза* из *ак* ‘белый’ + перс. *میرزا* (Мурза) ‘князь’;

чув., мар., удм. *Ишмамәт* < тат. *Ишмөхәммәт* из тат. *иш* ‘друг, приятель, сподвижник’ + *Мухаммет* араб. *محمد* ‘хвалимый, прославляемый’;

чув., *Касанпай* = мар., удм. *Казанбай* < тат. *Казанбай* из араб. *حسن* (Хасан) ‘красивый, мужественный, хороший’ + тат. *бай* ‘господин’.

Доля арабизмов и фарсизмов в общем именованном приближается к 39 %:

чув. *Аптула* = мар. *Аптул* = удм. *Абдул(ла)* = тат. ? < араб. *عبد الله* (Абдулла) ‘раб аллаха’;

чув. *Максут* = мар., удм. *Максут* = тат. *Максуд*, *Максут* < араб. *مقصود* (Максуд) ‘искомый, желанный, преднамеренный; цель, значение, смысл’;

чув. *Рәсиван* = мар. *Резван* = удм. *Ризван* = тат. *Ризван* < араб. *رضوان* (Ризван) ‘довольство, удовлетворение, удовольствие’;

чув. *Сеит* = мар., удм. *Саит*, *Сеит* = тат. *Сәед*, *Сәет* < араб. *سعيد* (Саид) ‘счастливый’;

чув., мар., удм., тат. *Юмаш* < араб. *جمال* (Джамаль) ‘красота, совершенство’ + *دين* (дин) ‘религия’.

Как исключение, чувашско-марийские пары создаются чувашизмами, ср.:

чув. *Варпике* из *варлӑ* ‘приветливый, добрый, сердечный’ + *пике* ‘госпожа’ > мар. *Варбика*;

чув. *Хитрени* из *хитре* ‘красивый’ + *-ни* ‘госпожа’ > мар. *Хитриви*.

В остальных случаях доминируют татарские имена:

тат. *Сауморза* из *сау* ‘здоровый’ + *морза* ‘мурза’ > чув. *Савмърса*;

тат. *Тиңчура* из *тиң* ‘равный’, *чура* ‘друзенник; раб’ > чув. *Тинчура*;

тат. *Имангилде > чув. *Именкилтей*, удм. *Имангельда*; тат. *Чурагол* (= *Колчура*) из *чура* + *кол* ‘раб’ > удм. *Чурагул*.

Чувашско-марийско-удмуртские параллели складываются главным образом из христианских имен, привнесенных русскими в Урало-Поволжье вместе с православием, ср.:

др.-евр. *יְהוָה* (Йоханан) ‘Яхве пожалел’ через др.-греч. *Ιωάννης*, рус. *Ванька (Иван)* > чув. *Ванькка*, мар., удм. *Ванька*;

др.-греч. *Ἀρτέμιος* ‘посвященный Артемиде’ через рус. *Артемий* > чув. *Ортем(ей)*, мар. *Ортемей*, удм. *Ортем*;

др.-греч. *Πέτρος* ‘скала, камень’ через рус. *Петр* > чув., мар. *Петрук*, удм. *Петрок*.

Значительно участие в общем волго-камском антропонимиконе татарских имен, по неизвестной причине не реализованного или не зафиксированного в самом татарском языке, ср.:

тат. *Туйдәүләт > чув. *Тутилет* из *туй* ‘праздник’, *ти(в)лет* ‘счастье, благополучие, благосостояние; благо, добро’ = удм. *Тудилет*;

тат. *Кызбикә > чув. *Хёрпике* (= *Кәспике*), где чув. *хёр* ~ тат. *кыз* ‘девушка, девушка’ + *пике* ~ тат. *бикә* ‘госпожа’ = мар. *Хирбика* = удм. *Кызбике*;

тат. ? = чув. *Шәмат* ‘суббота’ = мар. и удм. *Шумат*.

Чувашско-марийско-татарские, включая исламские конфессионимы, и чувашско-татарско-удмуртские параллели более ожидаемы, чем параллели без татарско-исламского компонента. В составе приведенных соответствий значительно участие арабизмов, например:

тат. *Атлас* = чув., мар. *Атлас, Атлаш* < араб. *أطلس* (Атлас) ‘шелковая, прочная ткань’;

тат. *Вәлимә* = чув. *Велиме* = удм. *Валима* < араб. *وليمة* (Валима) ‘пир, банкет; празднество; свадьба’;

тат. *Мәрхәбә* = чув. *Мерхен(н)е* = удм. *Маркаба* < араб. *مرحبا* (Мархаба) ‘добро пожаловать; привет’;

тат., чув., мар. *Якут* < араб. *ياقوت* (Якут) ‘рубин, яхонт’.

Собственно тюркский слой волго-камского антропонимического словаря включает незначительное число апеллятивной лексики:

чув., тат. *Аван* ‘хороший’ = удм. *Аван*;

чув. *Уна* ‘медведь’ = тат. *Аба* = мар. *Обай, Убай*;

чув. *Чурапай* < тат. *Чурабай* из *чура* ‘дружинник’ + *бай* ‘господин’.

Таким образом, общие личные имена в языках Урало-Поволжья чаще являются единицами татарского происхождения, в них также значительна доля арабизмов и иранизмов, обусловленных татарским участием.

Для православных народов Волго-Камья присущи христианские антропонимы, которые не встречаются в мусульманской татарской среде. Общие антропонимы в значительной мере обосновывают Волго-Камский языковой союз.

ГЛАВА 4

К ПРОБЛЕМЕ РУССКИХ ФАМИЛИЙ ЧУВАШСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Неповторимый пласт редких фамилий чувашского происхождения до сих пор оставался вне пределов научного интереса. Одна из причин их игнорирования связана с ограниченным, на первый взгляд, количеством самих фамилий. Однако первые же попытки их целенаправленного изучения позволили установить несколько тысяч подобных единиц. В книгу «Материалы для словаря русских фамилий чувашского происхождения» включено почти три тысячи лемм [Фомин, Иванова 2019].

Работа с такого рода фамилиями ставит вопрос об их этнической квалификации. Видимо, в данном случае следует говорить о русских фамилиях чувашского происхождения, поскольку они построены по русским лекалам и введены в обиход под влиянием практики русского делопроизводства. Исторически в чувашской среде имели распространение родовые имена (*тавраш*) и индивидуальные прозвища. В связи с проведением ревизий податного населения России и активной христианизацией чувашского народа с середины XVIII в. в практику чувашского имянаречения вводятся отчества в функции фамилий, и таким образом на основе языческого антропонимикона складывается выразительный пласт русских отчеств с явно чувашской окраской. Закрепление фамилий в качестве родовых имен произошло достаточно поздно – лишь в 1940 г. К этому времени практически все чувашское население уже перешло на православный именовослов, в связи с чем их фамилии, за редким исключением, полностью совпали с русскими.

Критерии, позволяющие квалифицировать фамилии этнических чувашей редкими и уникальными:

а) чувашский апеллятив или чувашское языческое имя в основе: *Мулгачёв* < *мулкач* ‘заяц’, *Олбутов* < *олпут* ‘барин’, *Сетнеров* < *Сетнер*;

б) чувашский фоно- и морфотаксис основы (в случае с некодифицированными антропонимами): *Ентёр (Ендеров), *Матайка (Мадайкин), *Накас* (Нагасов), *Хусантай* (Хузандаев);

в) отсутствие иноязычных совпадений, т. е. привязка фамилии исключительно к чувашской территории: *Жерженов* (Красночетайский район), *Субакаев* (Козловский район), *Тигинов* (Алатырский район), *Удяков* (Красночетайский и Аликовский районы Чувашской Республики).

Чувашские и русские фамилии, совпадающие по звучанию, могут иметь разную этимологию, например: рус. *Кушаков* через прозвище можно возвести к апеллятиву *кушак* ‘широкий пояс’, в то же время чувашское *Кушаков* – к апеллятиву *кушак* ‘кошка’.

Уникальные фамилии чувашского происхождения в целом строятся согласно тем же формальным моделям, что и собственно русские (табл. 4.1).

Таблица 4.1

Распределение формантов, образующих фамилии

Формант	-ов	-ев	-ин	-ский	ø	Всего
Всего	1488	520	848	16	107	2979
процент	49,9	17,4	28,5	0,5	3,6	100,0

Суммарная доля форманта *-ов* с его вариантами *-ев* и *-ёв* составляет 67,4 %. Его доминирование обусловлено образованием фамилий на основе мужских имен в их кодифицированной форме, реже имеющих гласные звуки в финальных частях.

В деривации чувашских фамилий валентность суффикса *-ин* трактуется шире, чем в русской среде. Данный

суффикс в чувашском контексте может присоединяться к широкому кругу гласных основы (не только *-а*), ср.:

Айбесин (с. Сойгино Алатырского района) < рус. *Ай-беси* название селений в Алатырском районе, чув. *Эйнеç*;

Вазинкин (с. Баймашкино Красночетайского района) < чув. *Ваçинкке* из рус. *Васенька*;

Ишмуллин (д. Асаново Шемуршинского района) < *Ишмулла*.

Фамилии на *-ский* в более чем половине случаев обнаруживают прямую привязку к ойконимам, ср.:

Авруйский (д. Ершипоси Вурнарского района) < д. Авруй в Вурнарском районе, чув. *Авруй*;

Акрамовский (с. Оринино Моргаушского района) < с. Акрамово Моргаушского района, чув. *Шурча*;

Вурнарский (д. Егоркино Шумерлинского района) < п. Вурнары Вурнарского района, чув. *Вӑрнар*;

Пихтульский (с. Ахманеи Моргаушского района) < с. Первое Пихтулино (Ишлей-Покровское) Чебоксарского района, чув. *Ишлей Покровски*;

Сугутский (с. Тойси Батыревского района) < с. Сугуты Батыревского района, чув. *Сӑкӑт*;

Тузинский (д. Тузи-Чурино Красноармейского района) < д. Тузи Красноармейского района, чув. *Туси*;

Чукальский (с. Новые Айбеси, п. Искра, п. Сальный Алатырского района) < Чукалы – название ряда селений в Шемуршинском районе, чув. *Чукал*;

Яндобинский < д. Верхняя Яндоба в Канашском районе, чув. *Тури Юнтапа*.

Показательно, что фамилии на *-ский* образуются от русских названий населенных пунктов (*Акрамовский*, *Тузинский*, *Яндобинский*). Данный факт свидетельствует о восприятии фамилий как элемента русской культуры.

Часть фамилий на *-ский* являются отыменными образованиями: *Аванский* < *аван* ‘хороший’, см. *Аван* имя сказочного царя [Ашмарин т. 1, с. 41], *Аванни* [Ашмарин т. 2,

с. 220], *Авански* прозвище мужчины [Ашмарин т. 1, с. 41]; *Алгатский* < араб. *تالغات* через тат. *Талгат*, *Алгат* ‘видный, красивый’; *Пульхеровский* < рус. *Пульхерия*. Видимо, в тот же ряд вписываются фамилии с неустановленной этимологией: *Акальский* < *Акаль; *Хароский* < *Харос; *Ядранский* < *Ятран.

Нетипичных фамилий, т. е. тех, которые не имеют специальных формантов, небольшое количество – чуть более сотни (3,6 %), но именно в них ярко проявляется чувашская специфика. Эти фамилии, вероятно, по происхождению являются родовыми или прозвищными.

Ареалы распространения нетипичных фамилий: Янтиковско-Урмарский (23, 16 имен соответственно), Шумерлинский (14), Батыревский (13), Канашский (12). Следует заметить: в Красночетайском районе, отличающемся выразительнейшими фамилиями (*Вадейкин*, *Дерстуганов*, *Сармандейкин* и др.), нетипичные образования практически не встречаются. Здесь зафиксирована лишь одна подобная фамилия – *Шурбя* (с. Красные Четаи, д. Кубяши, д. Питеркино, д. Янгильдино).

Нетипичные фамилии уникальны. Они фиксируются лишь единожды в каком-либо селении, исключение составляют два случая: *Вазинге* (с. Норваш-Шигали Батыревского и с. Тобурданово Канашского районов), *Шурбя* (см. выше), скорее всего, взаимосвязанные между собой.

Почти половину нетипичных фамилий составляют именные образования иноязычного происхождения, чаще всего с русской и арабо-иранской этимологией: *Амбрось* (д. Воронцовка Канашского района) < др.-греч. *Ἀμβρόσιος* ‘пища богов’ через рус. *Амвросий*; *Вазинге* (см. выше) < др.-греч. *Βασιλείος* ‘царский, царственный’ через рус. *Васенька* (*Василий*); *Микка* (с. Тигашево Урмарского района) < др.-евр. *מִיכָאֵל* (Михаэль) ‘кто как бог’ через рус. *Мика* (*Михаил*); *Мики* (д. Тюмерево Янтиковского района) < рус. *Мика* (*Михаил*); *Митта*

(с. Первомайское Батыревского района) < др.-греч. *Δημήτριος* ‘посвященный богине Деметре’ через рус. *Митя* (*Дмитрий*); *Мусса* (д. Нижние Карабаши Мариинско-Посадского района) < др.-евр. מוֹשֶׁה (Мойше) через араб. موسى, тат. *Муса*; *Саттар* (с. Шигали Урмарского района) < араб. سَدَّ تَار ‘прощающий грехи’ через тат. посредство; *Уляк* (Ковали Урмарского района) < рус. *Олег* из сканд. *Hélgí* ‘святой; священный’; *Хветти* (Шигали Урмарского района) < *Федя* (*Федор*) из др.-греч. *Θεόδωρος* ‘дарованный богом’; *Шерки* (с. Тобурданово Канашского района) < др.-иран. شَدِير ‘лев’ + -кке в звательной форме; *Эмир* (д. Уразлино Янтиковского района) < араб. أمير ‘принц’ через тат. *Әмир*; *Якку* (Янтиковский район) < рус. *Яков* из др.-евр. יָכוֹן ‘следующий по пятам’.

Значительная часть уникальных фамилий возводится к апеллятивной лексике: *Кукки* (д. Лесные Туваны Шумерлинского района) < *кукка* ‘дядя’ в звательной форме; *Кукуша* (д. Сявалкас-Хирпоси Вурнарского района) < *кукуша* ‘лысый’; *Мурза* (д. Пилешкасы Шумерлинского района) < *мърса* титул татарских и чувашских феодалов; *Пудене* (д. Козыльеры Урмарского района) < *путене* ‘перепелка’; *Пуриш* (с. Яншихово-Норваши Янтиковского района) < *пуръш* ‘барсук’; *Рунгш* (д. Беляево Янтиковского района) < *йрункайш* название птицы? [Ашмарин т. 4, с. 59]; *Садырга* (д. Тугасы Шумерлинского района) < *сатрака* ‘трущобник’; *Сарри* (с. Хормалы Ибресинского района) < *саръ* ‘желтый’ в выделительной форме; *Сенни* (с. Шигали Урмарского района) < *сәнни* ‘новый’ в выделительной форме; *Сорых* (д. Яндаши Шумерлинского района) < *соръх* ‘овца’; *Табардак* (д. Сенькасы Шумерлинского района) < *тәпәртәк* подражание топоту *Туйми* (с. Шигали Урмарского района) < *туйми* ‘бесчувственный’; *Турат* (с. Алдиарово Янтиковского района) < *турат* ‘ветка’; *Турхан* (д. Карабаево Яльчикского района) < *турхан*

‘тархан’; *Хельдерт* (д. Дятлино Козловского района) < *хэльтёрт* подражание грому; *Хытти* (д. Юманзары Канашского района) < *хытй* ‘жесткий’ в выделительной форме; *Цобар* (д. Амалыково Янтиковского района) < *чйнар* ‘пестрый’ в низово-диалектной реализации инициали; *Чавса* (с. Шигали Урмарского района) < *чавса* ‘локоть’; *Чанга* (д. Подлесные Шигали Батыревского района); *Чибер* (д. Чубаево Урмарского района) < *чипер* ‘симпатичный’; *Чике* (д. Тюмерево Янтиковского района) < *чике* ‘локоть’; *Чулах* (д. Яндаши Шумерлинского района) < *чйлах* ‘увечный’; *Шорка* (д. Тугасы Шумерлинского района) < *шоркка* ‘беленький’; *Шурбя* (Красночетайский район) < *шурпе* ‘суп из потрохов’; *Шыныр* (с. Тобурданово Канашского района) < *шйнар* ‘жила’; *Эльгер* (д. Малые Челлы Красноармейского района) < *Элкер* ‘Плеяды’; *Яга* (д. Тюмерево Янтиковского района) < *яка* ‘гладкий, одетый красиво’. Подобные фамилии похожи на родовые имена – *тавраш*, либо на прозвища.

Среди фамилий чувашского происхождения развита вариативность. Она может быть обусловлена многими причинами: во-первых, нарушением правил образования фамилий (*Абржин* – *Абржов* < *апйрша* ‘бедняжка’, *Ашмарин* – *Ашмаров* < мар. ош мари ‘белый человек’, *Кураков* – *Куракин* < курак ‘грач’, *Падян* – *Падянов*, *Табардак* – *Табардаков*); во-вторых, диалектными различиями (*Эндеров* – *Эндеров*, *Кураков* – *Кораков*); в-третьих, двойким отображением в русском написании чувашских глухих согласных в интервокальной позиции (*Ордииков* – *Ортиков*, *Шабин* – *Шатин* < *шапа* ‘лягушка’ (?)).

Уникальные фамилии распространены по всей территории Чувашской Республики, однако их частотность подвержена заметным перепадам, например: встречаемость фамилий чувашского происхождения в первой и последней строках – Батыревском и Красноармейском районах – различается в 30 раз (табл. 4.2).

Таблица 4.2

Частотность фамилий по районам

Район	Абс.	Процент
Батыревский	469	11,7
Моргаушский	394	9,9
Красночетайский	331	8,3
Чебоксарский	287	7,2
Ядринский	235	5,9
Яльчикский	228	5,7
Ибресинский	216	5,4
Шумерлинский	201	5,0
Козловский	200	5,0
Комсомольский	189	4,7
Вурнарский	182	4,6
Канашский	167	4,2
Мариинско-Посадский	164	4,1
Шемуршинский	164	4,1
Янтиковский	153	3,8
Урмарский	138	3,4
Алатырский	120	3,0
Аликовский	99	2,5
Цивильский	41	1,0
Красноармейский	16	0,4
Итого	3994	100,0

Явно выделяются два ареала: северо-западный (Моргаушский, Красночетайский, Чебоксарский, Ядринский, Шумерлинский районы) и юго-восточный (Батыревский и Яльчикский районы). В сумме на их долю приходится почти половина всех фиксаций уникальных фамилий – 48,7 %. Наименьшей уникальностью выделяются центральные районы республики (Цивильский и Красноармейский) – 1,4 %.

При образовании фамилий в традиционные русские формы преимущественно облекались чувашские личные имена дохристианской эпохи: *Деведеров* (д. Ильянкино Аликовского, д. Черепаново Красночетайского районов) < *Теветер*; *Изекеев* (с. Шемалаково Яльчикского района) < *Исеккей; *Охливанов* (д. Нижние Абакасы Ибресинского, д. Елаши Цивильского районов) < *Охливан*; *Пикмулов* (д. Малые Туваны Шумерлинского района) < *Пикмул*; *Ухтериков* (д. Хорнзор Вурнарского района) < *Ухтерик*.

Адаптированные под чувашскую фонетику христианские конфессионимы используются реже: *Магаров* (д. Янгорас Аликовского района) < *Макар* через чув. *Ma[ɣ]ap*; *Никишев* (д. Ижекей Красночетайского района) < *Никиш* (Николай); *Педюков* (д. Обыково Красночетайского района) < *Петёк* (Петр) через чув. *Pe[ɖ]’uk*; *Сандров* (с. Малое Карачкино Ядринского района) < *Александр* через чув. *San[ɖ]’år*.

Сильнейшим специфичным звучанием отмечены фамилии Красночетайского района. Своеобразие фамилиям придает тот факт, что их деривация в основном производилась на основе чувашских имен с аффиксом *-(к)ка*, например: *Абаськин* (с. Атнары, д. Шорово) < *Уна́ска* (возможна этимология из араб. *ع باس* (Аббас) ‘мрачный, угрюмый’); *Васяткин* (д. Кишля, д. Лоба, д. Осиново, д. Хирлукасы) < **Ва́сҫаткӑ* из рус. *Васятка* (Василий), *Ембулаткин* (д. Тарабай) < *Емпулатка, *Мемедейкин* (с. Штанаши) < *Меметейка.

В целом отыменные фамилии чувашского происхождения возводятся к мужским именам, фамилии, имеющие в основе женские антропонимы, составляют исключение [Фомин 2018].

Апеллятивная лексика в образовании специфических фамилий востребована в несколько меньшей степени: *Выросов* (д. Сидели Батыревского района, д. Кюстемеры Вурнарского района) < *вырӑс* ‘русский’; *Ильбеков* (п. Ивановка, д. Трехизб-Шемурша Шемуршинского района) < *илпек* ‘изобильный’ (может быть и татарским именем *Илбәк* < *ил* ‘страна’ + *бәк* ‘господин’); *Наянов* (д. Хирпоси Вурнарского района) < *наян* ‘ленивый’, *Патишин* (с. Большие Яльчики Яльчикского района) < *патиша* ‘государь’, *Пуклаков* (д. Сендимиркино Вурнарского района; Ковали, с. Шигали Урмарского района) < *пуклак* ‘тупоконечный’, *Саплаков* (д. Молгачкино Шумерлинского района) < *саплӑк* ‘заплата’, *Саргайков* (д. Вутабоси Канашского района) < *сар кайӑк* ‘иволга’, *Улбутов* (д. Нижние Абакасы, Хормалы Ибресинского района) < *улпут* ‘барин’.

Наиболее распространенные фамилии чувашского происхождения восходят к апеллятивам (табл. 4.3). Исключением является фамилия *Мольков*, имеющая в основе языческое имя *Молёк*, ср.: у В. К. Магницкого – *Молек* [Магницкий 1905, с. 59].

Фамилии *Албутов*, *Арланов*, *Кадыков*, *Карзаков*, *Кураков*, *Пыркин*, *Хораськин*, *Шуркин* не имеют очерченной локализации и встречаются в разных районах Чувашии. Остальные отмечены четкой географической привязкой, например, южночувашской являются такие фамилии, как *Карсаков*, *Муллин*, *Салмин* и *Юманов*, а северной – *Бардасов* и *Мольков*.

Таким образом, системный анализ фамилий чувашского происхождения призван дополнить и уточнить представления о чувашском архаичном антропонимиконе и его взаимосвязях с русской традицией наречения фамилиями. Чувашские фамилии вносят большой вклад в ономастическую лексику русского языка.

Таблица 4.3

**Наиболее распространенные фамилии
чувашского происхождения**

Фамилия	Всего	Параллель
<i>Кураков (курак 'грач')</i>	23	<i>Кораков</i>
<i>Карзаков (карсак 'русак')</i>	20	<i>Карсаков</i>
<i>Муллин (тат. мулла)</i>	20	
<i>Албутов (улпут 'барин')</i>	19	
<i>Карсаков (карсак 'русак')</i>	17	<i>Карзаков</i>
<i>Пыркин (пырка 'пырка')</i>	17	
<i>Юманов (юман 'дуб')</i>	17	
<i>Хораськин (хораска 'черненький')</i>	16	
<i>Арланов (арлан 'хомяк')</i>	13	
<i>Бардасов (артас 'голавль')</i>	13	
<i>Салмин (салма 'клецки')</i>	13	
<i>Ашмарин (мар. ош марий 'белый человек')</i>	12	<i>Ашмаров</i>
<i>Кадыков (катӑк 'осколок')</i>	12	
<i>Мольков (Молӑк)</i>	12	
<i>Тукмаков (тукмак 'мялка')</i>	12	<i>Токмаков</i>
<i>Шоркин (шоркка 'беленький')</i>	12	<i>Шуркин</i>
<i>Шуркин (шуркка 'беленький')</i>	12	<i>Шоркин</i>

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Личные имена дохристианской эпохи составляют важный пласт лексической системы чувашского языка. Они характеризуются рядом специфичных черт, придающих им непривычное архаичное звучание. Такие имена по настоящее время обеспечивают связь чувашской культуры с восточной.

Чувашский антропонимикон дохристианской эпохи включает в себя объемные пласты собственно чувашских, татарских, арабских и персидских заимствований. Другую важную часть традиционного чувашского антропонимикона составляют имена, обусловленные христианской религией, – древнееврейские, древнегреческие, латинские, русские.

Имена собственно чувашского происхождения обусловлены обстоятельствами рождения и желанием определить благополучную судьбу человека. В качестве имени могли быть выбраны апеллятивы, но чаще слова, ставшие основами личных имен, наращивались специальными имяобразовательными аффиксами, как правило, деминутивного происхождения.

Заимствованные имена преобладают над чувашскими. Доминирование их не случайно: иноязычные антропонимы в большей степени обладают свойствами, подходящими для нейтрального имянаречения – не вызывают нежелательных ассоциаций и семантически не обуславливаются средствами родного языка.

Имена-татаризмы – самый многочисленный пласт чувашского антропонимикона. Их использование обусловлено историческими перипетиями, создавшими условия для безграничного освоения татарских имен, а также родственными связями чувашского и татарского языков. По сути татаризмы в большей степени сохранились в чувашском антропонимиконе, нежели в самом татарском, по большей части арабизированном.

Арабо-персидские имена в чувашском именовании – следующая объемная страта. Они обусловлены распространением ислама в Среднем Поволжье. Арабизмы и фарсизмы проникли в чувашский язык через татарское посредство. Данные имена связаны с мусульманской религией и носят положительный, нередко хвалебный смысл.

Христианские имена хронологически представляют самый молодой слой чувашского антропонимического словаря. Они пришли в чувашский язык через русское посредство, в силу чего неизменно называются русскими. По объему они уступают исламским конфессионимам и татаризмам.

Освоение заимствованных имен главным образом происходило в фонетическом и деривационном планах. Татаризмы, а вслед за ними арабизмы и фарсизмы на чувашской основе подвергались лишь минимальным трансформациям, сводящимся прежде всего к фонетическому освоению и незначительным предсказуемым новациям деривационного плана. Значительные изменения происходили с именами христианского происхождения, которые фонетически могли быть преобразованы до неузнаваемости. Кроме того, русские имена подвергались заметному деривационному обновлению через присоединение деминутивных аффиксов к усеченным формам исходных антропонимов. Таким образом происходило окончательное оформление чувашских имен русского происхождения.

Выразительное явление чувашского именовании – сложные образования. Они, как правило, состоят из двух, а в редких случаях – трех основ. Такого рода антропонимы конкурируют с простыми именами.

Многие параметры чувашского антропонимикона присущи лингвокультурам народов Поволжья и Урала. Объединяющим их в единое целое являются, во-первых, языческие традиции имянаречения, во-вторых, инструментарий имяпроизводства, в-третьих, наличие одних и

тех же имен татарского, арабского и персидского происхождения. Комплексное изучение антропонимов Урало-Поволжья может внести значительный вклад в исследование проблематики Волго-Камского языкового союза.

Традиционные имена в чувашской среде вплоть до настоящего времени остаются привычным явлением. Они выступают неизменным признаком чувашской художественной литературы, а наиболее благозвучные и благозначные из них проходят через процедуру ревитализации.

* * *

Вырăс тĕнне йышăниченхи тапхăрта усă курнă чăваш ячĕсем – чĕлхемĕрĕн пĕлтерĕшлĕ пайĕ. Вăл вăхăтри ят хальхи куçпа пăхсан кивелнĕ пек. Анчах та çав ятсем чăваш халăхне ку таранччен те тухăç тĕнчипе çыхăнтарса тăраççĕ.

Авалхи чăваш ячĕсем – тăван чĕлхе, тутар, араб тата перс сыпăкне кĕрекен ят пĕрлĕхне йĕркелеççĕ. Çав хушăрах вырăспа ун урлă йышăннă ят хисепĕ те пирĕн чĕлхере нумай. Вĕсем вырăс, авалхи грек, латин, еврей чĕлхинчен килнĕ.

Чăваш халăхĕ хай йĕркеленĕ ят ытларах чухне ачи мĕнлерех çуралнипе е ача ыра пуласлăх суннипе çыхăннă. Хайш-пĕр ячĕ ахаль сăмахпа танах, ытларашĕ вара сăмахĕ çумне пĕр-пĕр ятарлă сыпăнчăк пĕрлештернипе пулăннă. Сыпăнчăкĕ ытларах чухне ачашлав пĕлтерĕшлĕ.

Хисепĕ тĕлĕшĕнчен йышăннă ят тăван чĕлхере йĕркеленинчен йышлăрах. Çакă ют чĕлхе сăмахă ачана ят пама юрăхлăрах пулнипе сăлтавланнă.

Тутар ячĕсем чăваш хушшинче чи анлă сарăлнă. Ку ятсене йышăнасси тутар халăхĕн вайлă витĕмĕпе çыхăннă, çав хушăрах кунта чăвашпа тутар чĕлхи хурăнташлă пулни те пĕлтерĕшлĕ.

Араб-перс ячәсем вара Вәтам Атәл тәрәхәнче ислам тәнә сарәлнипе ҫыхәннә. Вәсем нумай чухне тутар урлә килнә. Ҫав ятсем мәсәльман тәнән никәсәпе тәревленнә, ыра та мухтавлә пәлтерәшлә.

Вырәс тәнәпе сәлтавланнә ятсем чәваш чәлхинче ҫәнә тапхәрта йышәнни шутне кәреҫҫә. Вырәс ячән хисәпә ислам тәнәпе тата тутар чәлхипе ҫыхәннинчен сахалтарах.

Пирән халәхра ют чәлхе ятне чәвашлатса йышәнесси йәлара пулнә. Тухәҫран килнә ятсене нумаях улшәтарман. Вырәс ячә вара сасә тәлешәнчен паләрмаллах ҫәнелнә, хәшне-пәрне палласа илме те ҫук. Сәмах пуләвә енчен те ку ятсем самаях улшәнкаланә, тәсләхрен, вырәс ячән пәрремәш сыпакә ҫумне ачашлав пәлтерәшлә пәр-пәр сыпәнчәк хушса ята паләрмаллах ҫәнетме пултарнә.

Авалхи мәнпур ятән паләрмаллах пысәк пайә – темиҫе тымартан тәракан хутлә ят. Ку ушкәна кәрекен ятсем (хутсәрринчен сахалтарах пулсан та) курәмлә.

Чәваш халәхә усә курнә нумай ят Атәлпа Урал хутләхәнче пурнакан пур халәх хушшинче те сарәлнә. Ҫав ятсене пәр-пәринпе ят хурас йәла-йәрке тата ят тәвас мехел пәрлештерсе тәрәт, тухәҫпа тутар чәлхинчен йышәннә эткер те ку тәрәхри пур халәхшән та пысәк пәлтерәшлә. Вәсене танлаштарса тәпчени чәлхе әсләләхәнче ҫәнә утәм пулма тивәҫ.

Авалхи ятсем халәхра ку таранченех тәл пулаҫҫә. Вәсемпе уйрамах чәваш ҫыравҫисем усә курма кәмәллаҫҫә. Кунсәр пуҫне ашшә-амәшә хәй ачи-пәчине чапләрах чәваш ятне парасси те паян кунченех тәл пулать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Адыгаши К. Ранние русские заимствования тюркских языков Волго-Камского ареала : этимол. справ. – Дебrecен, 2005. – 216 с.

Андреев И. А. Ҫын ячĕсем. – Шупашкар, 1983. – 60 с.

Ас тавăм: вĕсен ячĕ халăх чĕринче = Память: их имена в сердце народном : в 6 т. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1995–2000.

Атаманов М. Г. Словарь личных имен удмуртов. – Ижевск, 1990. – 396 с.

Ашмарин Н. И. Чăваш сăмахĕсен кĕнеки = Словарь чувашского языка : в 17 т. – Казань – Чебоксары, 1928–1949.

Данилова Л. В. К изучению арабско-иранских элементов в чувашской антропонимике – I // Диалекты и топонимия Поволжья. – Чебоксары, 1979. – Вып. 7. – С. 3–15.

Данилова Л. В. К изучению арабско-иранских элементов в чувашской антропонимике – II // Диалекты и топонимия Поволжья. – Чебоксары, 1980. – Вып. 8. – С. 131–144.

Данилова Л. В. Усвоение русских имен в чувашском языке и его диалектах // Диалекты и топонимия Поволжья. – Чебоксары, 1977. – Вып. 5. – С. 42–50.

Данилова Л. В. Чувашская антропонимия Башкирской АССР (XVII–XVIII) // Диалекты и топонимия Поволжья. – Чебоксары, 1976. – Вып. 4. – С. 26–34.

Данилова Л. В., Енжаева Т. Т. Имена чувашей в Башкирской АССР: по материалам, собранным в д. Зириклы Бижбулякского района // Ономастика Поволжья. – Саранск, 1976. – С. 61–64.

Димитриев В. Д. Советы постороннего // Ульяновец. – 1999. – 29 окт.

Егоров В. Г. Закон гармонии гласных в чувашском языке // Научно-педагогический сборник. – Казань, 1928. – Вып. 4. – С. 33–63.

Егоров В. Г. Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении. – 2-е изд., испр. – Чебоксары : Чуваш. гос. изд-во, 1971. – 202 с.

Егоров Н. И., Ефимов Ю. Ф. Материалы к вопросу о татарских лексических заимствованиях в чувашском языке // Чувашский язык: проблемы исторической лексикологии. – Чебоксары, 1986. – С. 65–84.

Егоров Н. И. Женские личные имена низовых чувашей-язычников // Культура и быт низовых чувашей. – Чебоксары, 1986. – С. 88–101.

Егоров Н. И. Женские личные имена низовых чувашей-язычников. 2 // Вопросы фонетики, грамматики и ономастики чувашского языка. – Чебоксары, 1987. – С. 54–71.

Иванова А. М. Ревитализация чувашских дохристианских антропонимов // Вестник Чувашского университета. – 2018. – № 4. – С. 231–236.

Иванова А. М., Фомин Э. В. Об индексе слов словаря чувашского языка Н. И. Ашмарина // Вестник Чувашского университета. – 2014. – № 4. – С. 149–155.

Исследователи Чувашского края : биобиблиогр. указ. / сост. Э. Г. Николаева, Н. Д. Никитина ; Чуваш. ун-т. – Чебоксары, 2002. – 256 с.

История Чувашской АССР. – 2-е изд., перераб. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1983. – Т. 1. – 284 с.

Корнилов Г. Е., Леонтьева А. А. Инверсионный алфавит чувашских мужских языческих имен: словарь. – Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2002. – 100 с.

Кусимова Т. Х. Башкирские имена. – Уфа : Башк. кн. изд-во, 1982. – 136 с.

Леонтьева А. А. Русские личные имена в чувашском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Чуваш. гос. ун-т. – Чебоксары, 2006. – 21 с.

Магницкий В. К. Чувашские языческие имена. – Казань : Тип. Император. ун-та, 1905. – 101 с.

Мокшина Е. Н. Образ медведя в религиозных и мифологических представлениях финно-угорских народов (мордвы, марийцев, удмуртов, коми и др.) // Финно-угорский мир. – 2012. – № 3–4. – С. 97–101.

Нестеров В. А. Населенные пункты Чувашской АССР: 1917–1981 : справ. об адм.-территор. делении. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1981. – 351 с.

Николаев В. Н. Родословные вурманкасинцев. – Цивильск, 2010. – 133 с.

Николаев В. Н. Родословные типварцев. – Цивильск, 2010. – 103 с.

Никольский Н. В. Распространение христианства среди нижегородских чуваш до 1764 г. – Петроград : Тип. В. Д. Смирнова, 1915. – 46 с.

Петров Л. П. Личные имена закамских чувашей-язычников // Культура и быт низовых чувашей : материалы комплекс экспедиции ин-та в чуваш. селения ТАССР, Ульянов. и Куйбышев. обл. в 1984 г. – Чебоксары, 1986. – С. 74–87.

Петров Л. П. Этимология чувашских дохристианских имен – 1 // Вопросы, фонетики, грамматики и ономастики чувашского языка. – Чебоксары, 1987. – С. 72–89.

Петров Л. П. Этимология чувашских дохристианских имен – 2 // Исследования по этимологии и грамматике чувашского языка. – Чебоксары, 1988. – С. 19–35.

Петров Н. П. Чăваш литература чĕлхин историйĕ: Яковлевченхи тапхăр. – Шупашкар : Чăваш патшалăх университетĕ, 1978. – 110 с.

Савельев А. В. Отражение вокализма чувашских диалектов в «Сравнительном словаре» П. С. Палласа // Урал-алтайские исследования. – 2013. – № 1. – С. 34–54.

Саттар-Муллиле Г. Татар исемнәре ни сөйли? Татар исемнәренен тулы аңлатмалы сүзлеге. – Казан : Раннур, 1998. – 488 б.

Саттаров Г. Татар исемнәре : аңлатмалы сүзлек. – Казан : Татарстан китап нәшрияты, 2019. – 550 б.

Сергеев Л. П. О дояковлевском периоде чувашской письменности // 100 лет новой чувашской письменности. – Чебоксары : Науч.-исслед. ин-т при Совете Министров Чуваш. АССР, 1972. – С. 47–76.

Сергеев Л. П. О памятниках чувашской письменности XVIII века // Ученые записки. – Чебоксары : Науч.-исслед. ин-т при Совете Министров Чуваш. АССР, 1970. – Вып. 46. – С. 228–263.

Серебренников Б. А. О некоторых отличительных признаках Волго-Камского языкового союза // Языковые контакты в Башкирии. – Уфа, 1972. – Вып. 50. – С. 7–12.

Скворцов М. И. Еще раз об арабско-персидском вкладе в чувашскую лексику // Ученые записки. – Чебоксары, 1968. – Вып. 39. – С. 139–155.

Соколова М. В. Вербализация национально-культурных представлений о культе медведя в марийском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 4. – С. 165–168.

Татарча-русча кеше исемнәре һәм фамилияләр сүзлеге: якынча 7000 берәмлек. – Казан : Татарстан китап нәшрияты, 2006. – 371 б.

Татарча-русча сүзлек = Татарско-русский словарь : 2 томда / Татарстан Республикасы фәннәр академиясе, Г. Ибраһимов исемдәге тел, әдәбият һәм сәнгать институты. – Казан : «Мәгәриф» нәшрияты, 2007.

Ушаков Э. С. Чувашские дохристианские имена. – Чебоксары, 2018. – 172 с.

Федотов М. Р. Исторические связи чувашского языка с волжскими и пермскими финно-угорскими языками. – Чебоксары, 1968. – 213 с.

Федотов М. Р. Об арабских и персидских заимствованиях в чувашском языке (лексико-семантический об-

зор и словарь) // Ученые записки. – Чебоксары, 1963. – Вып. 26. – С. 89–124.

Федотов М. Р. Словарь чувашских нехристианских личных имен. – Чебоксары : Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 1998. – 148 с.

Федотов М. Р. Чувашиско-марийские языковые взаимосвязи. – Саранск, 1990. – 335 с.

Фомин Э. В., Иванова А. М. Материалы для словаря русских фамилий чувашского происхождения. – Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2019. – 75 с.

Фомин Э. В., Иванова А. М. Чăваш поэтонимĕсен пуххи / И. Н. Ульянов ячĕллĕ Чăваш патшалăх университетĕ. – Шупашкар, 2016. – 83 с.

Фомин Э. В. Имя в контексте социолингвистики // Языковое единство и языковое разнообразие в полиэтническом государстве. – М., 2018. – С. 600–604.

Фомин Э. В. Научный стиль чувашского языка конца XIX – начала XX в. – Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2007. – 131 с.

Фомин Э. В. Поверить алгеброй гармонию: статистический портрет чувашской литературы // Компаративистика в изучении словесной культуры народов Урало-Поволжья. – Ижевск, 2017. – С. 219–226.

Фомин Э. В. Поэтонимы как составляющая специфики чувашской литературы // Языковые контакты народов Поволжья. X : Актуальные проблемы нормативной и исторической фонетики, грамматики, лексикологии и стилистики. – Ижевск : Изд-во Удмурт. ун-та, 2017. – С. 381–388.

Фомин Э. В. Чувашские фамилии матронимного происхождения // Языковые контакты народов Поволжья и Урала. – Чебоксары, 2018. – С. 158–160.

Фукс А. А. Записки Александры Фукс о чувашах и черемисах Казанской губернии. – Казань : Тип. Император. Казан. ун-та, 1840. – 329 с.

Хазиева-Демирбаш Г. С. Татарские личные имена в этнокультурном пространстве языка. – Казань : Вакут, 2017. – 443 с.

Черных С. Я. Словарь марийских личных имен. – Йошкар-Ола, 1995. – 623 с.

Ягафова Е. А. Самарские чуваша: ист.-этногр. очерки: конец XVII – начало XX в. – Самара, 1998. – 368 с.

Ягафова Е. А. Чуваша-мусульмане в XVIII – начале XXI в. – Самара, 2009. – 128 с.

СОКРАЩЕНИЯ

абс. – абсолютное количество;
араб. – арабский язык;
афф. – аффикс;
гл. – глаголы;
др.-греч. – древнегреческий язык;
др.-евр. – древнееврейский язык;
имяобр. – имяобразовательный;
иран. – иранские языки;
кит. – китайский язык;
мар. – марийский язык;
марГ. – горный диалект марийского языка;
марЛ. – луговой диалект марийского языка;
нар. – наречия;
перс. – персидский язык;
прил. – имена прилагательные;
рус. – русский язык;
слав. – славянские языки;
сущ. – имена существительные;
тат. – татарский язык;
тюрк. – тюркские языки;
удм. – удмуртский язык;
числ. – имена числительные;
чув. – чувашский язык.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1

Распределение имен по инициальной букве

Буква	Абс.	Доля, %
а	1385	13,8
с	1254	12,5
п	1069	10,7
й	1042	10,4
к	972	9,7
м	878	8,8
т	660	6,6
я	376	3,8
е	372	3,7
о	320	3,2
х	248	2,5
у	198	2,0
ш	184	1,8
в	181	1,8
ы	171	1,7
э	171	1,7
џ	126	1,3
ч	107	1,0
р	102	1,0
н	96	0,9
л	90	0,9
и	50	0,5
ё	33	3,3
ю	31	0,3
я̑	26	0,3
ў	12	0,1
ф	9	0,1
Итого	10000	100,0

Таблица 2

Частотность букв в чувашских именах

Буква	Абс.	Доля, %
а	8703	13,8
к	6069	9,6
е	5793	9,2
т	4854	7,7
и	4659	7,4
р	3567	5,6
н	3489	5,5
л	2941	4,7
м	2858	4,5
с	2716	4,3
п	2671	4,2
й	2499	4,0
у	1942	3,1
х	1447	2,3
ш	1347	2,1
о	1345	2,2
в	1115	1,8
ă	1109	1,8
я	799	1,3
ě	775	1,2
ç	775	1,2
ч	566	0,4
ю	492	0,8
ь	241	0,4
э	171	0,3
ÿ	83	0,1
ы	63	0,1
ф	54	0,1
ё	22	0,0
Итого	63165	100,0

Таблица 3

Частотность звуков в чувашских именах

Звук	Абс.	Доля, %
а	9502	14,9
к	6069	9,5
э	5964	9,4
т	4854	7,6
и	4659	7,3
р	3567	5,6
н	3489	5,5
л	2941	4,6
м	2858	4,5
с	2716	4,3
п	2671	4,2
ј	3343	5,2
у	2434	3,8
х	1447	2,3
о	1347	2,1
ш	1347	2,1
в	1115	1,7
ъ (ă)	1109	1,7
ь (ě)	775	1,2
ç	775	1,2
ч	566	0,9
ү (ÿ)	83	0,1
ы	63	0,1
ф	54	0,1
Итого	63748	100,0

Таблица 4

**Распределение чувашских имен
по количеству фонем**

Количество фонем	Абс.	Доля, %
7	2464	24,8
6	2357	23,7
5	2241	22,6
8	1688	17,0
4	606	6,1
9	366	3,7
10	109	1,1
3	61	0,6
11	28	0,3
12	6	0,1
13	3	0,0
Итого	9929	100,0

Таблица 5

**Типология двучленных звукосочетаний
в чувашских именах**

Звукосочетания	Абс.	Доля, %
CV	24976	44,8
VC	22285	40,0
CC	8400	15,1
VV	107	0,2
Итого	55768	100,0

Таблица 6

Длина чувашских имен в слогах

Количество слогов	Абс.	Доля, %
3	5373	53,7
2	4237	42,4
4	320	3,2
1	67	0,7
5	3	0,0
Итого	10000	100,0

Таблица 7

Сингармонизм в чувашских именах

Тип сингармонизма	Абс.	Доля, %
Заднеязычный	3190	31,9
Переднеязычный	2050	20,5
Смешанный	4760	47,6
Итого	10000	100,0

Таблица 8

Распределение моделей чувашских имен по количеству фонем

Количество фонем	Количество моделей	Доля, %
3	5	3,5
4	9	6,2
5	14	9,7
6	16	11,1
7	18	12,5
8	24	16,7
9	24	16,7
10	18	12,5
11	10	6,9
12	3	2,1
13	3	2,1
Всего	143	100,0

Таблица 9

**Наиболее востребованные фонетические типы
чуваших имен**

Тип	Абс.	Доля, %
CVCVC	1201	12,0
CVCCVC	1096	11,0
CVCCVCVC	631	6,3
CVCVCVC	600	6,0
VCCVC	564	5,7
CVCVCCV	535	5,4
VCCVCVC	469	4,7
Итого	5096	51,1

Таблица 10

Звуковые типы чуваших имен

Тип имен	Абс.
CVCVC	1201
CVCCVC	1096
CVCCVCVC	631
CVCVCVC	600
VCCVC	564
CVCVCCV	535
VCCVCVC	469
CVCVCCVC	349
VCVC	345
CVCCV	321
VCVCVC	317
CVCVCV	290
CVCCVCV	264
CVCCVCCV	262
VCVCCV	227
VCVCCVC	204
VCCVCCV	166

Тип имен	Абс.
CVCVCCCCV	163
CVCV	156
CVCCVCCVC	150
VCCVCCVC	141
VCCVCV	141
VCVCV	125
CVCCCV	109
VCCV	85
VCVCCCV	70
CCVCVC	57
CVCCVC	50
CVCCVCCCV	45
CVC	35
VCCCV	35
VCCVC	35
VCCVCCCV	34
VCV	32
VCVCCVCVC	32
CCVCCVC	28
CVCVCCVCVC	28
CVVC	25
CVCVCCVCCV	24
CVCVCVCCV	24
CVCVCVCV	22
CVCCVCC	20
VCVCCVCCV	20
CVCVCCVC	18
CVCVCVCVC	18
CVCCVCCVC	17
CCVCCCV	14
CVVCCVC	14
CCVC	12
CCVCVCCV	12

Тип имен	Абс.
VCVCVCCV	12
CVCCVCVCCV	11
CVVCVC	11
CCVCV	10
CVCVVC	10
VCCCVCCV	10
CVVCCV	9
VCVCVCVC	9
CCVCCVCV	8
CVCVCVCCCV	8
VCCVCVCCV	8
CVCCCVCCV	7
CVCVCC	7
VCCVCVCV	7
CCVCVCV	6
CVCCVCVCV	6
VCCVCCVCCV	6
VCCVVC	6
VCVCCVCCVC	6
VCVCCVCV	6
VCVCVCCVC	6
VVC	6
CCVCVCCCV	5
CVCCVVC	5
CVVCCCV	5
VCCVCCVVC	5
VCVCCVC	5
CVCVCCVCCCV	4
CVCVCCVCCVC	4
CVCVCVCCVC	4
VCCCVVC	4
VCVCVCV	4
CVCCCVVC	3

Тип имен	Абс.
CVCCVCCCVCV	3
CVCCVCCVCCV	3
CVCCVCCVCVC	3
CVCCVCVCCC	3
CVVCV	3
VCCVCCCVC	3
VCCVCVCCC	3
VCVCC	3
VVCV	3
CCCVVC	2
CVCC	2
CVCCCVCVC	2
CVCCCVCV	2
CVCCVCVCVC	2
CVCVCVCC	2
CVCVV	2
CVVCCVCCV	2
CVVCVCCV	2
CVVCVCVC	2
VCCCVCCVC	2
VCCVCVCCVC	2
VCCVCVCVC	2
VCVCCVCC	2
VCVCCVCCC	2
VCVVC	2
VVCCV	2
CCCV	1
CCCV	1
CCV	1
CCVCCVCVC	1
CCVCVCCVC	1
CCVCVCVC	1
CCVCVCVCCV	1

Тип имен	Абс.
CCVVC	1
CVCCVCCVCCCV	1
CVCCVCCVCV	1
CVCCVCVCC	1
CVCCVCVCCCV	1
CVCVCCCV	1
CVCVCCVCCCV	1
CVCVCVCC	1
CVCVVCCVC	1
CVVCCVC	1
VCCCVCCVCCV	1
VCCCVCV	1
VCCCVCVCCCV	1
VCCVCCVCCVC	1
VCCVCCVCV	1
VCCVCCVCVCCCV	1
VCCVCVCCVC	1
VCVCCVCV	1
VCVCCVCCCV	1
VCVCCVCCVCV	1
VCVVCVCCV	1
VCVVCVCCCV	1
VCVV	1
VCVVCV	1
VVCCCV	1
VVCCVC	1
VVCVC	1
Всего учтенных имен	9950

Таблица 11

Двучленные сочетания звуков в чувашских именах

Сочетания	Абс.
хь	2162
ка	1811
ан	1376
эј	1306
са	1101
па	1012
ај	997
тэ	964
кк	943
ар	800
эр	796
мэ	789
ат	777
эн	732
пи	725
ал	712
ак	706
ил	680
ти	661
ма	644
ту	623
та	613
ук	613
нэ	604
кэ	598
нт	596
ин	583
ла	582
эк	565

Сочетания	Абс.
эт	558
ра	521
рэ	512
ик	506
лэ	476
ва	457
лт	445
ки	442
ми	441
јэ	424
ир	419
сэ	412
ит	412
ја	391
ул	368
нк	363
ав	354
им	352
ам	338
ап	327
ха	321
ас	314
ър	311
эл	298
эм	292
си	287
ах	287
на	280
ис	280

Сочетания	Абс.
шк	279
рс	276
ку	267
ри	260
пэ	258
вэ	246
иш	241
му	237
ли	236
тг	235
тъ	233
аш	226
то	220
эш	214
лу	212
уш	210
рг	207
лм	203
ор	202
рк	195
ру	195
их	194
ол	193
мъ	192
ьр	192
ть	180
ун	178
рм	177
шэ	175
шь	175
ко	174
эв	172

Сочетания	Абс.
лк	171
эп	167
уп	159
ух	158
хв	157
мо	156
он	155
ша	154
ьл	152
по	149
аф	148
кь	147
хт	147
ни	145
от	145
ну	142
тк	134
ур	129
уф	129
ут	129
пу	129
ип	126
рп	125
ох	124
кь	122
чэ	118
чь	118
фэ	114
эх	114
ач	114
хм	111
ск	109

Сочетания	Абс.
ръ	108
хо	107
нп	106
ьн	105
хх	105
хи	103
лп	103
сл	102
эс	102
пъ	101
мь	101
рх	101
ок	99
џа	98
су	98
лл	93
ху	93
эџ	92
јт	92
ча	89
ьс	89
џи	87
ој	87
јм	87
пр	86
ст	86
чу	86
съ	84
оџ	84
ьн	82
ьк	81
ьл	81

Сочетания	Абс.
ос	76
иј	75
кт	73
јк	72
ро	72
ив	69
тр	69
џт	69
хэ	67
ши	64
вр	64
ьк	63
оп	63
ьш	63
нч	62
ьв	61
сс	60
ви	59
лъ	58
въ	57
чи	56
јп	56
рн	55
пт	55
ьм	54
см	54
тн	54
шп	54
ус	54
вл	53
сп	53
шт	53

Сочетания	Абс.
шм	52
сь	46
џк	46
ьп	46
кс	46
нс	46
хь	44
мп	44
џь	43
чч	43
мк	41
рч	41
ьв	40
вт	40
лч	40
уј	39
км	39
ьп	39
ум	38
џџ	38
ју	38
вк	37
иџ	37
ьт	37
џу	37
эч	37
кр	35
јь	34
јр	34
шу	34
ом	32
ич	32

Сочетания	Абс.
ош	32
ьх	31
Пп	30
ьт	30
шш	30
тм	29
со	29
јс	29
лс	29
ль	28
нь	28
хп	28
рџ	27
лх	27
фэ	26
рь	26
аи	26
но	25
кп	25
ьс	25
рш	24
чо	23
тп	23
ов	22
џм	22
нн	22
кџ	22
ау	22
тү	22
пх	22
ьш	22
лш	22

Сочетания	Абс.
пк	21
хр	21
ву	21
јь	20
тл	19
ьџ	19
кл	18
нџ	18
нш	18
џь	17
св	17
үк	17
рл	17
во	17
џп	17
ры	17
чь	16
пл	16
ло	16
уч	16
уа	15
тв	15
нм	15
ыр	15
аф	15
кш	15
мш	15
нъ	14
мм	13
вн	13
лџ	13
кү	13

Сочетания	Абс.
оч	13
јш	13
рв	12
ји	12
џл	12
шо	12
хф	12
вы	12
оа	11
чк	11
ым	11
мс	11
пс	11
тч	11
фа	10
вь	10
јн	10
фо	10
кч	10
ьј	9
јл	8
үс	8
иф	8
јх	8
нх	8
хч	8
ыш	8
ты	8
ык	7
нл	7
шл	7
кн	7

Сочетания	Абс.
лн	7
ын	7
јо	7
тс	7
үс	7
нү	7
ьх	7
јч	7
лв	6
ув	6
эи	6
фи	6
вм	6
ио	6
мр	6
ьс	6
сы	6
үэ	5
пъ	5
хк	5
үл	5
үп	5
үр	5
үт	5
рү	5
хү	5
кх	5
пч	5
хл	4
үн	4
мс	4
пү	4

Сочетания	Абс.
оф	4
ьч	4
вч	4
мч	4
үш	4
ыа	3
мл	3
ыл	3
сн	3
хс	3
ыс	3
јү	3
лү	3
сү	3
ьч	3
тш	3
лы	3
сы	3
аэ	2
чм	2
мн	2
шн	2
ып	2
нр	2
рр	2
вс	2
вс	2
вс	2
тс	2
ыт	2
оу	2

Сочетания	Абс.
мү	2
сү	2
чү	2
эф	2
лф	2
мх	2
тх	2
шч	2
вш	2
пы	2
иа	1
аа	1
аъ	1
вв	1
кв	1
нв	1
иэ	1
оэ	1
уэ	1
ои	1
үј	1
ыј	1
пм	1
үм	1
хн	1
ао	1
эо	1
со	1
лр	1
ср	1
шс	1
јс	1

Сочетания	Абс.
мт	1
рф	1
уф	1
вх	1
сх	1
үх	1
сч	1
сч	1
үч	1
пш	1
јы	1
мы	1
ны	1
шы	1
Итого	55768

Таблица 12

Частотность имяобразовательных аффиксов

Формант	Абс.
-ка (-кка, -ка̋, -ке, -кке)	951
-ай (-ей)	819
-и	571
-ук (-ӳк, -ок, -ёк)	397
-ак (-ек)	380
-тай (-ттай, -тей, -ттей, -ти)	363
-кай (-ккай, -кей, -ккей)	247
-а (-е)	153
-ин	116
-аҫ (-еҫ)	91
-тар (-тер)	83
-аи (-еи)	60
-уҫ (-ӳҫ)	54
-а̋к (-ёк)	53
-уи (-ӳи)	47
-а̋м (-ём)	40
-тук (-тюк, -тӳк)	40
-не (-ня)	39
-ан (-ен)	44
-ух (-ӳх)	32
-уи (-ӳи)	30
-ха (-хха, -хе)	37
-таи (-теи)	26
-так (-тек)	22
-ҫа̋ (-ҫё, -ча̋, -чи)	19
-ун (-ӳн)	18
-туи (-тӳи)	17
-а̋ҫ (-ёҫ)	16
-ча	16

Формант	Абс.
-чей	16
-мас (-мес)	15
-иç	14
-айш (-эш)	13
-лӗ (-лӑ, -лӗ, -лӗ)	13
-ов	13
-ав (-ев)	11
-каш (-кеш)	11
-тӑк (-тӗк)	10
-те	10
-ах (-ех)	7
-ле	7
-ма (-ме)	7
-ней	7
-ска	7
-чук	7
-вер	6
-нӗк (-ник)	6
-ски	6
-шка	6
-рук	5
-уй (-уй)	5
-ут	5
-ат (-ет)	4
-нюк	4
-пук	4
-че	4
-ас (-ес)	3
-ӑн (-ӗн)	3
-ской	3
-ам	2
-ӑй	2
-лей	2

Формант	Абс.
- <i>майш</i>	2
- <i>ох</i>	2
- <i>сар</i>	2
- <i>са</i>	2
- <i>си</i>	2
- <i>у</i>	2
- <i>хи</i>	2
- <i>чак</i>	2
- <i>чак</i>	2
- <i>ай</i>	1
- <i>екен</i>	1
- <i>ев</i>	1
- <i>кур</i>	1
- <i>ла</i>	1
- <i>лах</i>	1
- <i>ляк</i>	1
- <i>ме</i>	1
- <i>мер</i>	1
- <i>нер</i>	1
- <i>сар</i>	1
- <i>сак</i>	1
- <i>таç</i>	1
- <i>тиш</i>	1
- <i>тун</i>	1
- <i>тяк</i>	1
- <i>тяр</i>	1
- <i>че</i>	1
- <i>ыш</i>	1
Итого	5056

Распределение антрополексем по частотности

Антрополексема	Абс.
<i>Пай</i> 'богатый; господин'	458
<i>Али</i> 'возвышенный'	230
<i>Ян</i> 'душа'	227
<i>Яр</i> 'друг, возлюбленный'	199
<i>Килт, килтё</i> 'пришел'	179
<i>Хан</i> 'правитель'	168
<i>Ак</i> 'белый'	134
<i>Мърса</i> 'князь'	130
<i>Пек</i> 'князь'	125
<i>Север</i> 'украшение'	99
<i>Мулла</i> 'служитель веры'	96
<i>Ай</i> 'луна'	95
<i>Кул</i> 'раб'	95
<i>Сау</i> 'здоровый'	93
<i>Тин</i> 'религия'	86
<i>Тирек</i> 'тополь, осокорь'	86
<i>Туй</i> 'праздник'	86
<i>Шах</i> 'правитель'	84
<i>Тивлет</i> 'благодать'	84
<i>Пйлат</i> 'булат'	83
<i>Исен</i> 'здоровый'	81
<i>Шейх</i> 'духовный глава'	78
<i>Сялу</i> 'красавица'	78
<i>Туكان</i> 'родной; родился'	72
<i>Парс</i> 'барс'	70
<i>Чура</i> 'раб'	65
<i>Кёл</i> 'роза'	55
<i>Яш</i> 'молодой'	55
<i>Пей</i> 'господин'	54
<i>Каччй</i> 'молодой человек'	52

Антрополоксема	Абс.
<i>Тулӑ</i> 'полный'	52
<i>Тиер</i> 'страны'	48
<i>Ал</i> 'тот самый'	48
<i>Хуҫа</i> 'хозяин'	45
<i>Султан</i> 'государь'	44
<i>Керай</i> 'могучий'	41
<i>Пике</i> 'госпожа'	40
<i>Мин</i> 'родинка'	38
<i>Пахта</i> 'посмотрел'	36
<i>Супай</i> 'конный воин'	36
<i>Шер</i> 'лев'	33
<i>Ял</i> 'село'	30
<i>Тимӑр</i> 'железо'	30
<i>Хӑр</i> 'девочка, девушка'	30
<i>Арӑс</i> 'счастье'	25
<i>Паи</i> 'голова'	20
<i>Эрне</i> 'неделя'	20
<i>Тӑван</i> 'родной'	20
<i>Ача</i> 'ребенок'	15
<i>Паттӑр</i> 'герой, богатырь'	14
<i>Сарай</i> 'дворец'	14
<i>Пинес</i> 'разум'	12
<i>Пустан</i> 'цветник'	10
<i>Пулт, пултӑ</i> 'стал'	8
<i>Тиван</i> 'свита'	5
<i>Стан</i> 'страна'	4
Итого	4215

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава 1. Теоретические основы исследования чувашских имен.....	5
1.1. Чувашские имена как феномен культуры	5
1.2. Опыт научного изучения чувашских имен дохристианской эпохи	10
1.3. Этнография чувашского имянаречения.....	16
1.4. Методика реконструкции чувашских имен	22
Глава 2. Лингвистическая характеристика чувашских имен.....	30
2.1. Фонотактические особенности.....	30
2.2. Дериватологическая структура	42
2.2.1. Морфемное членение	42
2.2.2. Аффиксальное образование имен	46
2.2.3. Словосложение	53
2.3. Семантические процессы в функционировании чувашского именовслова.....	58
Глава 3. Генетическая стратификация имен	64
3.1. Имена собственно чувашского происхождения	64
3.2. Имена иноязычного происхождения	68
3.2.1. Татаризмы.....	68
3.2.2. Арабизмы.....	75
3.2.3. Иранизмы	80
3.2.4. Мариизмы.....	84
3.2.5. Русизмы и христианские конфессионимы, заимствованные через русское посредство.....	87
3.3. Общий антропонимический фонд языков Урало-Поволжья.....	92
Глава 4. К проблеме русских фамилий чувашского происхождения	97
Заключение.....	107
Список литературы.....	111
Приложение.....	117

Научное издание

ФОМИН Эдуард Валентинович
ИВАНОВА Алена Михайловна

**ЧУВАШСКИЙ АНТРОПОНИМИКОН XVIII ВЕКА:
ИНАЯ КУЛЬТУРНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ**

Редактор *О.А. Хлебкова*
Компьютерная верстка и правка *Э.В. Фомина*

Согласно Закону № 436-ФЗ от 29 декабря 2010 года
данная продукция не подлежит маркировке

Подписано в печать 10.08.2020. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 8,13. Уч.-изд. л. 7,72.
Тираж 500 экз. Заказ № 626.

Издательство Чувашского университета
Типография университета
428015 Чебоксары, Московский просп., 15